

Территория Запределья

Территория Запределья

с. Майма
2020 г.

Территория Запруделья

с. Майма, 2020 г.

Территория Запределья. — Майма, 2020 г. — 300 стр.

В сборник «Территория Запределья» вошли повести и рассказы тринадцати авторов Майминского литературного объединения «Ли́ра».

В объединение входят люди разных возрастов и профессий: художники, учителя, фотографы, музыканты, инженеры, журналисты, геологи и др.

В своём тесном кругу при библиотеке авторы встречаются, читают новинки, делятся творческим опытом, выпускают литературную газету, участвуют в конкурсах, пишут легенды, стихи, рассказы, издают сборники. Эти рассказы на любой вкус: есть сказочные, есть смешные, оригинальные, современные, о неповторимости окружающей природы и её обитателей, рассказы о мальчишках и девчонках, о бесконечном и удивительном мире детства, который часто бывает за пределами понимания взрослых.

Дорогой читатель!

Ты держишь в руках сборник произведений для детей «Территория Запределья». Его создали авторы Майминского района, которые пишут замечательные стихи и прозу. Мы — люди уже взрослые, но творческие, а творчество делает нас чуть-чуть детьми. Открою тебе секрет — мы все немножко скучаем по детству. Ведь детство — это время ярких фантазий, а порой и настоящих чудес.

Многим из нас иногда хочется бросить все дела и отправиться в путешествие на поиски приключений или вытворить что-нибудь такое... Ну, что можно только детям. Но кодекс взрослой жизни не позволяет нам шалить, баловаться, целыми днями играть во дворе с друзьями, да много чего не позволяет. Зато мы можем писать и, благодаря её Величеству литературе, погружаться в мир детства вместе с тобой, дорогой читатель. Мир Запределья... Ух, какой это классный мир! Так что, не спеши взрослеть и дружи с книгами, в них столько интересного! Спасибо, юный друг, что ты читаешь этот сборник!

Светлана Костина, автор повести «Пипиняфа»

Светлана Костина

Пипиняфа *Детская повесть*

Эта маленькая повесть родилась, когда моему сыну было три годика. Мне захотелось написать для него сказку, свою собственную — мамину сказку. Потом пришло слово «пипиняфа», родилось оно ниоткуда и непонятно зачем. Слово вроде забавное, что с ним делать? И я решила пустить его в полезное дело — назвать им героиню своей сказочной повести. И, процесс пошёл. Я сама написала повесть, сама её проиллюстрировала, сама потом прошила страницы, сделав книжицу «домашнего» формата. Мы прочитали её быстро и с удовольствием. Может и не шедевр, но сыну понравилось. Он был первым, кто познакомился с «Пипиняфой». Сейчас просит продолжения, думаю, Пипиняфа ещё к нам вернётся.

Глава первая

О потерянном ботинке или как я познакомилась с Пипиняфой

Мне было шесть лет, когда я впервые увидела Пипиняфу. Может, она тогда просто придумалась в моей голове? Не знаю. Выдуманная или настоящая, но она стала моим самым удивительным другом на свете! Нашу первую встречу я отлично запомнила, Пипиняфа вышла из корзины с игрушками и сказала: «Простите, я где-то здесь потеряла свой ботинок». Она действительно была в одном ботинке. Пипиняфа показалась мне очень хорошенькой, хотя и такой малюсенькой — размером с соседского котёнка. Не буду вдаваться в долгие описания, лучше нарисую её для вас. Вот так она выглядела. Правда же, симпатяга?

Я смотрела, как из корзины вылетают мои игрушки, иногда оттуда появлялась голова Пипиняфы с двумя смешными хвостиками на макушке и повторяла:

— Ну, что за день, пропал ботинок! Это какое-то безобразие.

Моя гостья, несмотря на свою миниатюрность, казалась настоящим силачом. Игрушки, которые она запускала в разные концы комнаты, были гораздо больше её. Я едва увернулась, когда резиновый мячик чуть не угодил мне по голове. Сначала я хотела позвать маму на помощь, но потом передумала. А вдруг мама прогонит это создание? Пипиняфа мне уже успела понравиться, как-то сразу захотелось с ней поиграть во что-нибудь. Ведь я была одна у мамы с папой, без братишек и сестрёнок мне жилось скучновато.

Я огляделась в поиске потерянного ботинка. Так вот же он! Лежит себе на полу в уголке, малюсенький такой, с бантиком.

— Вот, — я протянула нежданной гостье ботинок, взяв его двумя пальцами за бантик.

Пипиняфа с радостным визгом начала обуваться, а потом кокетливо покрутила перед собой ножкой.

— Всё-таки в ботинке мне гораздо больше нравится, чем без него.

Потом она повернулась ко мне и отвесила поклон.

— Очень приятно, Пипиняфа.

— Очень приятно, — ответила я. — Люся.

Вообще-то меня зовут Алиса, но мама и папа почему-то любили называть меня Люсей. Я не возражала, ведь это же так забавно — иметь сразу два имени, одно для всех, а другое — для родителей и друзей.

Пипиняфа встала на жёлтый игрушечный кубик и торжественно провозгласила:

Люся, как же ты мила,
Ты ботинок мой нашла!

Пипиняфа была немножко поэтом. Удобно усевшись на кубике, она спросила:

— А ты не знаешь, часовой паук сейчас дома? Он мой дядюшка, я, собственно, к нему в гости и направляюсь.

— Паук, у нас? Нет. То есть, не знаю, то есть не видела... — ответ получился немного путанным. Пауки мне не очень-то нравились, если уж совсем честно, я их боялась.

— Он живёт в часах, вон там, — Пипиняфа показала пальцем на настенные часы в прихожей.

Большие часы «домиком» — очень старые, это память о прадедушке. Вот уж не думала, что их кто-то населяет!

— Так ты не знакома с моим дядюшкой?
– Пипиняфа удивлённо подняла брови. – Это надо будет исправить. Мой дядя тебе должен понравиться! Он такой добрый и знает много-много всего, он очень уважаемый паук.

Дядя – очень мудрый дед,
Стережёт часы сто лет!

Прочитав короткий стишок, моя новая знакомая, видимо, осталась очень довольна собой. Она с достоинством отвесила мне очередной поклон и, гордо задрав свой смешной носик, быстро направилась в сторону прихожей.

— Меня, наверное, заждались. Ещё увидимся!

Поболтать с тобой я рада,
Но уже спешить мне надо.

И Пипиняфа ушла или исчезла, как будто её и не было. А я всё смотрела на жёлтый кубик, на котором она ещё мгновение назад сидела. В свои юные годы меня каждый день что-нибудь удивляло, но Пипиняфа побила все рекорды. Её появление было таким волшебным, как бывает только в мультиках, а мультики про всякие чудеса я ужасно любила и люблю, кстати, до сих пор.

Глава вторая

Пока действует волшебство

— Ну что ты всё смотришь на эти часы? — сказала мама, поправляя причёску перед зеркалом в прихожей. — Как будто ты их раньше не видела.

Мама пошла в магазин за хлебом всего на десять минут.

— Люся, я быстро. Иди пока полистай свою новую книжку, — донеслись мамины слова за закрывающейся дверью.

Но я не хотела листать книжку, я смотрела на часы. Сейчас, когда в квартире тихо-тихо, может, я услышу, как часовой паук разговаривает с Пипиняфой. Но часы не издавали никаких звуков, кроме обычного «тик-тик».

«Жалко», — подумала я и пошла в свою комнату. А там... Там меня ждала Пипиняфа! Она забралась на стульчик и сидела на нём, побалтывая ножками в своих ботиночках с бантиками.

— Правда, что ты всё смотришь на эти часы, неужели тебе так захотелось познакомиться с моим дядюшкой? Ну что же, я тебе обещала

это устроить. Познакомлю прямо сейчас!

Я и обрадовалась, и испугалась одновременно, ведь пауков я побаивалась, но это, в основном, касалось обычных, не волшебных. Пипиняфа словно прочитала мои мысли.

— Мой дядя – паучок-добрячок. Он из той редкой и благородной породы пауков, которые и мухи не обижают, — весело сообщила моя знакомая. — Он сегодня в гостеприимном расположении духа и ждёт нас у себя в часовом домике.

— Но я же не влезу в часы! — в моём голосе звучала досада.

— Не переживай, сейчас, сейчас... Я тут как раз записала одно хорошенькое заклинание, — Пипиняфа достала из кармашка маленький блокнотик, перевернула несколько страничек. — Таак, где же это... А! Нашла!

Турлям-пурлям-трам-парам-пуух!

Заклинание подействовало мгновенно. И вот я уже стала размером с Пипиняфу, которая бесстрашно спрыгнула со стула (очень высокого для неё, между прочим) и потащила меня за руку. Я смотрела по сторонам и не узнавала свою квартиру: громадная мебель походила на дома, а потолок стал далёким, как небо.

— Быстрее, пока действует волшебство!

— А как же мама? Мама сейчас придёт! Она потеряет меня... — протараторила я, ускоряя шаг и перепрыгивая через ставшие огромными цветы на ковре.

— Ты забыла кто мой дядя? — Пипиняфа взглянула на меня слегка возмущённо. — Часовой паук! Он владеет тайной времени и умеет его останавливать. Он «заморозит» время, пока мы будем гостить в часовом домике. Мама и не заметит твоего отсутствия, ведь когда часы снова оживут, ты будешь уже дома!

«Вот это да!» — подумала я, и уже больше не задавала лишних вопросов.

Глава третья

Тайна механической комнатки

Пипиняфа громко выдала стишок:

— Здравствуй, домик часовой,

Ты нам дверь свою открой!

Мы стояли под часами. Моё сердце взволновано колотилось. Послышался тихий скрип. Это открылась маленькая дверца на часовом домике, и оттуда спустилась верёвочная лесенка. Мы встали на эту лесенку, она плавно,

чуть поскрипывая, подняла нас прямо к жилищу паука. И вот я, в сопровождении своей новой знакомой, оказалась в уютной комнате с абажуром. Паук стоял у стола и разливал чай. Не буду долго описывать его внешность, лучше покажу. Он выглядел вот так.

Заметили, какие у него шикарные усы? Вообще, у пауков не принято носить усы, но дядюшка Пипиняфы составлял исключение. Как вы уже поняли, он – существо особенное, между прочим, очень милое и доброе.

Пипиняфа отвесила хозяину домика свой фирменный поклон, я тоже скромно поклонилась.

— Здравствуйте, дорогие. А я уже чай приготовил по своему любимому рецепту — с корицей и шоколадом, — сказал хозяин часо-

вого домика. Голосок у него был тоненький, слегка певучий.

Мы сразу уселись на стулья. Паук протянул мне мохнатую лапу прямо через весь стол.

— Очень рад знакомству. Часовой Паук Усатович.

— Люся. Просто Люся, — ответила я и пожала его лапу.

— Она тоже рада, ей очень хотелось побывать в вашем домике, — добавила за меня Пипиняфа.

Чай с корицей и шоколадом оказался очень вкусным. А ещё вкуснее был мёд, который пауку прислала его знакомая пчела. Паук Усатович был суетливым пауком, пока мы распивали чай, он успевал делать сразу несколько дел: чинить какой-то прибор, штопать носок, ещё и помешивать супчик на плите.

— С таким количеством лап, просто непозволительно бездельничать, — заявил он.

Дядюшка с вдохновением рассказывал о своей жизни в часовом домике, о том, что он потомственный часовой паук и его главная работа — следить за часовым механизмом волшебных часов. Этот механизм работает вот уже целую вечность, если он остановится,

весь мир застынет в безвременье. Тут он прервался:

— Ох, извините, мне нужно сходить в механическую комнатку, проверить, как там часовые механизмы, всё ли в порядке? Не надо ли чего подкрутить или подмазать? Я каждые два часа контролирую работу часов.

Паук подошел к тёмному углу, затянутому паутиной, которую разорвал взмахом лапы. Он брякнул ключами на круглой связке, дверца медленно открылась.

— Я сейчас, не скучайте, дорогие, — и дядюшка исчез за загадочной дверью.

Пипиняфа налила себе третью чашку чая.

— Дядя каждые два часа проверяет часовой механизм, и каждый раз он оплетает дверь новой паутиной, для маскировки, — пояснила она.

— А ты была в механической комнатке? — спросила я свою подругу.

— Конечно, нет! Туда позволительно входить только потомственным часовым паукам, — и уже шёпотом она добавила. — Что за этими дверями, мало кто знает, скажу одно, механическая комнатка — это таинственное место, где рождается само время! Дядя рассказывал,

что многие пытались попасть в эту комнатку, чтобы завладеть секретом волшебных часов, но ничем хорошим это не заканчивалось...

Отхлебнув чая, она посмотрела на меня заговорщицки:

— Но о часовом домике, обо мне и моём деду — ни-ко-му! Это секрет! Тссс!

В этот момент маленькая дверка в дальнем тёмном углу издала скрипучую мелодию, и паук снова появился перед нами в свете абажура. Он незамедлительно начал работать лапками, пряча дверь за плотной сеткой паутины. Хозяин часового домика делал это невероятно быстро. Пипиняфа допила свой чай, когда дед закончил своё паучье дело и подошёл к нам.

— Полный порядок! Время течёт, как ему и полагается.

Время идёт, время бежит, время течёт,
Времени счет, времени ход, водоворот...

Пипиняфа по-кошачьи зажмурилась от удовольствия, она просто обожала сочинять и читать стихи за чашечкой чая. Казалось, ещё немного и её слова перейдут в мурлыканье. Вдруг она резко подскочила на стуле:

— Дядюшка, время течёт? Оно течёт! Ты

же обещал ненадолго остановить его!

Паук стукнул себя лапой по голове:

— Забыл, совсем забыл. Я ведь ужасно забывчивый, свято помню только свою главную работу, следить за механической комнаткой, а про всё остальное вечно забываю.

— Люся, тебе срочно нужно возвращаться! — обратилась ко мне Пипиняфа, — твоя мама, наверное, потеряла тебя, а ещё действие заклинания скоро закончится.

Не успела я опомниться, как верёвочная лестница уже опустила меня в прихожую моей квартиры. Спускалась я одна, без Пипиняфы, и, только мои ноги мягко коснулись пола, я обрела свой привычный рост и вес, а квартира перестала казаться мне огромным, странным миром. Из комнаты доносился мамин голос, она разговаривала по телефону:

— Пока я ходила в магазин, её и след простыл, вот уже полчаса где-то пропадает...

Я робко подошла к маме, она стояла у окна, в одной руке зажав телефонную трубку, а другой держась за лоб.

— Попадёт, — подумала я.

Но мне не попало. Мама так обрадовалась, что я нашлась, что даже забыла спросить, где

я была. Она обняла меня и повела на кухню:

— Я купила твоих любимых булочек, а ты убежала куда-то, негодница!

Поедая булочки с молоком, я думала про Паука Усатовича и его механическую комнатку. Надо же, такое великое чудо, как время, доверено маленькому паучку! Маленькому, но очень ответственному и мудрому. Как же это здорово, что у меня дома располагаются волшебные часы! Но об этом тс-с!..

Глава четвёртая

Время в опасности!

Когда мне было шесть, я спала очень сладко и видела только хорошие сны. Так было и той ночью, когда заявила Пипиняфа и начала меня будить.

— Вставай, соня-засоня! Вста-ва-ай! – это она мне прокричала прямо в ухо, так громко, что не проснуться было просто невозможно.

Я открыла глаза и увидела в свете ночника свою волшебную подругу.

— Привет, Пипиняфа, а ты чего не спишь?

— сонно поинтересовалась я.

— Я вообще не считаю нужным спать, осо-

бенно ночью! — заявила Пипиняфа и протараторила стихами:

От скуки кто-то выдумал кровать,
Ну что это за глупость — ночью спать!

Вид у неё был слегка растрёпанный и взволнованный.

— Пока ты спишь, тут такое происходит!

— Какое-такое?

— По пути объясню. Вставай, мы спешим!

— Но...

Пипиняфа не собиралась выслушивать мои возражения.

— Поторопись! Времени нет, время в опасности, — сказала она.

Время в опасности? И тогда мне стало понятно — что-то произошло в механической комнатке! Я встревожилась и обрадовалась одновременно, ведь дело пахнет приключениями, без которых ужасно скучно жить.

Я поправила пижамку, засунула ноги в тапочки и объявила о своей полной готовности.

— Вот и отлично! — кивнула Пипиняфа. — И вот ещё, возьми с собой что-нибудь на удачу. Есть у тебя какой-нибудь талисман?

— Нет, — призналась я, но тут вспомнила,

про папин подарок – музыкальный брелок, который часто беру с собой на прогулки. Это такая маленькая коробочка с разноцветными резиновыми кнопочками, которая когда-то издавала мелодии известных песен. Сейчас батарейки на брелке разрядились, и он пел лишь невнятное: «иу-иу-иу», но я всё равно любила эту штучку. Брелок лежал на полочке с книгами, я показала его Пипиняфе.

— Ерунда какая-то, — оценила она, — но если это твой талисман, то бери.

Я сунула папин подарок, ставший теперь моим талисманом, в карман пижамки.

— А сейчас заклинание, — объявила Пипиняфа. — Турлям-пурлям-пам-ам-пурурурам-трам-парам-пуух!

И в одно мгновение я стала маленькой-премаленькой, вместе со мной уменьшилось всё, что было на мне одето, и мой талисман тоже.

— А теперь, вперёд! — скомандовала моя гостья.

Мы прошли сквозь полумрак комнат – тихих и огромных, мне стало даже чуточку страшно, но это быстро прошло. Затем было восхождение на подоконник через стул, стол

и батарею. Пипиняфа ловко перепрыгивала с одного предмета на другой, как оказалось, это и у меня неплохо получается. Моя спутница открыла окно (и всё-таки она была очень сильная, хоть и такая маленькая), и мне в лицо ударила ночная прохлада, пахнувшая мокрой травой. Я глянула вниз (мы жили на пятом этаже), где, словно леденцы на палочке, золотисто поблёскивали фонари.

— Как же высоко я живу, — подумалось мне.

— Сейчас за нами прилетит мой друг, который поможет добраться до места, — пояснила Пипиняфа. — А пока мы его дожидаемся, я расскажу тебе обо всём, что произошло.

Мы сели в проёме окна, и здесь, словно на границе двух пространств, я узнала о беде, которая постигла Паука Усатовича, и о том, чем это грозит всему нашему миру.

История, которую рассказала Пипиняфа.

— Как тебе уже известно, Паук Усатович владеет одной из великих тайн – тайной времени. О существовании и расположении домика дядюшки Паука и его часовой комнатки знают лишь избранные – самые близкие друзья. Потому-то дядюшка и живёт вдали от Запределья. Что? Я тебе еще не рассказы-

вала про Запределье? Это такой сказочный мирок, где живу и я. Он чуточку воображаемый и чуточку настоящий, и совсем непохожий на знакомый тебе — человеческий. Эти миры кое-что объединяет — время! Мы живем в одном времени и никак не можем без него обходиться. Так вот, время сейчас находится в большой опасности, а мы должны его спасти, иначе настанет жжжуткое безвременье! И лучше тебе не знать, что это такое! Скажу одно, без времени нам, как без воды и воздуха невозможно обойтись, а тот, кто ради власти и силы охотится за ним, совершает огромную ошибку. Именно моему дядюшке доверено было стеречь самое важное, ведь он скромн и умён, у него нет гордыни, толкающей некоторых злодеев на самые гнусные поступки...

Моего дядюшку похитили. Не сомневаюсь, что это проделки Крысобяки, я сама видела, как её длинный хвост, промелькнул сегодня в тёмном углу вашей прихожей. Здесь она просто так бы не появилась. Эх, заглянуть бы мне к дядюшке пораньше!

Крысобяка — страшно хитрая и вредная. В Запределье с ней никто не дружит, а она только и мечтает о том, чтобы все ей в лапы

кланялись. Вот она и решила завладеть тайной времени — решила провозгласить себя королевой нашего мира! Мда, не думала я, что Крысобякины планы зайдут так далеко.

Сегодня она похитила дядюшку и спрятала его у себя в норе. Хочешь знать, чего она добивается? Понятно, чего. Она хочет, чтобы Паук Усатович рассказал ей, где находится механическая комнатка, ведь дверь туда спрятана очень премудро, что её так просто не найти. Нам нужно спасти дядюшку, как можно быстрее, нельзя оставлять комнатку без его присмотра. Ведь ты же уже знаешь, что он каждые два часа проверяет работу механизмов, вырабатывающих время. Люся, мы должны спасти мир от безвременья! И (иначе не скажешь) у нас мало времени!!!

Глава пятая

Здравствуй, Запределье!

Откуда-то из темной глубины небес появились жёлтые автомобильные фары.

— О, а вот и наш Совелий, — сказал Пипиняфа.

Когда Совелий приблизился, он оказался вовсе не автомобилем, а совой, с огромными

круглыми, как блюдца, глазами. Это была красивая птица с большими крыльями, от взмаха которых, казалось, вздрагивало небо.

— Привет! Это Люся — она, как говорится, наш человек. Люся, это — Совелий, — быстро протараторила Пипиняфа.

Совелий ответил мне галантным поклоном. Я подумала, что в Запределье, наверное, все друг другу кланяются, может, у них так принято и тоже поклонилась.

Потом мы забрались сове на спину, Пипиняфа со знанием дела обвила птице шею, приказав мне:

— Держись за меня!

Когда мы заняли свои места, Совелий поднялся в небо. И вот я впервые увидела родной город, освещённый ночными огнями, с высоты птичьего полёта. Вот он двор, где я гуляю, а это супермаркет, вон, кажется, кинотеатр, а это... Ой, уже совсем ничего не разберёшь. Мы поднимались всё выше, огни редели и утопали в темноте. Мы погрузились в ночь — глубокую, тёмную и глухую. Ничего не было видно, я только чувствовала под собой тёплую спину Совелия и всё крепче прижималась к Пипиняфе.

Не знаю, сколько мы летели, кажется, я даже заснула в пути и проснулась от того, что наш пернатый друг пошёл на посадку. Густые чёрно-синие небеса вдруг резко перешли в светло-голубой цвет, из мрачного мрака мы погрузились в нечто светлое и тёплое. Мне даже показалось, что мы прорвали тонюсенькую мембрану, ну, или плёнку, разделяющую два измерения. Я обернулась, чтобы увидеть дыру в небосводе, но небо было ясным и приветливо-солнечным.

Совелий приземлился на полянке, усеянной цветущей земляникой. Теперь его глаза не светились жёлтым светом, они были серо-зелёные и очень уставшие. Наконец, я его разглядела в дневном свете – это шикарная птица. Кстати, вот вам портрет Совелия.

— Спасибо, что подбросил, — обратилась к нему Пипиняфа. — Те-

перь полетишь отдыхать? Лети, но помни, что ты и твои крылья нам ещё пригодятся!

Совелий кивнул и молча полетел прочь.

— Он не особенно разговорчивый, — заметила я.

— Да, Совелий — молчун, но он замечательный друг. Никогда не откажет в помощи. Сейчас он отправился домой, спать, солнечный свет действует на него, как снотворное.

Я сидела на мягкой траве и любовалась видом, который открывался с места нашей посадки: уютный городок, притаившийся среди густых зелёных деревьев, состоящий из узких улочек и милых, похожих на часы в моей прихожей, домиков. Но, самое удивительное зрелище представляли жители этого городка! Запределье походило на царство оживших игрушек, а может это и были ожившие игрушки? Вот вразвалочку идёт плюшевый мишка, так похожий на того, что мне бабушка подарила на день рождения, а вон катит тележку с орехами белочка, в опрятном фартуке, и кукольного вида девочка, словно сошедшая с витрины «Детского мира», любит себя в маленькое розовое зеркальце. Игрушечный народ кажется

совсем настоящим, здесь все разговаривают, улыбаются, дышат и вообще ведут себя по-человечески.

— Вот оно, наше Запределье! — сказала Пипиняфа с гордостью и добавила стихами:

— Живём мы здесь без суеты
Мы верим в сказки и мечты,
Люблю свой мир я запредельно,
Он запредельной красоты!

Рассиживаться нам было некогда. Пипиняфа взяла меня за руку и повела за собой. Пора спасать дядюшку Паука и время!

Глава шестая

Храбрые сердца – подскажут

— И как мы будем действовать? У тебя есть план? — спросила я у Пипиняфы, когда мы спустились с опушки в сторону Запределья.

— Неа, — сказала она, следуя уверенным шагом. — План есть у мастера заклинаний Улита Мудрого.

— А кто это?

— Это один из самых уважаемых жителей нашего мира. Он знает про всё и обо всём. Ему уже известно, что дядюшку похитили. А

ещё он создаёт самые разные и полезные заклинанья.

На тесных улочках всё пищало, пиликало, гудело. Яркое, разношёрстное население Запределья занималось кто чем. Кто-то спешил по своим делам пешим ходом или ехал в разноцветных пластмассовых машинках, кто-то вёл торговлю, например, сладостями и лимонадом, кто-то просто сидел на лавочке и радовался солнцу. Этот добрый и чуточку смешной народец жил обыкновенной своей запредельной жизнью, не подозревая о том, что их страна находится сейчас в большой опасности. Ещё чуть-чуть и время остановится...

За своими взволнованными мыслями я и не заметила, как мы оказались возле домика, на котором не было ни дверей, ни окон.

Пипиняфа подошла к нему и стукнула пару раз.

— Тук, тук!

Домик покачнулся и приподнялся. Вдруг я увидела, как из него медленно высунула голову, а потом и всё своё тело улитка, вернее Улит. У него были маленькие глазки-бусинки и мясистый нос, на котором сидели очки с толстыми линзами.

Улит две секунды всматривался в гостей, пытаясь их узнать, видно зрение у него было не очень, а потом широко улыбнулся.

— Пипиняфа! Я знал, что ты придёшь. Кто это с тобой?

— Люся — мой друг.

Я поклонилась, Пипиняфа тоже.

— А ты Люся из человеческого мира? Знаю-знаю. Милости просим в нашу страну! — сказал Улит приветливо, но тут же сделался серьёзным. — Хранитель времени находится в плену у Крысобяки, она хочет у него выведать, где находится механическая комнатка и

завладеть секретом времени. Паук Усатович, конечно, ни за что не выдаст своих тайн, напрасно злодейка на это надеется, но пока он находится у неё, никто не следит за волшебными механизмами, которые могут дать сбой! Глупая Крысобяка не может понять, к чему способны привести её мерзкие дела.

— Мы не допустим остановки времени и спасём дядюшку Паука! — сказала Пипиняфа.

— Да, да, я знаю. Я всё знаю, — Улит вытянул свою шею и приблизился к нам. — Вам нужно спешить! Дорога каждая минута! Удачи! — Улит стал плавно уходить в свой домик.

— Но, а как же план? — робко спросила я.

— Пусть ваши храбрые сердца подскажут вам, как нужно действовать!

Мы с Пипиняфой переглянулись, увы, плана не будет.

— Ах да. Совсем забыл! Я создал для вас парочку полезных заклинаний. Сейчас. — Улит спрятался в своём домике и вскоре появился вновь, протянув Пипиняфе пару оранжевых листочков, вырванных из блокнота, — Эти заклинания я сделал специально для вас, уверен, они вам пригодятся.

— «Заклинание пустого звука» и «Заклина-

ние плохой погоды», — прочитала Пипиняфа и вежливо спросила Улита. — А нельзя ли нам для столь важного дела получить заклинание, например, открывающее все замки, побеждающее всех врагов?

Но Улит уже спрятался в своём домике.

— Ваши храбрые сердца вам подскажут, как нужно действовать, я это знаю. Я всё знаю..., — услышали мы напоследок.

Глава седьмая

В тёмной норе

Нора Крысобяки находилась на окраине Запределья. Вокруг её жилища стояли голые кусты с колючками, землю устилали сухие листья. Видимо, от Крысобякиной злобы даже травка в округе перестала зеленеть. Нору можно было узнать по толстой дощатой двери, на которой висела табличка: «Здесь живёт Крысобяка, не входить без приглашения!»

— Больно нужно нам её приглашение, — сказала Пипиняфа, а потом добавила стихами:

— Нас к жилищу Крысобяки
Тропка привела,

Скоро кончатся её

Тёмные дела.

Пипиняфа огляделась:

— Так, нам нужен наблюдательный пункт.

Я тоже посмотрела по сторонам и увидела дупло в старом дереве, которое стояло прямо напротив Крысобяжиной норы.

— Может, спрячемся в это дупло? — я указала своей подруге на дерево.

Она утвердительно кивнула, и вскоре мы уже оказались там. В дупле было сухо и мягко из-за занесённой сюда ветром листвы, и даже как-то уютно.

— Крысобяжка редко выходит из своей норы, нам нужно её выманить, — шёпотом сказала Пипиняфа, когда мы сели на ковёр из сухих листьев.

— Ты уже знаешь, как это сделать? — по уверенному тону моей смелой подруги, я понимала, что она уже всё придумала.

— Здесь-то нам и пригодится заклинание пустого звука. Скоро всё увидишь сама, а пока тсссс! Не высовывай голову!

Пипиняфа достала из кармашка один из тех листочков, что дал Улит Мудрый.

— Итак, заклинание пустого звука, — про-

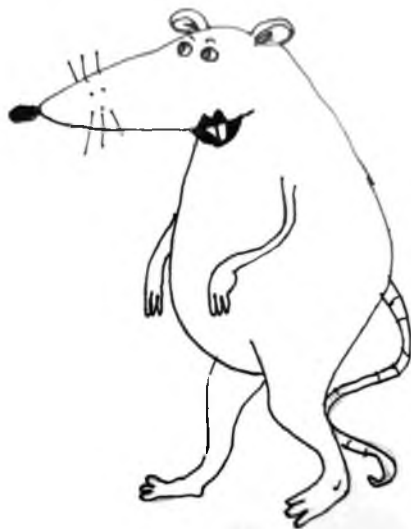
шептала она и начала читать. — Брр, дррр, бум-ба-ба, шау-мяу, кя-кя-кя, дзынь-ля-ля.

Через мгновение послышался тихий звон, похожий на колокольчик, он нарастал, становился всё громче.

— Туда! — Пипиняфа указала колокольчику-невидимке направление, в сторону норы Крысобяки. Звук послушался, и я буквально ушами увидела, как он вылетел из нашего убежища и устремился к норе.

— Дзынь-ля-ля, дзынь ля-ля... — Послышалось у толстой дощатой двери, которая вскоре закрипела и открылась. Тут я увидела Крысобяку. Вот так она выглядела.

Это была большая крыса с длинной и хитрой мордашкой. Она высунулась из-за двери и посмотрела по сторонам. Потом снова исчезла в своей норе и появилась, одетая в длинную плащ-накидку из красного бархата. Из-под её одеяния, как змея выползал длинный розовый хвост.

— Это её любимая накидка, она думает, что выглядит в ней, как королева, — насмешливо шепнула Пипиняфа.

— И кто тут меня хотел видеть? — спросила Крысобьяка строгим тоном, решив, что к ней пожаловали гости.

В ответ ей раздалось:

— Дзынь-ля-ля!

— Что? Кто здесь?

— Дзынь-ля-ля, дзынь-ля-ля! — невидимый колокольчик звенел теперь вдали от норы, Крысобьяка пошла на звук.

— Эй, что за шутки! — ворчала она, но любопытство вело её всё дальше за волшебным звоном.

Между тем мы тихо-тихо выбрались из своего укрытия и проникли сквозь приоткрытую дверь в нору Крысобьяки.

В её жилище было темно и душно, освещением здесь служил лишь небольшой светильник, висящий в центре довольно просторного помещения с низким потолком.

— Привет, — сказала кому-то Пипиняфа. Оказалось, она обращается к светильнику. Ой, да это не светильник, а маленький светлячок, запертый в клетке.

— Щаас, — Пипиняфа откинула золочёный крючок, и дверца клетки отворилась.

— Спасибо, — пропищал светлячок, — я так устал служить этой злодейке.

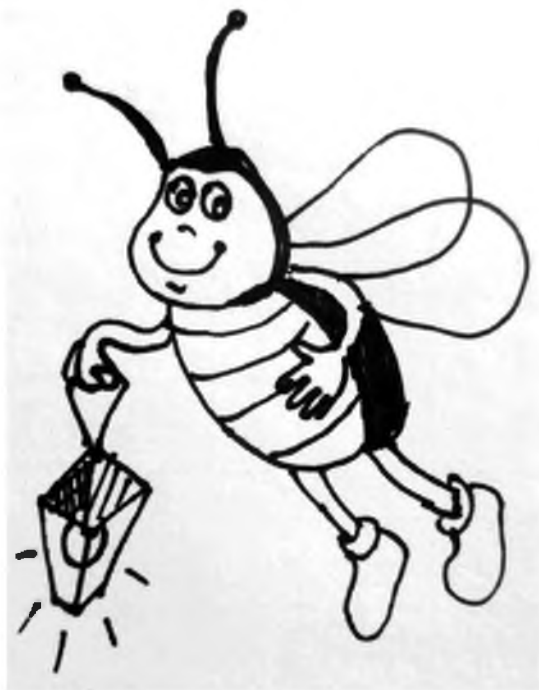
— Пойдём с нами, будешь освещать нам путь! — предложила ему Пипиняфа.

— Я готов! А куда?

— А может ты нам и подскажешь? Где Крысобяка держит Паука Усатовича? — спросила Пипиняфа взволнованно. Светлячок, видимо, сразу всё понял и решительно пропищал:

— За мной! Быстрее!

А в это время скрипнула дверь. Крысобяка возвращалась.

Глава восьмая

В западне

Мы шли по узенькому коридорчику следом за светлячком, который, словно путеводная звезда, освещал нам путь. Мы спешили, зная, что следом за нами уже идёт Крысобяка, но дороги для отступления уже не было.

В конце коридора оказалась запертая на большой замок дверь.

— Он там! – сказал светлячок.

— Мда... — Пипиняфа с грустью посмотрела на дверь, уже совсем близко слышались шаги Крысобяки и шуршание её плаща. – Вот это мы попали.

Спрятаться было негде, бежать некуда, мы оказались в западне.

— Не сдаваться! – скомандовала Пипиняфа, — мы действовали не очень продуманно, зато храбро, думаю, ещё не всё кончено!

Да, дорога к нашей цели – нелегка,
Мы отсюда не уйдём без Паука.

Признаться, мне стало страшно, как никогда. Я представила, как Крысобяка запрет нас в одной из самых тёмных комнат своей норы,

где мы будем ждать наступления полного безвременья, и я больше никогда не вернусь домой к маме и папе!

Вот из сумрака появилась фигура в красной накидке. Мы все трое стояли перед ней — безоружные, но воинственно настроенные, по крайней мере, пытались создать храбрый вид.

Она подошла к нам. Вблизи Крысобяка оказалась не такой уж страшной, просто глупой и тщеславной.

— Ого! Это кто тут у меня? — спросила она, разглядывая нас быстро бегающими глазами.

Мы молчали. Светлячок, видимо, не на шутку испугался, от этого свет, который он излучал, стал бледнеть и дрожать.

— Так, так. Мой светлячок захотел свободы? Сейчас же отправишься в клетку! Ах, Пипиняфочка, соскучилась по своему дядюшке! Как мило. Что ж, скоро составишь ему компанию! А это кто? — она подошла ко мне ближе, взяла за воротник пижамки и подвела ближе к светлячку, чтобы лучше разглядеть. — Кто такая? Я тебя спрашиваю?

— Я, я... Я — Люся, никого не боюсь! — неожиданно для себя самой выпалила я.

— Что? Кто?!

— Меня зовут Люся, я — главный помощник хранителя времени. Прибыла из человеческого мира, чтобы разобраться, почему Паук Усатович находится у вас, а не там, где он по-настоящему нужен?

— Из человеческого мира? Главный помощник? И как же ты ему помогаешь? — было видно, что Крысобяка сбита с толку.

— Вы разве не знаете? У нас в человеческом мире есть целая армия помощников, ведь время и его хранитель нуждаются в постоянной поддержке и полной безопасности. Меня направили на поиски Паука Усатовича и выяснения всех обстоятельств его похищения.

— Что ты выдумываешь, нет у него никаких помощников, — неуверенно пробормотала Крысобяка.

Я посмотрела на своих друзей, в их глазах читалась надежда. Крысобяка же отступила назад, продолжая меня разглядывать.

Сочиняя эту белиберду, я про себя подумала, что всё-таки зря мама ругает нас с папой за то, что мы смотрим всякие там фантастические фильмы, оттуда можно почерпнуть много полезного.

— Только бы мы успели доставить хранителя времени домой до того, как часовой механизм сломается, а это может произойти в любую секунду, — и здесь я уже не выдумывала, говорила искренне и эмоционально. — Вы хоть понимаете, что натворили, механическая комнатка осталась без присмотра, время может остановиться!

— Я готова отдать вам Паука, но пусть он плетёт свою паутину в каких-нибудь других часах, а мне нужна механическая комнатка, я смогу следить за волшебными механизмами не хуже него! — самоуверенно сказала Крысобяка. — Передайте своей армии, что теперь у времени новый хранитель!

— Этому не бывать! — не выдержала Пипиняфа.

— А ты помалкивай! И знайте, что я никого не боюсь, — голос Крысобяки стал грозным и одновременно ещё более писклявым.

— Но если время остановится... — начала было я.

— Молчать! Пусть приходит твоя армия, я найду, что ей сказать, а пока, посидите немножко здесь, её длинный хвост-змея скрылся во мраке. Было лишь слышно, как он про-

ник в замочную скважину, поскрипел там, и дверь в тёмную-тёмную темницу отворилась. — Пожалуйте в свои апартаменты! — Крысобьяка противненько рассмеялась.

И тут я вспомнила про свой музыкальный брелок-талисман, который всё еще лежал у меня в кармашке. Достала его из кармана и нажала на кнопку. И тут послышалось тягучее и невнятное: «миу, миу, миу».

— Это ещё что? — Крысобьяка сделала недовольную гримасу.

— Это радиосигнал, по которому наша армия сообщила мне, что с минуты на минуту прибудет сюда. Боюсь, что это вас скоро закроют под замок на долгие годы. Таких как вы у нас называют преступниками и сажают в тюрьму! — заявила я. — А впрочем, вы крыса — необыкновенная, вас, скорее всего, отдадут учёным, для опытов.

— Миау, аууу, — жевал звуки брелок.

Крысобьяка закрыла лапками уши.

— Слишком много странных звуков на сегодня. Не могу это слушать. Аааа!

Я выключила звук у брелка и приблизила его к губам.

— Ваше сообщение получено. Крысобьяка

у нас в руках. Наши координаты вам известны, ждём!

— Нет, я не хочу быть ни в чьих руках, — заметалась Крысобяка. — И вообще, я не верю, не верю тебе, девчонка из человеческого мира!

И тут где-то над нами раздался раскат грома, это Пипиняфа потихоньку прочитала заклинание плохой погоды.

— Слышите? — улыбнулась я. — Кажется, наш суперскоростной корабль уже прилетел!

Крысобяка снова закрыла уши. Она страшно не любила громкие звуки.

— Вы очень милая, Крысобяка. Жалко мне вас, — продолжала я спокойно.

— Я милая? — Крысобяка открыла уши и замерла на месте, как будто слышала новый и ещё более странный звук.

— Милая... — повторила она.

Кажется, ей никто в жизни никогда не говорил приятных слов. Ах, бедняжка.

— Конечно, милая-премилая, и мне бы так не хотелось, чтобы вас отдали на опыты учёным. Ваше место здесь, в Запределье, где вас любят и уважают. Я знаю, что у вас доброе сердце.

— Доброе, конечно, доброе, я вообще — наидобрейшая, просто это не все замечают, — Крысобьяка вдруг смущённо улыбнулась.

Ласковые слова, оказывается, действуют лучше любого заклинания.

— Отдайте нам Паука Усатовича, о, славная, хорошая Крысобьякушка, а я попрошу свою армию не арестовывать вас.

Я и в самом деле прониклась симпатией к Крысобьяке, которой так не хватает обычного сердечного тепла.

— И отдам, сдалось мне это время, мне покой нужен, я ведь уже не молода, — сказала крыса, — она сунула хвост в замочную скважину. Трыть-трыть — замок лязгнул, брякнул и открылся.

— Ведь я на самом деле такая ранимая, я часто плачу в подушку...

Но мы уже не слушали Крысобьяку. Перед нами появился Паук Усатович — целый, невредимый и чуточку растерянный.

— Здравствуйте друзья, — обрадовался он, и мы с Пипиняфой бросились к нему в объятья.

Глава девятая

Домой!

— Ну, ты фантазёрка, — весело заметила Пипиняфа, когда мы вышли из норы Крысобяки. Она не пошла нас провожать — побоялась быть схваченной армией защитников хранителя времени, которой, конечно, на самом деле не существовало.

— Какие же вы смелые, спасибо вам, — Паук Усатович, смахнул слезу своей лохматой лапкой. — Я знал, что друзья не бросят меня в беде.

Заклинание плохой погоды уже закончилось, грозы как не бывало. Солнышко готовилось к закату, на небе розовели облачка, похожие на пенку от клубничного варенья, которое недавно варила мама. Ах, мамочка, как же я соскучилась!

— Когда у нас наступает вечер, в мир людей приходит утро, нам нужно вернуться до рассвета, — сказала Пипиняфа.

Мы попрощались со светлячком, которому не терпелось вернуться домой, к своим деткам. Потом Пипиняфа прошептала что-то

вроде: «Тури-пури-трам-пум-пум!», пояснив, что вызывает Совелия, и вскоре он действительно прилетел – выпавшийся, но всё равно молчаливый. Увидев Паука Усатовича, Совелий почтительно пожал ему крылом лапку и поклонился, на этот раз, чтобы нам было удобнее забраться к нему на спину. Вскоре мы уже взлетали всё выше и выше, я мысленно попрощалась с Запредельем – симпатичным и добрым миром, где я побыла совсем недолго.

Небеса становились всё темнее и холоднее, но на спине Совелия, было тепло и мягко, я закрыла глаза, чтобы было не страшно, и тут же погрузилась в сон или какое-то забытие.

Проснувшись я в своей постели, меня разбудил мамин голос:

— Не пора ли вставать, засоня? Ты сегодня спишь дольше обычного, — мама стояла у моей постели и ласково улыбалась.

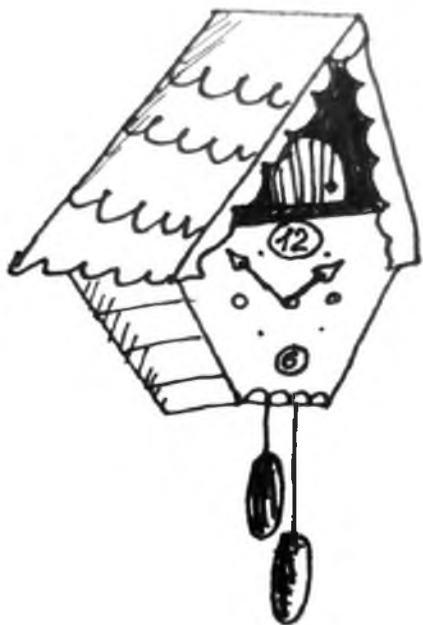
— Доброе утро, мама, — ответила я, потягиваясь.

— Что тебе снилось, дочка?

— Снилось? Это, что был сон? — лишь сейчас я всё вспомнила. — Мне снилась сказочная страна.

— Прекрасно, — мама уже спешила на кухню, где закипал чайник. — Чисти зубы и бегом завтракать.

Я соскочила с постели и побежала в прихожую. Часы-домик показывали десять часов утра. Вдруг маленькая дверца в домике приоткрылась, и оттуда выглянул паучок, который приветливо помахал мне лапкой. Я поклонилась в ответ. Нет, это был не сон. Сказочное Запределье мне не приснилось, и мои друзья — Пипиняфа, Паук Усатович и все-все, действительно, существуют, а значит, мы с ними ещё обязательно встретимся. Приключения только начинаются.

Рисунки автора

Мерген Челтанов

Мопед

Когда мне было 15 лет, у меня был мопед «Карпаты», советский, Львовского мотозавода, 1984 года выпуска. Собрал я его, можно сказать, из кучи железа, которое никоим образом даже не могло мечтать о том, чтобы мчать меня по улицам моего городка. Вообще-то, я хотел мотоцикл, но для этого нужно было больше денег, времени, сил, умений, а этого, конечно же, для его покупки и усовершенствования у меня почти не было, так же как и прав на его вождение. Поэтому я приобрел «Карпаты-1» и «Дельту», от которых к тому времени были одни названия. «Карпаты» я сторговал у Ниндзи, уже порядком взрослого парня, расплатился деньгами.

Но это не беда. Беда была, когда мне пришлось тащить его домой. Да, да, именно тащить, так как у него было на ходу лишь переднее колесо. Заднее же колесо, изогнутое в хлам и к тому же без спиц, беспомощно волочилось сзади, являясь неким механическим рудиментом.

Один час позора, и я уже дома. «Дельта» мне

досталась дороже, хотя была не намного лучше. Но уже потом я понял, что не прогадал — на ней было много исправных, почти новых запчастей.

Итак, покупки завершились, я уложился в 750 рублей, не считая тросика сцепления, лампочки на фару, поршневых колец и краски, которые я купил уже позже.

Наступил период сборки, долгий и мучительный период проб и ошибок, радостей и разочарований, надежд и безысходности. До этого механическими узлами, которые я собирал, были детский конструктор «Лего» и мясорубка, а высшей планкой в моей технической практике являлась сборка велосипеда.

Пришлось постоянно обращаться за советами к пацанам, которые не один год своей жизни «рассекали» по окраинам с ветром, наполненным мотоциклетным треском. Но почему-то толкового ничего не вышло. Правда, объяснили местонахождение жизненно важных узлов моего мопеда, который оказался упрощенной детской версией, таким младшим братом «Минска». Объяснили, как нужно заводить с толкача, так как ножки кикстартера не было... Получил я и много других советов, в полезности и пра-

вильности которых убедился позже, когда засел за книжки.

О, это были деньки! Раньше я не любил ходить в библиотеку, так как постоянно портил и терял книги и не мог долго сидеть в читальных залах. Но тут, увидев полезные буквы в различных пособиях по ремонту и обслуживанию двухколесных коней, и особенно журнал «Мото», я засел в «Калинке» основательно.

Ребята-мотоманьяки стали в шутку дразнить ботаником, посмеивались, когда я называл детали и узлы их заводскими именами. По этому поводу, кстати, меня называли еще «кикстартером», «вращающейся рукояткой управления дроссельного золотника», а также «кривошипно-шатунным механизмом».

Шутки шутками, но вскоре уже я смеялся над ними, основательно подкрепив фундамент своих не очень обширных практических знаний жесткой и надежной арматурой теории. Поэтому они стали советоваться со мной по поводу всяческих переделок и внесения изменений в конструкцию мотоцикла. Если же мои доводы не принимались, то я всегда говорил: «Ты не умней изобретателя!»

Через четыре месяца после покупки, в авгу-

сте, мой мопед, раскрашенный под тигра, немного «задратый», всюду тархтел, обгоняя «пазики», желтобрюхие такси и прочих участников городского трафика. Особенно получалось «дергать» и обгонять велосипедистов и прохожих, зачастую удивленно и недоумевающе глядящих вслед.

О, мой мопед! Он был частью моей души! Как я потом сожалел о том, что во время поломок пинал его, швырял в него ключами, ругал, а один раз даже плюнул! Всегда, садясь на него и слушая его приветливое, дружеское, немного свирепое тархтенье, я мысленно просил его о прощении.

Я обращался с ним бережно и в меру жестоко. Я старался чаще его мыть, ежедневно следил за его состоянием. Он был моим другом. Он понимал, когда мне было плохо, когда мне хотелось вырваться прочь, когда мне просто необходимо было, чтобы ветер бил в лицо, наполняя грудь, как парус, прохладным, пахнущим ночной тишиной и поникшей, но светлой осенней печалью воздухом.

Да, конечно, он все понимал, душевно принимая в объятия своего бензинно-масляного аромата, – понимал, и поэтому заводился, как

и я, с пол-оборота, и неся в ночную неизвестность...

В одиннадцатом классе, когда всюю готовят к экзаменам, когда все говорят, что ты уже взрослый и пора начинать новую жизнь, я продал его. Нет. Я его предал. Эти слова отличаются лишь одной буквой, но суть одинакова.

Парнишка, который его покупал, очевидно, совсем не умел ездить. Мопед в его руках завелся не сразу, не смог тронуться с места, а когда все-таки поехал, то вдруг дико закричал выскочившей передачей. Но я тогда ни о чем не думал. В потненьком кулачишке я счастливо сжимал одну синенькую и две красненьких бумажки.

Деньги я потом потерял. Карман порвался об гвоздь, торчащий из стены сарая, когда я выкатывал свой мопед в последний раз.

Парень тот в первые же две недели «убил» его капитально. В первый день, врезавшись, погнул вилку и разбил фару, пообрывались тросики. Потом по какой-то случайности разорвало корзину сцепления.

Он позвал меня посмотреть, что случилось. Я пообещал. Хотелось это сделать в субботу, но шел сильный дождь, и на душе от этого было пасмурно. Я поехал в воскресенье с утра. Мопед

лежал в ограде на боку. Левая крышка была снята, и с двигателя и его развороченных внутренностей, словно кровь, стекало масло. Вид его был потрепанным и грязным, руль неестественно вывернут, и из разбитой фары капля за каплей текла вчерашняя дождевая вода. Казалось, мопед плачет.

Вспомнилось, как однажды в детстве мама сказала мне, что машины не плачут, так как они мертвые. Словно подтверждая эту мысль, из потускневшего глаза моего друга перестало капать. Он умер.

Галина Свириденко

Старое русло

Лесостепь... Сколько меня здесь не было! Меня уже здесь просто не помнят. Никто. Еще бы – не один десяток лет! Хотя я иных помню. Но поскольку дружеские отношения возвращать уже незачем, иду одна. Иду в места, куда меня тянет, где бы я не жила все эти годы.

Знакомая улица. Она, как бы, просела. Иные дома покосились от времени, а которых не было, построили. Вот и тропа — всё тот же притоптанный песок. По её краям всегда росла дикая герань и низкорослая полынь. Растёт и теперь. Где-то тут должны быть мелкие заросли тополей, но их нет. А есть огромные стволы деревьев, в которых можно заблудиться. Но всё же, эта теневая тропа вывела меня на реку моего детства.

Небольшая река Алей. Хочу подойти близко к краю берега и теряюсь. Обрыв, да еще какой. Но его не было тут. Обвожу взглядом русло по течению реки и против неё. Оглядываюсь назад. Да то ли это место? Роща огром-

ных тополей! Неужели это тот самый тополиный подрост? Тогда почему же на другом берегу песчаное гладкое побережье, которого там не было. Именно там был обрыв.

Нахожу спуск к воде и здороваюсь с рекой, как со старым добрым другом. В ответ до меня доносятся глухие всплески, и, кажется, в тишине я слышу тихий вздох.

– Здравствуй, «девочка». Ничего ты не напутала. Ты ищешь моё Старое русло, а это новое, другое. Я ведь помню, как ты ребенком прибежала ко мне. А помнишь, как ты, ещё не научившись плавать, начала тонуть, и, уходя на дно, цеплялась за своих сестер, которые оттолкнув тебя, выплыли и убежали.

Тогда мои воды вынесли тебя на мелководье. Ты ведь этот брод хочешь найти? Мне бы тоже хотелось его найти, но в один момент половодья воды ушли в сторону, не возвратившись.

По старой памяти ещё некоторое время ко мне приходили люди, а в середине лета, они называли меня Сухой Лужей. Только через годы земля стала покрываться травой и мелким кустарником. Бабушку твою я тоже помню. Она просила тебя не подходить близко к

моей воде, а ты постоянно садились на прибрежный песок и ждали вечера.

В памяти передо мной встаёт бабушка Лиза, которая подоткнув за пояс юбку, несёт в одной руке бидон с дикой малиной, а другой придерживает привязанный к спине передник с грибами. Бредёт навстречу мне, уговаривая не входить в воду.

Обувая на берегу калоши, она даёт мне в руки по белому груздику, и я, едва поспевая, бегу за её широкими шагами по этой тропинке. А дома мы перебираем грибы, а из малины варим варенье.

— Знаешь, а мне не жаль, что воды покинули меня, — продолжаю слушать обращенную ко мне мысль Старого русла. — Зато для меня стало возможным стать Степью. Все равно иногда перепадают дожди, а значит, жизнь не закончилась. Сюда постоянно прилетают птицы, и прокладывают тропы животные,

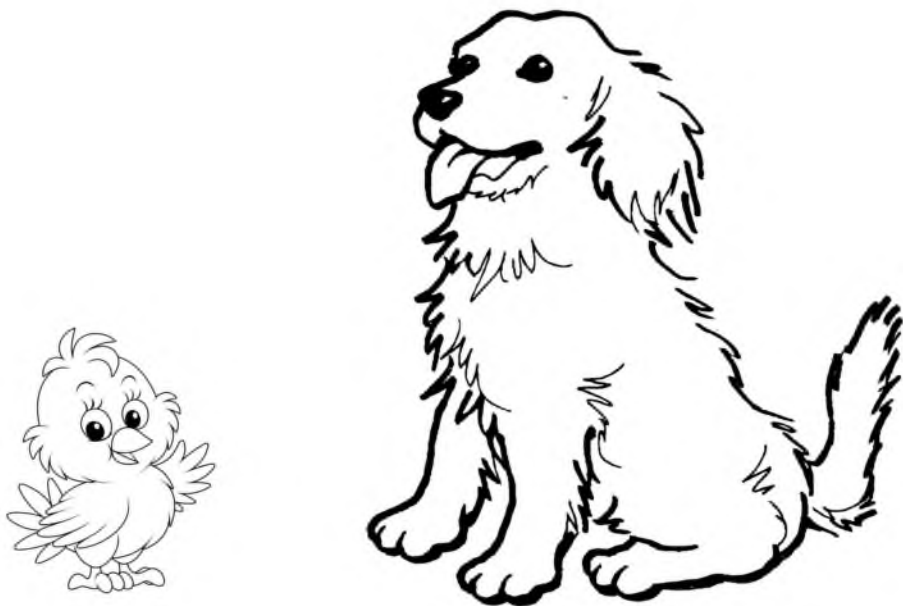
питаюсь моими дарами. Ночью со мной общаются мыши и совы, а днём я тоже научилась радоваться солнцу. Пусть и колючки растут, но не исчезла малина, клубника, смородина. А зимой трещит мороз, и я, как и всё кругом, отдыхаю.

С трепетом принимая удивительное общение, я машинально набираю несколько горстей песка моего Старого русла, которые подсыплю в растущие цветы на подоконнике, а его оставшуюся часть — перед входом в дом, чтобы ощущать соприкосновение.

— Это ты помнишь меня Старым руслом, — шепчут мне мягкие барханы песка, — а для всего живущего, я давно стала Забокой. Теперь люди не ходят ко мне загорать, потому что много мошки и комаров, и песок скоро может стать серой землёй. Но ничего плохого в этом нет. Люди пользуются корой ив, их молодыми прутьями, да и берёзовая роща есть. Видимо и мне, многое ещё предстоит понять и пережить. Часть моих вод за тысячелетия ушла в океан, а другая — просто в небо. Даже пыль моего Старого русла, перемещаясь с ветром, возможно, где-то превращается

в пустыню. Присмотрись внимательно — в мире всё непостоянно. Перемены идут со скоростью движения времени, и помни: всё, что встречается на нашем пути, — живое...

Последыш

Маленький серый щенок скулил. Ему было одиноко и тоскливо. Еще вчера он жался к тёплому брюшку своей мамы, а сегодня тонкая щенячья цепь пригвоздила его к земле у маленького домика, который лишь слегка прятал его от окружающего мира, но страха от этого не убавлялось. Еда у него была, но каждому живому существу требуется большее.

Вчера его взял на руки человек, подержал за загривок и сказал: «Увесистый!». Тут же посадил его к себе за пазуху и принёс сюда.

— Бери, бери, не пожалеешь, — уверяла Михаила хозяйка своей животинки. Мать-то у него умная, отличная сторожевая, и из этого толк будет. Последний он у меня остался, всех их быстро разобрали. Но щенок не понимал, что с этого момента он остаётся один.

Маленькая девочка, увидев щенка в своём дворе, приняла его за живую игрушку и очень радовалась. Она ласково гладила его руками по спинке, таскала на руках, прижимая к себе, а он мокрым языком облизывал ей руки и лицо.

— Плохо это, — сказал отец, — заметив детское отношение к Последышу.

— Не будет из него толку, если так с собакой обращаться, — и оставил щенка в первую же ночь в конуре.

Поскольку во дворе стояло лето, то для тепла ему хватало шёрстки, которая согревала его по ночам, а каждодневные разговоры с новым хозяином позволили со временем привыкнуть к месту и к самому хозяину.

Однажды к щенку подошёл цыплёнок.

Маленький, едва державшийся на ножках, он как сумел, бесцеремонно напился из собачьей плошки, оставленной хозяином рядом с будкой Последыша. Подрастающий пёс удивлённо наблюдал за гостем, который оказался гораздо меньше его самого.

Половину дня цыплёнок пищал возле будки, выклёвывая пищу. Щенок терпеливо сносил такое поведение гостя, когда стемнело, то цыплёнок прижался к щенку, видно приняв его за мать-хохлатку.

Каково же было удивление Михаила, когда утром в будке он обнаружил диво-дивное и чудо-чудное. Щенок не скулил и не бросался к нему. Он своеобразно показывал хозяину на малыша-пришельца, как бы собираясь сказать тому:

— Вот, видишь, не один я теперь...

— Так-то оно так, — удивлённо раздумывал хозяин, — но как ты не задавил его, а наседки-то у меня нет. Что делать будем?

Недолго думая, Михаил спрятал цыплака в коробку на момент собачьей прогулки, а потом семья воссоединилась. Так и подрастали.

К августу месяцу соседи смогли наблюдать такую картину: первым бежал пёс, за ним

Михаил, а следом подрастающий петушок догонял их, пытаясь чередовать суетливое перемежение куриных лап между взлётами и падениями.

— Пока так, — пояснял Михаил любопытствующим соседям, — а как дальше наша жизнь сложится, решим по ходу...

Решение пришло неожиданно. Однажды соседка попросила петушка для своих курочек.

— Приходи ночью, — сказал Михаил, — чтобы и пёс, и петух уснули. Проснулся квартирант собачьей будки на следующий день в курятнике, напрочь забыв о своих приёмных «родителях».

— Сделал доброе дело, и забудь о нём, — пришёл к мысли Михаил, не считая важным настроение оставшихся жильцов, вопрошающие поглядывающих друг на друга.

Молчунья

Жила-была сорока и, видимо, за внешний вид все называли её Павой. Не одна она жила в лесу, а в самой обычной сорочьей семье. Много у неё было братьев, сестёр и ещё всякой родни хватало. И так уж устроено было в

их семье, что собирались вместе они только на ночь поделиться со всеми: куда летали и чем занимались днём. И не переслушать их было. А первогодок Пава всё больше молчала.

— Ты чего всегда молчишь, — потихоньку потрескивая языком и укладывая свои перья на ночь, спросила её любимая тётушка Лётка.

— Понимаешь, — ответила ей Павка, на срывающемся, ломаном сорочьем языке, — не могу я так много кричать ни о чём.

— Да разве мы ни о чём кричим? — позёвывая, возмутилась тётка Лётка, наконец-то, угнездившись на крепкой, удерживающей её ветке на ночь.

— Выросла ты вроде бы уже, значит, надо становиться такой же — крикливой и видной птицей, иначе все в лесу станут сплетничать о том, что в нашей сорочьей семье молчунья появилась. Я-то, тебя люблю, а как другие? А если изгнать захотят? Непорядок это будет в лесу. А ну, как другие птицы тебя забьют. О чём думаешь, молчунья?

— Петь я хочу научиться, Лётка. Я уже и учителя себе присмотрела, Соловья прошлогоднего, — решилась пойти на откровенность Павка.

— Ты чего это удумала, а? — тётка Лётка, чуть с ветки не свалилась. Как будто сильным порывом ветра её качнуло.

— А ты не слышала разве, как красиво они поют? — начала разъяснять своё желание Павка.

— И что, как они отнеслись к твоему присутствию у своего гнезда? — решила всё вызнать Лётка.

— А никак! — у меня же голоса-то нет. Я своим скрипом их пение испортить бы могла.

— Вот незадача-то, хорошо, что нас никто не слышит. Но поскольку ночь в лесу стояла уже глубокая, то обе, распушив перья, уснули рядышком.

Утро на другой день выдалось на зависть солнечное, и тётка Лётка, как всегда, несколько раз прокричала об этом. Но каково же было её удивление, когда рядышком она услышала совсем необычные звуки. Вроде, и стрёкот, а вроде, и нет. Звуки то опускались на низкий тон, то поднимались на долгий и высокий скрип, который тут же привлёк вни-

мание окраины всей улётной братии.

— Вот это да! — издал свой скрип, неизвестно откуда взявшийся отец Павки, тот ещё потомственный скрипун. — И что же теперь делать будем?

— А ничего, — пропел подлетевший Соловей, — моя школа!!!

И занялась с тех пор сорока Павка пением своим профессионально, в одночасье став Павой Сорокобёвой, а Соловей при ней стал известным продюсером не только этой окраины, но и всей округи.

Золотое озеро

У каждого человека есть в душе своё — детское, тайное, сокровенное. Часто именно оттуда мы черпаем силы и желание жить — Детство. Сколько же сокрыто в нём? Тебе говорят что-то сверхполезное, а ты не соглашаешься. Усыпаешь под одеялом, а сам решаешь проверить: так ли глубока речка, снесла ли яйцо курица и действительно ли глубокий снег?

Окружающие люди всегда хотят помочь, но в этом вопросе их проверенные жизнью знания и подсказки действуют с точностью до наоборот.

А ещё в детстве хочется летать. А взрослые, они же вообще не летают, им и в голову это не приходит. Вот и дожидаясь того момента, когда родители уйдут на работу, уснёт бабушка, и появляется сокровенная возможность забраться на крышу дома, и наконец-то, измерить глубину притягательного снежного бугра. И, если бы не сорвавшийся с цепи пес Дружок, который вырыл меня оттуда своими мощными лапами, вряд ли смогли бы меня найти. Это был мой самый первый полёт. А сколько их было — падений с деревьев, заборов, этого никто, кроме меня, достоверно не знает. Невозможность сделать из рук крылья, вели к отчаянию и различным повреждениям тела.

Красивые новые платья оказывались разорванными в первый же день появления, их потом тайно чинила моя десятилетняя сестра. Теряли терпение родители, смеялись соседи и друзья моего детства, но не могла я поверить в тот момент, что научиться летать человеку без всяких приспособлений нельзя.

Отчаявшись «приодеть» свою среднюю дочь, а надо сказать, что опрятность старшей сестры мне всегда ставили в пример, мама как-то раз очень серьезно сказала, что новых пла-

тьев у меня больше не будет! Возможно, это поставило меня с головы на ноги. Да и отец убедил в том, что раз родилась девчонкой, значит и надо быть ею, хотя на рыбалку любил ездить только со мной. А шить я не любила. Однако, видеть как закручивается из-под его рубанка древесная стружка, гудит токарный станок в цеху, было для меня большим счастьем. Даже сам запах машин, двигателей и вся суэта мастерской, было гораздо привлекательнее всего другого. Это позднее, будучи взрослой, пришло понимание того, что именно падения всякого рода, возможно и есть, начало будущих взлётов во всех сферах бытия.

Никто не знает и о том, как я искала брод в речке. Я же видела, как бабушка брела по ней с грибами в переднике, но песчаная река неожиданно углубилась в этом месте, и меня понесло. Ныряла и выныривала, и снова захлебывалась, но на мель все-таки вынесло. Однако, любопытство, самой познать жизнь, продолжалось. Проверить глубину погреба, из которого потом вытаскивали с синяками. Не лепить из пластилина, а тайно закапывать в землю клады, было любимой игрой, благо степная почва была податлива даже ребёнку.

И пусть тех кладов никто не искал, но попыток пропустить через себя всё мыслимое и немыслимое хватало. Убедиться в том, что только изорвав кожу рук и плеч, можно влезть на боярышный куст, в общем, всё то, что не может прийти в голову любому здравомыслящему взрослому, читается в любопытных глазах детства.

В тот день мы были уже «взрослые», перешли во второй класс. И я пригласила свою подружку Нинку походить по лесу. Надо сказать, что за лес в степи, мы принимали редкие кусты ивняка, солодку, полынь, степные кочки осота, колосья которого гладили руками и радовались лету. А идти мы собрались в чужой огород. Мы, конечно, знали, что нельзя, но не воровать же шли.

Просто в их огороде находилось озеро. А я разведала ещё раньше, что там в этом самом озере живут желтые лилии. Лилии – кувшинки, с мою ладонь. И мне захотелось поделиться этой тайной с подружкой Нинкой. Когда мы пробрались туда через густой забор шиповника, чуть не улетели в это озеро. Мы и лягушки, и никаких сторожей! Хотя нет, пугало огородное, как и положено, в старом

выгоревшем платье, смешной зимней шапке, болтавшееся от ветра на колу, стояло среди огорода, оберегая подсолнухи от птиц, но оно было неживое, не настоящее.

А мы шли потрогать раскрытые солнышки, лежащие на воде. Золотое озеро, в котором мы топтались, ходило ходуном. Коряги впились в подошвы. Пусть и промочили свои платья, но лилии были в наших руках. Странно, что они оказались без запаха, точнее, отдавали болотом. Однако, какие же длинные были их стебли! Мокрые совсем не рвались и не ломались.

Кое-как, вытянув пару водных красавиц из воды, понесли их домой. Мы даже не предполагали, что болотные цветы сразу убьет горячее степное солнце. Позднее еще не раз ходили туда просто любоваться ими, пока в один момент, к нашему огорчению они не превратились в семена. Но у нас был еще запас лета, и мы старались извлечь из него то, чего не увидишь и не потрогаешь зимой.

Ну, разве можно, об этом рассказать взрослым? Ведь они постоянно заняты, а еще могли рассердиться. Проследят за тем, чтобы дети сытые были, поверят в то, что спим, и

успокоятся. А мы смотрели свои сны, наши завтрашние заботы, в которых будут новые приключения и открытия.

Из других воспоминаний детства снова всплывает озеро. Рассказав Нинке, что летом в озере мы с отцом наловили сетью целую ванну карасей и раздали их соседям, решили вдвоем найти зимой это озеро и узнать, замерзли ли в нем караси. Это обязательно было нужно проверить.

В тот день был большой мороз. Но мы договорились идти, поэтому, утеплившись, всё же двинулись к назначенному объекту. Не учли только того, что озеро оказалось глубоко занесено снегом. Ничего не взяв с собой для очищения льда, стали чистить его небольшую частичку варежками. Это было очень трудно, но мы сделали это. Упав на снег, любовались плавающими карасиками с нашу ладонь. Там еще шевелилось дно — растения темно-зеленые всякие. Это поднималась тина, которая мешала их четкой видимости. Да и вечер уже начинался. Идти назад было далеко и долго. Знали, что лежать и сидеть нельзя. Но забыли о том, что после обеда быстро становится темно, и мы с трудом находили

свои перевернутые снежные следы-дырочки. Наконец появились первые светящиеся окна села. Сначала попали к Нине домой, её дом был ближе.

Наши ледяные варежки бросили на печь, нас сразу же накормили. Нина осталась, а мне еще предстояло преодолеть несколько улиц. Никто не пошел проводить до дома. Когда я пришла с отмороженными щеками, меня уже собирались искать родители и соседи. Наказывать не стали, потому что я сказала, что катались на ледяной горке. Нина тоже не стала нас выдавать. Впрочем, она потом навсегда забыла это путешествие. Что ж, возможно её душу по жизни греют другие воспоминания, гораздо более интересные и приятные.

Снежные города...

Все знают, что март месяц непредсказуем. Ждёшь тепла, а его нет и в помине. А когда уже снимаешь шубу, на тебе — минус двадцать, да дней на пятнадцать! Но сегодня, кажется, такого напряжения уже не будет. Утихомирился. Почему это видно? По градусам, дневные температуры уже плюс пять — семь. Да и по логике — конец второй декады подходит.

И пусть еще основные снега в лесах и на горах плотным настом лежат, но у жилых кварталов тротуары уже прорезались, и через пару недель сухой ногой ступать будем.

А вот теневые сугробы — настоящее недоумение! В местах, где еще не ступала нога, лежат они, волнообразно прогнувшиеся, дожидаясь своего часа. По краям дорог и изгородей, просто роскошные петушинные гребни, направленные остриём вверх, настоящие ажурные ледяные салфетки, с которых свисают капли. И, что удивительно, их никто не строит специально. Переходишь с одной улицы на другую, а там ещё краше! Просто глаза слепит. Когда ещё такое увидишь?

Это со стороны дневного солнечного путешествия. Попутным ветром их тут что ли подсушивает? Но как неповторима эта хаотичная неравномерность! Казалось бы, излом да выступ, а переливы из перламутра и серебра. А под самими сугробами уже тоннели. Темные и светлые неровности будто ждут своих зверушек, успевших нарыть себе разнообразные и углубленные норы. Но, что обидно и жалко, все на один день. На следующее утро встанешь, а вчерашней красоты уже и нет. Лужа вместо неё. А новенький гребень уже на подходе с другими отблесками. Большинство прохожих и проезжающие автомобилисты не видят этих снежных городов, и спешат люди в своё бесконечное завтра, растаптывая их неудержимостью своего движения.

Прохладно ещё вокруг. Через время земля подсохнет, и будет уже недовольство пылью, недостаточностью листвы на ветвях. В ожидании думаешь, что лучше? А всё-таки хорошо, что всё по сезону, а тепла дождёмся, и будет оно нисколько не хуже весеннего солнечного перелива...

КАК Я БОЯЛСЯ!

Хочу рассказать всем, что такое страх. Так спокойно жил до этого и знал, что все меня любят и заботятся обо мне, как вдруг вот эта напасть случилась. Я хоть и небольшой ещё, но и не маленький уже, во втором классе учусь, и знаю: если не включать газ, то смогу сам себе разогреть пищу в мультиварке.

Проснувшись дома, как всегда, даже позавтракать успел. Взрослые все ушли на работу, а у меня каникулы летние начались. Лежи сколько хочешь, я захотел выйти на площадку, но не успел. Подошёл к окну, а на стекле шмель громадный летает и гудит. Если бы я не знал, что бывает после укуса пчёл и ос, то я бы и стоял, как дурак, у окна, дожидаясь, когда он меня долбанёт.

Но помня, как это страшно больно, я, уже одетый, снова кинулся на кровать под одеяло. Там было темно и почти не слышно, как он долбит о стекло. Иногда, я подгибал край одеяла и выглядывал из-под него, но шмель продолжал летать уже по всей комнате и издеваться надо мной.

Надо было что-то делать, и я решил позвонить другу, чтобы он срочно пришёл ко мне. Он поохотал надо мной и сказал, что сможет прийти только через час. Вот ведь чучело! Наверное, сам испугался.

И вот он стучит в дверь, а как ему открыть? Шмель же меня караулит, специально не улетает, чтобы вцепиться. Спрятав своё лицо под полотенцем, я открыл дверной замок. Денис, а он чуть постарше меня, догадавшись, что я то, спрятанный от шмеля, а он с открытой головой, кинулся в сторону и как полоумный принялся бегать по комнате. Мне стало смешно, и я начал бегать за ним тоже. Как же он орал! Теперь уже я боялся не один. А когда боишься с другом, не так страшно.

Вдруг Динька споткнулся и, падая, схватился руками за любимый мамин аквариум. Раздался грохот и звон стекла, и все золотистые рыбки затрепыхались на полу в растекающейся воде и на осколках стекла. Мы ещё больше испугались, что натворили, даже на время забыли про этого страшного шмеля.

Стали собирать рыбок в банку и набивать её камешками и зелёными водорослями. Банку поставили на место, надеясь, что взрослые

не увидят подмены и не сразу поймут, в чём дело. Но хитрый Динька, сразу убежал домой, сказав мне, что мама его не сильно долго отпустила. Оставшись один, я подумал: «Ну, сколько же, можно бояться?» И ушёл на речку. Купаться не хотелось. Страх всё равно сидел на плечах, он как сачком накрыл меня с головой и держал, не отпуская.

— Вот же, поганый шмель!

Самое интересное, что я ни в чём не был виноват. Только вечером исчезли мои страхи. Чем всё закончилось? Да уснул я со страху раньше всех. А потом, когда всё раскрылось, думаете, они поверили мне про залетевшего в форточку шмеля? Динька приходил в гости, делая вид, что понятия не имеет ни о каком аквариуме и, тем более, громадном шмеле, а папа сказал, что шмели вообще-то не кусаются. И тут засмеялся я.

Я так долго хохотал, до слёз. И страх от меня убежал. Совсем. Папа сказал, что бояться нужно не этого. А чего бояться не сказал, и мы все смеялись. Но я-то понял: он сам, видно, боялся мамы, всё поглядывал на неё, что она скажет. Но мама почему-то тоже стала очень добрая.

Где небо сходится с землёй

В один из дней моего раннего детства, выйдя во двор, я увидел лестницу. Она стояла под углом к открытой дверце чердака. А это было то самое место, где я ещё не был.

Моя старенькая бабушка Поля почему-то днём часто спала. Вот и сейчас, видно, подумав, что за мной есть догляд восьмиклассницы Тани, моей тёти, продолжала слегка прихрапывать, иногда вздрагивая во сне.

— Самое время, — решил я, ощупывая бересту на этой высоченной лестнице. Попасть на чердак — было моей давнишней и сокровенной мечтой. Но отец почему — то прибил такие чурочки из берёзовых жердей, что длины моих ног не хватало, чтобы перешагнуть с одной перекладины лестницы на другую. Вот и придумал я, подтягиваться на них руками, как на турнике, и, подкрючив колени, забирался на самые высокие жёрдочки. Таким образом, я смог подняться. Вниз я старался пока не смотреть: и лестница дрожала, и я тоже. Ну вот, наконец, я и попал на чердак.

Большое пустое пространство, соединенное вместе, как сомкнутые кончики пальцев.

Под ногами оказалось много голубиных перьев. Так вот оказывается место, где они зимой живут. Надо мной на проволоке висели сухие, зеленые берёзовые веники, которые даже зимой в бане пахли летом. Какой-то сундук, где хранилась всякая всячина, почему-то был на замке. А вот с краю одной стены крыши стояло несколько длинных перевёрнутых пустых ящичков. Свежеструганные и гладкие, они очень хорошо пахли.

Не найдя больше ничего интересного для меня, я посидел на них, полежал на всех и попрыгал даже, но потом подумал, что вдруг бабушка проснется, и перестал. Лёг спиной на мягкие стружки-пружинки, которые подтащил к выходу и стал смотреть в небо. Теперь оно было близко ко мне. Я ведь захватил с собой отцовский армейский бинокль. И хотя, я видел только часть неба, но всё равно было хорошо. Оно было чистое, совсем не такое как земля. На нём ничего не росло, и совсем не было пыли. Где-то ещё выше застряли седые и дырявые редкие облака, за которые прятались птицы. Я слышал чириканье воробьёв снизу, а вверху другие птицы просто кружились, высматривали друг друга. Они то опу-

скались, то поднимались выше, двигаясь кругами. В этот момент я сожалел, что не могу сесть им на крылья. Только потом я узнал, что в это время они «становились на крыло», набирая силу для перелётов, а другие, более крупные и злобные, падали вниз и воровали цыплят у наседки.

Налюбовавшись небом, я сел, свесив ноги, и стал рассматривать всё, что происходит за высокими заборами наших ближних и дальних соседей. Это оказалось так близко и смешно. Они же не знали, что я на них смотрю. Это были чужие тайны, открывшиеся мне. И они были на расстоянии ладони. Если бы я начал с ними говорить, они бы не слышали меня. Старшие ребяташки прятались и курили, а их сестры пололи огород. А мой друг Сашка всё-таки пробрался в сад к нашей учительнице и бессовестно лакомился яблоками, успевая ими же набивать свои карманы. Может, и мне перепадёт.

Женщины через улицу развешивали выстиранное бельё, собираясь куда-то идти. На самую вредную тётку набросилась собака, а у неё не было палки отбиться. Дядя Витя раскопал какую-то яму и, озираясь по сторонам,

что-то складывал себе в мешок. И я рассмеялся. Нельзя же будет спросить, что он тащит, а, может, и спросим с Сашкой. Наконец, я увидел: куда ходит за белыми грибами баба Маша. Она их просто вытаскивает из приподнявшегося песочного бугорка и складывает в корзину. Зря ты, баба Маша, сегодня их нарвала. Теперь я сам там их резать буду.

Устав напрягать глаза, я спрятал бинокль в кобуру.

Стало грустно. Захотелось пить и есть. Об этом я не подумал. А дома на столе под полотенцем прятались жареные пирожки с картошкой и грибами. И тут я с ужасом заметил, что мне не спуститься самому! Лестница вся ходуном ходит. Кричать было стыдно, бабушка глухая. Да и что она сделает? Уберёт лестницу, тогда вообще меня отсюда не достанут. И я стал вспоминать мою тётю Таню, которую я часто звал, когда меня нужно было снять с дерева.

— Тана! Сними мена!!! – кричал я всегда, и она приходила и снимала. Но сейчас, моя Тана ушла на речку загорать, я подслушал их разговор с подружкой Веркой. Я ведь так и хотел, чтоб меня никто не видел, но как же стало

здесь жарко и душно. Наконец, я увидел бабу Веру, которая пришла в гости, и закричал:

— Заберите меня отсюда!!!

Но я забыл, что она глуховатая. Я стал кидать в неё стружками и перьями, но когда она подняла голову, и увидела меня, погрозила пальцем и ушла в дом.

Они были уже очень старенькие – эти две бабушки, но баба Вера пошла за тётей Нюрой, которая была толстая и большая. Все её узнавали по крику на своего сына Сашку, моего друга:

— Сашка! Утонешь, домой не приходи! – кричала она нам вслед, когда мы с ним «тайно» убегали на речку.

Подойдя к нашему чердаку и увидев меня зарёванного, она попробовала залезть на лестницу, но лестница под ней затрещала.

— Я или сама с неё рухнусь, или лестницу сломаю. Нет, не хочу я здесь себе шею своротить, — и, стукнув дверцей нашей калитки, ушла на свой двор. Последними её словами были:

— Протяните ему палку с бутылкой воды и пирожками, и пусть сидит там, ждёт, когда его мужики снимут. Хотя, я бы ничего ему не

давала. Пусть там в наказание сидит. Хорошо ещё, что Сашку к нему не пустила.

А для меня всё стало не так уж плохо, когда бабушки, стоная и охая, передали на чердак еду.

— Вот маленький «анчихрист» навязался на меня! Все дети, как дети, а этого то из погреба вытаскивай, то из капкана, — причитала моя бабушка Поля.

Много чего я ещё узнал для себя, разглядывая деревню в бинокль. Рассказывал потом Сашке. Но что он мог с земли увидеть? То ли дело рассматривать сверху.

А снимала меня, как всегда, Тана, когда пришла с речки весёлая и загоревшая. Попросила обнять её за шею и легко спустилась с лестницы. На другой день лестницы у чердака уже не было. Но повсюду росли высокие толстые деревья с хорошими крепкими стволами, сидя на которых, можно было спрятаться и разглядывать всё вокруг не хуже, чем с чердака. И было ещё множество интересных мест, куда мы ходили с биноклем.

Не один год искали мы с Сашкой место, где небо сходится с землёй, и бегом туда бежали наперегонки, и на велосипедах ездили: кто

первым отыщет? Мы даже приблизительно уже знали, где оно может быть, и если не сегодня, то завтра обязательно его отыщем. Но оказывалось, что завтра ничего там снова не находили. Оно всегда убегало от нас раньше, чем мы приближались к нему. До сих пор жаль, что даже армейский бинокль так и не смог помочь нам в поисках горизонта.

Четыре яблони

Весна – долгожданное время года, но ещё интереснее наблюдать момент растрескивания льда и весеннего половодья. Взрослые люди как-то с грустью и опаской поджидают этого момента, а для нас, детей, радостно смотреть, если чей-то мяч или клюшка перевёртываясь, несутся по течению, и их уже не догнать. Когда сначала внезапно под ногой образуется промоина, а назавтра там уже ревуший под снегом овраг. Надеваем куртки, обуваем сапоги и бежим мерить лужи. И если руки не «в цыпках», значит, прозевали весну.

В этот раз всё происходило как-то медленно. Снег постепенно впитывался в землю, и

мы переживали, что весны не будет. Но однажды Нина, моя соседка, прибежала ко мне и сообщила, что озеро, которое всегда заливает их огород, начало наполняться водой, и мы помчались на Четыре яблони.

Яблони, неизвестно кем посаженные, были уже сильно разросшиеся, крепкие, и легко держали нас на своих стволах. Когда мы пробегали туда, водичка тихонько струилась блестящим ручьём. Но раз мы попали на свои деревья, нам непременно надо было излазть их все, карабкаясь и спускаясь с каждого, стараясь подняться выше и быстрее друг друга. Уходили, не торопясь. А когда подошли к ручейку, вместо него бурлила и вертела воду целая река, метров пятнадцать шириной. Никто из соседей не знал, где мы находимся.

Хитрющая Нинка первой прыгнула на ещё видимые старые узкие дощечки летнего невысокого прогнившего «мостика» и успела оказаться на том берегу. А я остался на «островке», отрезанном от посёлка. Добравшись до середины внезапно образовавшейся речки, я увидел, как одну доску, по которой мы шли, оторвало, и она поплыла по течению. А мне некуда было больше наступать.

— Беги скорей, — кричала Нинка, — иначе вода тебя унесёт!

Я мгновенно схватился за старую жердь перехода. Запрыгнув на неё и обняв коленями, попробовал передвигаться, зачерпывая сапогами воду. От быстрого течения и всё больше пребывающей воды, жердь скрипела и шаталась. Сам не знаю, каким образом, но я успел прыгнуть на ещё не обрушившиеся доски и добежать до земли. Моста следом за мной больше не стало. Он поплыл, периодически утопая и всплывая на наших глазах. Мы стояли и тряслись от страха. Потом выливали воду из моих сапог и медленно шли к нашим домам. Договорились никому не рассказывать.

Когда половодье закончилось, мы решили снова пойти на наши Четыре яблони. Всё было как летом, земля подсохла. Кое — где сохранились заборы брошенных огородов. Моста, на переправе которого я испытал дикий ужас, не было.

Яблони, как всегда, встретили нас своим рясным цветением. А мы смотрели на бело-розовые цветы, не решаясь больше забираться вверх и спорить: кто сможет подняться быстрее и выше. Был ли это страх пережитого

половодья, осталось неузнанным. Нина после окончания школы уехала навсегда. А неизвестно кем посаженные старые яблони, стоят до сих пор.

Сюрприз...

Когда Петруша вырос и пошёл в школу, ему подарили зонтик. Научившись его открывать и закрывать, он подумал:

— Это же маленький складной домик, под которым можно жить, не дожидаясь Дождя. Это же самая настоящая «крыша», под которой можно спрятаться и от щипучего солнышка. А если сделать для него устойчивое местечко, вставить в трубку небольшую, то можно просто сидеть под ним и даже лежать, рассматривая всё вокруг. И никаких окон не надо. Под зонтиком, кроме неба, всё открыто и видно.

Так и было до определенного времени, пока однажды сверху по зонтику не стали настойчиво и часто стучать. А когда он понял, что это нескончаемые капли Дождя, то задумался.

— Надо поговорить бы с этим Дождём, что это он без предупреждения крышу мою мочит?

Но поскольку это были лишь Петрушины мысли, то Дождь их никак их не услышал. Он, вообще, видно вредный был, этот Дождь. Часто приходил на такое долгое время, что «крыша» и высохнуть не успевала.

— Эй ты, хозяин Дождя, — обратился однажды к небесам Петруша во время очередного ливня. Не мог бы ты сказать своему Дождику, что приходить в гости без приглашения неприлично, тем более везти себя, как хозяину. Я же не просто так прошу. У меня есть разные дела под «крышей» — самая настоящая мастерская. Видишь, папа мне даже заборчик небольшой сделал. Я здесь много работаю: игрушки починяю, гвозди, где надо забиваю, камни сортирую, чтобы всё было на своём месте. А когда Дождь идёт без предупреждения, то ко мне прийти сюда никто не может.

Петруша помолчал и добавил:

— И вообще, все уже устали от твоего Дождя. Лето же. Всем нужно идти по своим делам, а везде вода и грязь. Сделай, чтобы он прекратился и дорожки просохли.

Через несколько минут в округе стало тихо, и Петруша услышал, как кто-то невидимый сказал:

— Хорошо, я стану предупреждать тебя о своём приходе. Более того, если меня не будет совсем, ты будешь слышать мой позывной — три капли; если я загляну ненадолго — услышишь звуки пяти капель, ну, а если в мои обязанности войдёт хорошо промыть мои владения — услышишь десять капель, и тогда я превращусь в ливень.

— Очень удивился Петруша и спросил Невидимку:

— Кто ты?

— Дождик я, ты же хотел познакомиться со мной, вот я и пришёл к тебе.

И Петруша отчётливо слышал стук трёх капель.

— Не бойся, сегодня я не побеспокою вас. Ветер — друг мой, улетел в другие края сметать по небу разлетевшиеся облака в тучи. Если наберёт их для меня сколько надо, то эти капли утром лягут на траву. Но завтра он ещё не вернётся — слишком далеко облака разбежались.

На другой день, как только Петруша сел

под зонтик, он снова услышал всего лишь три капли дождя.

— Скучно у вас тут, — прошелестел Дождик, — в небе веселее. Что бы вы без нас с Ветром делали?

— А вы бы не прятали от нас небо, а то на-
лепите туда чёрных туч, а потом ещё войнуш-
ку устраиваете: всё гремит, молнии сверкают,
— шёпотом произнёс Петруша.

— А ты не бойся. Я же пообещал, что пред-
упреждать буду, — заверил Дождик, — а что-
бы ты поверил мне, я специально для тебя
сюрприз приготовил.

— И где же он? — поозирался по сторонам
Петруша.

— Так ты выйди из-под зонтика и посмо-
три в небо, — посоветовал Дождик.

Петруша вышел из своей мастерской и
увидел, откуда ни возьмись, среди пасмурно-
го утра яркое солнце.

— И это всё? — разочарованно спросил Пе-
труша.

— Нет! Я же только начал тебе его показы-
вать, — тихо прошлёпал Дождь.

— Вдруг Петруша увидел в небе дугу, но не

простую, а многоцветную. Сначала она была бледная, но постепенно становилась всё ярче и красивее.

— Я увидел! Я узнал! — закричал Петруша.

— Радуга!!! Ты подарил её мне? Это теперь моя радуга? — ликовал Петруша.

— Это ещё не всё, — прошептал дождь. Смотри дальше.

Петруша увидел над своей радугой вторую такую же и третью, гораздо длиннее этих двух, которая уходила далеко в небо, теряясь и сливаясь с ним.

— И это всё мне! — закричал он и запрыгал от радости.

— Это и тебе, и всем людям, радуйтесь. И не думайте, что в небе так плохо.

— А ты можешь стать моим другом и приходить ко мне всегда? — с надеждой попросил мальчик. — Я бы и маме и всем своим друзьям показал эти радуги и тебя.

— Они и так всегда встречаются со мной. Кто радуется, а кто и сердится. А я всегда хочу иметь в друзьях каждого из вас. Если все люди будут радоваться как ты, и небо и земля станут ещё красивее...

11.07.20.

Валерия Тюхтенева

Сказка про белого бычка

«Рассказать тебе сказку про белого бычка...»

Высоко-высоко, за семью облаками, в бедной сакле жил старец, и никого у него не было, кроме белого бычка. Рано утром, в сумерках, старец раздувал у восточных ворот загона костёр из углей, теплившихся под толстым слоем пепла. Белый бычок спускался по крутой тропинке на пастбище. Начинался день. Вечером старец раздувал костёр у западных ворот загона, с пастбища возвращался белый бычок. Наступала ночь. Так и жили – день сменял ночь, ночь сменяла день...

По ночам старца мучила бессонница. Он зажигал лампу с большим круглым рефлектором, развешивал множество маленьких лампадок и, чтобы не терять время даром, брался за ремонт старого велосипеда. Иногда прилетал ветер, играл ставнями на одном единственном окне сакли. То захлопывал одну створку – и видимой оставалась лишь половинка рефлектора, то захлопывал обе

– и сияющий диск исчезал совсем. Старец не обращал внимания на шалости гостя. Он спешил. Приближалось время традиционного осмотра пастбища – время белых ночей. Пастбище было огромных размеров. Чтобы его объехать из конца в конец, приходилось крутить педали велосипеда день и ночь. Для компании старец брал с собой белого бычка. Бычок резво бежал впереди, за ним старец на велосипеде, позади оставались луга цветущего разнотравья, перелески с птичьим пением, журчащие речки, родники. После того, как старец прослушивал все птичьи трели, пробовал воду из всех источников, залечивал раны и рытвины на полях и лугах, они возвращались с пастбища по семицветному мосту домой. И всё повторялось сначала – день сменял ночь, ночь сменяла день...

Рождественская история

В доме царила предпраздничная суэта. Алька незаметно выскользнула из кухни, быстро сунула ноги в валенки, накинула пуховик, шарф... Скорее, скорее на улицу! Её ожидала волшебная ночь перед Рождеством и главное чудо – звёздное небо. Стоять, запрокинув голову, было неудобно. Вместе с верным псом Булькой она вскарабкалась на стог, напомиравший лохматую летающую тарелку. Приплюснутость формы и некую взлохмаченность стог приобрёл в результате неоднократных ритуальных танцев удачливых охотников на мамонтов – Альки, её лучшего друга детства – Вовки и главного «мамонтодава» — Бульки.

На упавшую навзничь в душистое сено Альку обрушилось ночное небо. Совсем рядом таинственно перемигивались яркие звёзды... Терпко, до головокружения, пахло сеном, аппетитно — домашним хлебом от разделённой с другом краюшки.

— Вон, видишь, – это Полярная звезда...

Альке показалось, что пёс слишком осмысленно посмотрел в указанном направлении.

Проверить свои наблюдения она не успела, звёздное небо стало увеличиваться в размерах с невероятной скоростью. Алька увидела, как далеко внизу остался родной дом, деревенька, похожая на игрушечный макет, земной шар размером с глобус... Стог уверенно плыл по Млечному пути. Алька шёпотом повторяла названия созвездий, проплывающих мимо:

— Созвездие Гончих Псов...

Булька приподнял уши, сморщил нос, принюхался, потом вдруг резко оттолкнулся и с громким лаем поплыл, смешно перебирая короткими лапами.

— Булька, стой! — закричала вслед Алька. Гоняться за сворой гончих псов низкорослой, беспородной дворняжке — как такое могло прийти в голову? Поздно. Облако звёздной пыли поглотило Бульку... Надо притормозить, подождать, пока он одумается. Но как это сделать, ведь на тарелке — стоге нет пульта управления, да, что там говорить, нет обычного шеста или чего-то в этом роде... Алька подняла голову, прямо над ней висел ковш — созвездие Большой Медведицы. Ловко ухватившись за ручку ковша, Алька сумела на время остановить стог. Положение было без-

выходным – руки затекли, ковш накренился, ещё чуть-чуть... Но, что это? Из облака космической пыли появилась огромная голова пса, держащего за шкирку Бульку... Осторожно опустив его на сено, пёс мгновенно исчез. От неожиданности Алька резко отпустила ручку, ковш перевернулся, стог, набирая скорость, поплыл в обратном направлении...

— Алька, иди домой, – донёлся издали папин голос. Приземление было мягким. Когда осела снежная пыль, Алька соскользнула вниз, отряхнулась, смела звёздные блёстки с Булькиной мордашки и побежала на папин зов.

— Я тебя искал. Ты где пропадала? – буднично спросил папа. Алька не нашлась, что ответить, только показала папе на Большую Медведицу:

— Смотри, ковш перевернулся.

— Ну и что, так бывает, – улыбнулся папа.
— Пошли, нас ждут.

«Да... Вовка не поверит...» — сидя за праздничным столом, подумала Алька.

Но это уже совсем другая история...

Ольга Ельдекова (Ўстомина)

Мемуары старого носка

Старый носок ещё нежился в постели, когда сквозь щели окутанного тьмой чердака стали просачиваться весёлые лучи весеннего солнца. Вот один из них подкрался к его сморщенному носу, пощекотал пятку.

— Жизнь хороша! — подумал носок, и потянулся было в сладкой истоме, но услышал шаги и знакомые голоса и насторожился.

— Не вздумай сжечь мои тряпки! Они мне нужны! — говорила хозяйка.

— Зачем тебе сдался этот хлам? Сколько можно его копить? На чердаке места свободного уже не осталось!

— Тебе что, в доме места мало?

— Да, ты, в конце концов, не понимаешь, что создаёшь пожароопасную обстановку? — продолжал доказывать свою правоту хозяин, ставя ногу на первую ступеньку лестницы.

— Сегодня всё переберу, постираю и перестригу. Свяжу красивые половички на веран-

ду. А старыми носками набью подушечки на твоё кресло, — настаивала хозяйка.

— Ты собираешься это сделать 10 лет подряд, — с усмешкой говорил муж, но уже не с такой решимостью.

— Оставь в покое мои тряпки, это самое дорогое, что у меня есть в этой жизни! — ставила последнюю точку в разговоре хозяйка.

После этого наступило молчание, шаги удалились. Тема закрылась до следующей весны.

— Надо знать, какую выбирать себе хозяйку! — с гордостью произнёс старый носок. Специально громко, чтобы слышали все обитатели чердака.

Да, он слишком хорошо знал эту, уже немолодую женщину — Она никогда не позволит уничтожить старые вещи, которые были ей до конца верны. А он именно таким и был!

Старый носок окинул победным взглядом пыльный, но такой родной чердак, безмятежно потянулся. Взор его упал на открытое чердачное окно, за которым беспечно щебетали бестолковые птички, безуспешно пытающиеся обогнать скорые мартовские ветра.

— Куда вам до нас! — прошептал он и опять

сладко потянулся, — Впереди целая жизнь! Пусть даже и в подушке. А какая была позади! Не каждый носок может похвалиться своей жизнью! А вот ему есть что вспомнить!

И так как спешить было некуда, он погрузился в приятные воспоминания, как в тазик с тёплой водой.

Первая их встреча произошла в магазине, где маялась от безделья куча его собратьев, мечтая попасть в надёжные верные руки, вернее, на надёжные крепкие ноги. И вот появилась Она. Носок её сразу заприметил и оценил. Она была то, что надо! На ногах — кеды, за плечами — рюкзак. Шелушащаяся от солнечных ожогов кожа на решительно вздёрнутом носу и оттопыренных ушах не оставили сомнений в выборе — вот кто ему был нужен! И когда хозяйка этих прелестей подошла поближе, Носок оттолкнул сбоку лежащих разноцветных сородичей и оказался прямо перед Ней. Её взгляд как бы мимоходом скользнул по нему, а рука уже крепко держала его: « Мне вот эти!» С тех пор они были неразлучны.

— Судьба! И ничего тут не попишешь!

Потом они долго летели на вертолёте: раскачивались над Бухтарминским водохрани-

лицем, любовались озером Маркаколь, планировали по каменным каньонам и, наконец, оказались в полевом лагере в горах Восточного Казахстана. Любой из многочисленных магазинных собратьев позавидовал бы его судьбе. В этом Носок не сомневался никогда. К тому же, там они с Хозяйкой приобрели ещё двух друзей: мягкую, тёплую и уступчивую Портянку и сурового на вид, но верного кирзового сапога, которые не отставали от них ни на шаг, сопровождая в самых трудных маршрутах.

По утрам, если погода была хорошая, за ними прилетал вертолёт и забрасывал, как говорила хозяйка туда, «где Макар телят не пас». Выполняли каждый своё дело: Она тащила, как казалось Носку, бесполезную треногу с магнитометром, время от времени устанавливала её, брала отсчёты и что-то чиркала в своей заветной тетрадке; Портянка грела и служила амортизатором; Сапог надёжно защищал и охранял их троих от всех превратностей работы; ну, а на нелёгкую долю Носка выпала самая ответственная работа – он был хранителем памяти о доме, о палатке в которую надо было возвращаться к ночи, во что

бы то ни стало. И он хранил и служил верой и правдой.

Иногда к вечеру погода портилась настолько, что вертолёт не мог приземлиться, или летел по срочному вызову на стоянку, где заболели люди, и тогда за ними приезжала машина. Больше всего Носку и его друзьям не нравилось возвращаться с маршрута на УАЗике. Весёлый шофёр по кличке Карагуж был большим профессионалом своего дела и перевозил полеви́ков через горные речки, мог выехать из любой канавы, но в лагерь приезжали мокрые до нитки. Носку, Портянке и Сапогу нужно было ещё умудриться высохнуть до утра.

Когда Карагуж не мог забрать полеви́ков, то к месту, где должен был закончиться маршрут, подгоняли лошадей, которых Носок любил всей душой – добродушные старые клячи бережно доставляли их в лагерь, им доверял он свою жизнь безоглядно.

А сколько было случаев, когда никто не приезжал и не прилетал, и приходилось остаться на ночь в горах! Тогда Носок и его друзья теснее прижимались к друг другу, чтобы не замёрзнуть, а когда и это не помогало, Сапог,

рискуя собственной жизнью, лез прямо в костёр, пытаясь всех согреть. Известно, что ночью в горах холодно.

Так прошло лето, полевой сезон подходил к концу, Носку уже снился уютный дом — они с Портянкой и Сапогом сидят у камина — постиранные, починенные, подклеенные; по тёплому, чистому полу босиком ходит туда-сюда Хозяйка...

Но в одном из последних маршрутов, Сапог сначала зацепился каблуком за заросли карликовой берёзки, и она вцепилась так цепко, что украшение Сапога — каблук, навечно остался с ней. Без каблука подошва терпела недолго, и вскоре, юркнув в трещину курумника, потерялась в этих каменных завалах навсегда. Носок и Портянка тут же почувствовали пропажу — холод камня мгновенно прокрался к ним. Голенище старого кирзового Сапога беспомощно болталось на ноге Хозяйки, когда та сделала несколько шагов вперёд. Оно виновато похлопывало и похлопывало при каждом шаге: «Я бы радо, но так уж получилось...»

Когда Носок и Портянка нырнули в ядовито-зелёные заросли колючих кустарни-

ков, а потом чуть не наступили на гадюку, Носок растерялся. Осторожно ступая, он думал:

— Хозяйка — сильная, она дойдёт, а как же Портянка?! Ведь она не выдержит! Что делать? — лихорадочно носились мысли в его потёртой, изрядно потрёпанной голове.

Этот маршрут стал самым тяжёлым для всех. Что только они не предпринимали: сначала подкладывали толстым слоем к подошве Портянку, Носок изворачивался как мог, закрепляя её там, но очень скоро конструкция рвалась. Привязывали к подошве Хозяйки то кусок голенища, то кору дерева. Остаток маршрута Она шла босиком, потому что Носок и Портянка были изорваны окончательно. Их — мокрых, грязных и рваных положили в тесный карман рюкзака. Это был их последний маршрут.

Сидя в вертолёте, по пояс высунувшись из кармана, они послали прощальный привет Казахстану, а вернувшись домой, продолжили своё житьё-бытьё на старом пыльном чердаке, где Носок и написал эти мемуары.

Время от времени вокруг него собирались обитатели чердака, знающие уже достаточно много об его ушедшей бурной молодости, но

уверенные, что ему есть ещё чем поделиться.

— Мы пришли послушать вас, уважаемый Носок.

— Усаживайтесь поудобнее, дорогие соседи!

И старый Носок в мельчайших подробностях рассказывал благодарным слушателям про устройство вертолётa МИ-2 или особенностях психологии лошади, или флоре и фауне Восточного Казахстана.

На чердаке, за глаза, его уважительно называли «Ходячей энциклопедией».

Территория чёрного кота

Летом на местном кладбище я часто стала замечать чёрного кота, деловито прогуливающегося между крестов.

— Да это же Бандит! — объяснили мне соседи. Он пакостит во всей округе, такая тварюга, спасу нет! И гоняем, и стреляем, и капканы ставим, а ему всё нипочём, как замороженный!

— Ну, что-то же его довело до этого, не от хорошей жизни он стал таким? — сделала я предположение и оказалась права.

Когда-то у Бандита был хозяин. И пока у Хозяина была жена, коту жилось припеваючи.

Но однажды женщина собрала вещи и ушла навсегда. Вскоре хозяин позвал кота и сказал ему примерно следующее:

— Кот — он кто? Он — мужчина! А мужик должен не бояться трудностей, выживать в любой ситуации! Что смотришь, не согласен? А как живут дикие коты? Им на блюдечке с каёмочкой никто ничего не преподносит! Иди, лови мышей! — и кот получил жёсткий пинок по впалому боку.

Всё чаще хозяин стал отлучаться надолго из дома. Первое время он просил соседа присмотреть за котом и хоть изредка кормить его. Но тот зачастую забывал это делать — тоже считал его мужчиной.

Кот научился добывать себе пищу, но в лютые морозы отморозил уши, и они куце, небрежно размещались на голове этакой «шапчонкой на мужичонке», шерсть висела клочьями, окончательно придавая всему образу нищенский вид.

Спартанское воспитание хозяина и забывчивость соседа привели к тому, что Бандит привык к бездомной жизни, одичал, по ночам дрался насмерть со всеми местными кошками. Вскоре он стал одноглазым, хромым, несчастным калекой, которого все в округе ненавидят.

Целыми днями он обходил свои владения с одной целью — выжить. Спать и нежиться, как это любят другие, было некогда. С каждым годом он вырослел, и ему становилось всё труднее выживать в этом жестоком мире.

Сегодня Бандит степенно прогуливался в нашем саду, наводя ужас на домашних котов. Увидев меня, перемахнул через ограду и спо-

койно пошёл по тропинке вдоль берега Катунни, в сторону кладбища. Людей, как главное зло, чёрный кот старался держаться подальше, на собственном опыте зная, что они приносят несчастья. Подойдя к забору, пролез в щель и оказался в относительно безопасном месте. Здесь его никто не гонял, местные коты боялись отходить далеко от своих домов и сюда не заглядывали.

Бандит мог отдохнуть на лавке или прямо на могилке, обогретой солнышком, которого с каждым днём становилось всё меньше. Приближалась осень, а за ней и суровая алтайская зима.

Как-то она распорядится жизнью кота по имени Бандит?

Надо всей семьёй

Тематическая встреча, посвящённая восхождению на самую высокую вершину Сибири, Белуху, была в библиотеке в самом разгаре, когда появился этот малыш.

Он смело зашёл в читальный зал, полный старшеклассников, быстренько сел на краешек свободного стула и стал внимательно слушать рассказ бывшего работника Алтайской геофизической экспедиции: геолога, альпиниста, мастера спорта по лыжам – Смирнова Н.В. о восхождении на вершину в 1972 и 1982 гг.

Первоклассник сидел тихо и только время от времени вертел головой по сторонам, разглядывая присутствующих. Вскоре все забыли о нём, рассматривали старые чёрно-белые фотографии, зафиксировавшие самые интересные моменты того опасного путешествия. На стене висела карта Алтая. Рассказчик подробно шаг за шагом открывал все сложности маршрута, где испытания подкарауливали их на каждом шагу.

Я никогда не покоряла таких вершин, но знала, что такое горы. Затаив дыхание, мы следили за указкой, которая как бы в проти-

вовес тяжелейшим жизненным ситуациям, беззаботно прыгала с хребта на хребет, ловко проходила по ледникам и отвесным скалам.

Давно закончилось время, отведённое на мероприятие, я видела, что подростки уже начали уставать и отвлекаться, лишь первоклассник во все глаза восхищённо смотрел на гостя библиотеки, внимательно следил за путешествиями указки по карте.

Встреча подошла к концу, ребята, поблагодарив рассказчика, стали расходиться. А Данилка (так звали первоклассника, как мы узнали позже) стремглав сорвался с места и бросился обнимать геолога. Подумалось даже, уж не родственники ли они? Оказалось, нет, не знакомы. Оторвавшись от него, подбежал к нам, библиотекарям, по очереди обнял. Увидев в руках у меня фотоаппарат, его вдруг осенило: «А давайте сфотографируемся всей семьёй, вот здесь – у карты!!!»

Не успели мы еще по достоинству оценить это предложение, как он подбежал к растерянно улыбавшемуся гостю, схватил его за руку, подвёл к карте, крепко прижался к боку:

— Подходите, не стесняйтесь, — кричал он нам, — давайте, надо всей семьёй!

Ничего не оставалось делать, как подойти и сфотографироваться «всей семьёй».

Годы пробегают мимо библиотеки, не останавливаясь, не задерживаясь. На стеллажах стоят те же книги, меняются лица, взрослеют дети и уходят по своим делам, а библиотечная семья остаётся семьёй со своими радостями, заботами, порядками и воспоминаниями.

Старый цветник

Лет 17 назад, на живописном берегу Катуня одна семья купила домик и большой участок, заросший бурьяном «по самые уши». Борьба с сорняками закончилась благополучным распределением земли между садом, огородом и цветником.

Через некоторое время сад стал приносить трудолюбивым хозяевам фрукты, огород – овощи, а цветник – радость.

В цветнике-доме жило множество жильцов. Днём они работали. Радовать людей – это тяжёлый труд: надо всегда хорошо выглядеть, чтобы «не ударить в грязь лицом» в прямом и переносом смысле; дарить хорошее настроение и уметь самим быть весёлыми, жизнерадостными и общительными. А самое главное,

искренне любить людей.

Много лет цветы в этом цветнике прекрасно справлялись со своими обязанностями. По ночам они отдыхали от работы, устраивали балы и танцевали до утра. Правда, за исключением таких засонь, как портулак и ленок, которые рано закрывались на ключ, чтобы им не мешали спать.

Шло неумолимое время, их дом состарился. Многие его обитатели переехали в новое жилище – красивый, новый цветник. На старом месте остались лишь некоторые личности. Пышнотелая, ворчливая тётушка Гортензия принципиально не стала переезжать, несмотря на то, что её родственники переехали одни из первых.

— Поедем, — звали они её, — у нас рядом сосновый бор, свежий воздух. Там ходит гораздо больше людей, их надо радовать. Поедем, вся родня переезжает.

— Я не как все! — гордо сказала она им вслед. — У вас сосновый бор, а у меня здесь Катунь и горы. Как они без меня? Не поеду ни за что!

Кроме тётушки Гортензии остались Ромашки, Рудбекии, Анютины глазки, Чертополох, Дельфиниум и Эдельвейсы.

Да, да — эдельвейсы. Те самые, которые растут на неприступных скалах. В старый цветник они заселились совсем недавно, и после сурового высокогорья им показалось, что попали в рай. К сожалению, они не понимали, что там, на скалах, где не было никакой растительности, они на фоне мрачных камней выглядели просто шикарно. Люди лезли в горы, чтобы специально увидеть их и порадоваться. А здесь, среди благоухания других цветов, эдельвейсы потерялись. И когда туристам показывали их, они разочарованно удивлялись:

— И это эдельвейсы!?

И тогда для поддержки их статуса экскурсоводу приходилось рассказывать легенду о красавице, поставившей условие влюблённым в неё юношам, что она выйдет замуж только за того, кто принесёт ей букет эдельвейсов. Юноши уходили в горы за этими редкими цветами, но возвращались ни с чем. Некоторые не возвращались вовсе. А красавица продолжала настаивать на своём условии. Спустя много лет один влюблённый всё-таки принёс ей букет эдельвейсов, но замуж не взял, потому что красавица за эти годы превратилась в старуху.

После легенды люди более внимательно и уважительно разглядывали эти редкие цветы.

Оставшись в старом цветнике, цветы ещё больше сдружились, стали просто одной крепкой семьёй. Конечно, у них там не всегда была полная идиллия. Как и во всякой семье случались изредка разногласия, но обычно быстро заканчивались.

Ромашки были спокойны и покладисты, но иногда забывали следить за порядком. После долгих проливных дождей они разбрасывали на дорожки свои мокрые стебли-вещи и грязную обувь-листву. Первой начинала возмущаться жёлтая рудбекия:

— Терпеть не могу беспорядка! Подберите свои вещи – людям невозможно пройти по дорожке.

Чертополох молчал, сосредоточенно хмурил синие, колючие брови, всем видом показывая недовольство.

Анютиных глазок было много, они жили дружно со всеми цветами. Их устраивало всё. Они не любили ссориться и всегда всех мирили.

— Перестаньте ссориться, дождь уже за-

канчивается, скоро выглянет солнышко, будет сухо и чисто.

Важный, немного высокомерный дельфиниум частенько язвил потому, что вообще-то он был ядовитый:

— Как же, дождёшься тут этого солнышка!

Но долго грустить и ссориться цветы не могли. Тратить на такие глупости драгоценное время было бы просто глупо. Ведь день для того, чтобы радовать людей, а ночь – чтобы слушать, песни Катуня, наблюдать, как красавица Луна прокладывает по воде свою сказочную, лунно-латунную дорожку к сердцам людей и к ним – таинственным, необыкновенным, таким прекрасным космическим пришельцам – цветам.

Цветы знали, что жизнь с каждым днём станет всё интереснее и увлекательнее, если в них будет жить любовь.

Открытка

Вовка хочет быть шофером, ну, на худой конец, милиционером. В библиотеке он свой человек. Уже на несколько раз пересмотрел все журналы «За рулём». А как вы хотели? Стать шофёром – дело не шуточное!

Когда шоферское дело было изучено досконально, он взялся осваивать еще одну профессию – милиционер. Ему вручили целую подшивку старых журналов «Милиция». Несколько дней ушло на изучение этой сложной, но важной профессии.

Домой он не торопился. Там был вечно пьяный отец и сердитая мама. Поэтому каждый день после школы Вовка спешил в библиотеку.

Библиотекарь, Наталья Михайловна, до того, как стать библиотекарем, видимо, была шофёром. Она знала марки машин, из каких деталей эти машины состоят, какую развивают скорость. О работе милиционера она тоже знала. Может, и милиционером работала, но об этом он ещё не успел спросить.

Когда он устал от познаний, ему дали альбомный лист и фломастеры, и он с удоволь-

ствием занялся творчеством – старательно рисовал тормоз, сцепление и газ в кабине только что созданного им автомобиля. Полюбовался ими и тут вспомнил, что через три дня у него будет день рождения. Вовка снова взялся за работу. Долго и старательно что-то писал, потом свернул лист пополам, послунил палец и склеил половинки. Подошёл к Наталье Михайловне:

— Это вам! Ну, я побежал, а то мамка мне башку оторвёт, что долго.

Библиотекарь взяла в руки Вовкино произведение искусства. На переднем листке было написано:

ОТКРЫТКА ДЛЯ НАТАЛИ МИХАЛАВ-
НЫ.

Открыв её, она прочла.

ДАРАГАЯ НАТАЛЯ МИХАЛАВНА
ПАЗДРАВЛЯЮ ВАС С МОИМ ДНЕМ
РАЖДЕНИЮ.

ЖИЛАЮ ВАМ ЗДАРОЯ ЩАСТЯ У МИНЯ
СКОРА ПРАЗНИК ТАМ БУДИТ КАНФЕТЫ
ТОРТ И ВСЕ ВСЕ. ПРИХАДИТИ К НАМ В
ГОСТИ

ТОЛЬКА НИ ЗАБУТИ ПАДАРОК
ВОВКА

Свобода

Больше всего на свете баба Оля любила цветы, ну, если не брать в расчёт внуков, конечно! А из всех цветов отдавала предпочтение горделивому красному маку – всё-таки это был любимый цвет той эпохи, в которой прошла её молодость. Красный мак подходил ей ещё и потому, что это неприхотливый цветок, долго цветущий, не требующий особого ухода. Ей и сеять то его не надо каждый год – он был очень самостоятельный и со многими проблемами справлялся сам, в том числе и с этой. По тем же простым причинам Ольга

любила и портулак, называя его ласково «коврик». Его весёлый нрав позволял ей забыть о старости и болезнях.

Так вот цветов в палисаднике у бабы Оли развелось так много, что однажды им стало тесно. Кто-то из них, не помню кто, предложил выйти за ограду – мир посмотреть и себя показать. Пошли не все, а только самые храбрые. Сначала они просовывали любопытные головы в щели забора, но увидев, как один смелый портулачонок выскочил за ограду и отчаянно уселся рядом с колючей вредной крапивой, тоже полезли, отталкивая друг друга и препираясь, кто первый.

О, как здесь было хорошо! Сколько нового и интересного! А главное, не было ненавистного сторожа — забора, который никуда не пускал, и от которого на них падала тень. Здесь было полно солнца, воздуха, но самыми интересными были люди. Цветы не могли на них насмотреться. Какие они разные! Как по-разному цвели и вели себя: одни спешили, другие часами стояли и разговаривали на своём человеческом языке. Были и такие, которые говорили непонятно на каком языке и вели себя странным образом. На таких цве-

там было не очень приятно смотреть, но не закрывать же глаза!

А люди тем временем тоже обратили внимание на храбрецов, осмелившихся выйти за ограду. Они явно любовались ими. Но почему-то хвалили бабу Олю, говоря:

— Какая молодец, не только для себя вырастила, но и для других такую красоту!

Когда бабуля услышала похвалу в свой адрес, она взяла лопату, вскопала землю за оградой, сделала аккуратную грядку и посадила в неё и другие цветы.

Не было ни одного живого существа, которое не обратило бы внимание на них. Цветы за оградой, на улице, для всех! Даже самые грустные люди останавливались, и их лица озаряла добрая улыбка.

Любовалась своими цветами и баба Оля. Но однажды, после дождя, она с ужасом увидела, как их обрызгала, проезжающая мимо машина, потом какой-то малыш сорвал цветочек и тут же его выбросил. А после того, как одного пьяного прохожего занесло, и он угодил ногой прямо в середину клумбы (правда, он извинился, увидев цветы), этого она вынести не могла. Баба Оля в этот же вечер по-

просила зятя, и он пригородил забор, обнёс клумбу хоть и невысоким, но частым штакетником.

Теперь цветам не стало видно, что творится на улице. Им опять не хватало солнца, а главное, им не стало хватать человеческой любви — на них почти перестали обращать внимание. А им так нравилось дарить окружающему их миру: кошкам, собакам, автомобилям, прохожим свою красоту и любовь! Ведь от этого все, даже пьяный прохожий, становились добрее и чуточку лучше.

Выдумщица

В 5 лет у Надьки было очень развито воображение. Укладываясь спать, закрыв глаза, она смотрела сказки, режиссером-постановщиком которых была сама, да зачастую и актером. По утрам мама долго не могла поднять её с кровати, потому что в это время следовало продолжение вчерашней серии. Необходимо, чтобы у героев её сказки все было хорошо, а на это требовалось время.

В 8 лет её спектакли и концертные программы уже смотрели зрители — соседские ребятишки, рассевшись на ступеньках подъездной лестницы. Согнать их родителям отсюда стоило больших сил и нервов.

Надька пела песенки, показывала фокусы, плясала, меняя мамины наряды один за другим. Расхаживала в туфлях на шпильке, читая стихи и рассказывая страшные сказки. Мальчишки не сводили с неё восхищенных глаз, девчонки завистливо и придирчиво наблюдали, стараясь найти хоть один изъян в наряде. Но так ничего и не найдя, раскрывали рты от обилия свалившейся на них информации, буйной Надькиной энергии и безграничной фантазии.

До вечера время пролетало незаметно. Но он наступал, и вот уже из разных квартир, то и дело высовывались строгие лица родителей.

— Танюша, домой! Кушать, мыть ноги и спать! — приказывала чопорная тётя Лена из третьей квартиры.

— Лёнька, тебя сколько можно звать, паршивец?! Не загоняется домой! — кому-то видимому в пространстве лестничной площадки только ей, возмущенно сообщила тётя Клава из второй.

Постепенно подъезд пустел, неохотно, по одному отпуская своих обитателей.

Чем меньше оставалось зрителей, тем больше старалась развеселить их Надька, не отпу-

ская от себя – не хотелось оставаться одной.

Наконец, и последнего зрителя, Гришку, щёлкнув по лбу для профилактики, увёл разгневанный отец.

Надька осталась одна на ступеньках лестницы. Из квартир, казавшихся девочке раем, доносились голоса, гремела посуда, урчал, умываясь, унитаз.

— Танюша, ты будешь со щавелем или с луком и яйцом? – вопрошала тётя Лена.

— Гришка, не ковыряйся за столом в носу!

— Ах, добрый аист, мы, наконец, тебя дождались..., — ворвался голос Майи Кристалинской из пятой сверху.

— И я иду к тебе навстречу, и я несу тебе цветы..., — перекрикивал Муслим Магомаев из шестой.

Надька с интересом прислушивалась – начинался концерт для неё.

Она живо представила, как тётя Лена аккуратно подвязывает пояском от старого халата лоснящийся подбородок, наивно думая, что это спасёт его от отвисания. А подбородок с каждым днём становился всё более складчатый.

Тётя Клава смачивает реденькие волосы

сахарным сиропом, а потом закручивает их на самодельные бумажные бигуди. В задачу сахарного сиропа входило держать в форме нежные локоны. Эти нехитрые секреты красоты Надька давно познала от мамы.

Дядя Петя после сытного ужина на десерт поглощает новости, расположившись на стареньком диване. Одна рука его держит газету, а другая неустанно роется в плешивой голове, выискивая последние волосинки. Это у него привычка такая. Еще 2 года назад, когда он был лохматый, и у него робко стали появляться первые сединки, он с таким остервенением бросился вырывать их с корнем (стареть никому не хочется, понимала Надька), что уже через год голова стала светиться нежным, розовым светом рассвета. Скоро волос не стало, а привычка дёргать их осталась. Надька представила дядю Петю с футбольным мячом вместо головы. Вот он перевернулся с ног на голову, вернее, на мяч и несколько раз подпрыгнул, чихнул от поднятой пыли и почесал то место, где должно быть ухо. Смешно.

Но вот наступает тишина, которой так боится Надька. Спасаясь от её неизбежности, она стремглав бежит домой, богатое вообра-

жение подсказывает ей, что сзади за ней гонится какое-то чудовище со страшными волосатыми руками. Она хлопает у него перед носом дверью и судорожно накидывает крючок. На какое-то время становится легче, но ненадолго.

Садится с ногами на окно и напряжённо всматривается в жуткую и неумолимую темноту улицы, высматривая мать. Но её не видно, скоро голова начинает клониться и безвольно падает на грудь. Помучившись так некоторое время, она ложится в постель, залезая с головой под одеяло, потея, и все же боясь вылезти, ведь рядом, над ней уже зависла в ожидании волосатая лапа страшилы. Сжавшись в комочек, она с силой сжимает в кулаках одеяло, чтобы злодей не вырвал и не открыл её.

Ночью приходила мама, которую Надька любила больше всего на свете, и ложилась рядом. Теперь ничего не страшно. Уткнувшись носом в бок матери, она спокойно засыпала, чтобы утром, проснувшись, мечтать о дальних странствиях, плыть на корабле по тёплому, ласковому морю, подружиться с чёрной пантерой, которая разорвёт на части страшное чудовище с волосатыми руками.

Александр Кобзев

Значит это кому-нибудь нужно...

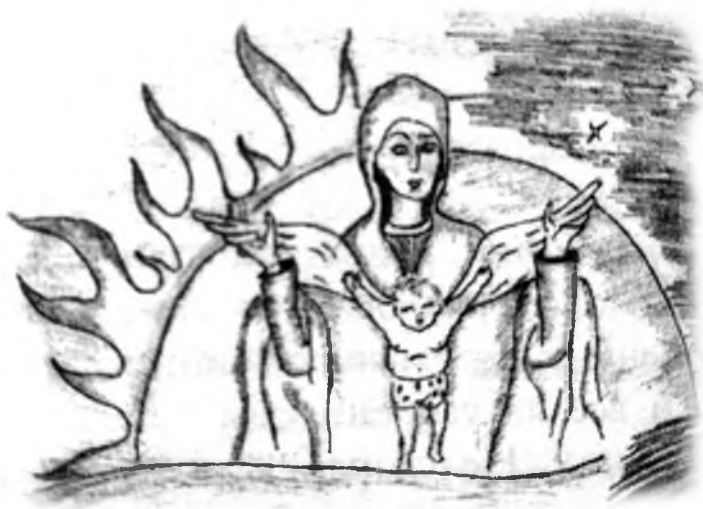
Один толстый неуклюжий мальчик весьма страдал от своей приземлённости и неповоротливости. Но он мечтал летать...

Однажды, проснувшись, он обнаружил, что руки его выросли и оперились. Он удивлённо поглаживал пёрышки пальцами, которые теперь едва проглядывали где-то посреди крыла, и радовался неожиданному приобретению.

От восторга он почти сразу выбежал из дома на улицу, взмахнул крыльями, но оказалось, что летает не лучше курицы. Мальчик жалел несчастных куриц, а ещё больше жалел себя.

— Жили у нас куры — то ли мутация, то ли порода такая, — сочувствовал ему сосед, который едва сдерживал смех, глядя на суматошные попытки взлететь — так они запросто залетали на дерево. Они даже ночевали не в курятнике, на насестах, а на ветках дерева, на краю усадьбы.

— Да ведь и я — мутация, — грустно ответил неуклюжий мальчик с крыльями.

Каждое утро, удивлённо взглянув на свои руки-крылья, неуклюжий мальчик с новой надеждой грузно бежал к пригорку, тяжёлым шагом достигал вершины и с умилением расправлял широкие, как паруса, крылья. Но, когда он планировал под гору, его руки жутко уставали, и так бешено колотилось сердце, что он отказывался от всяких полётов. И продолжал довольствоваться полётами во сне и в мечтах.

Люди быстро узнали о необычном феномене. Но вместо славы его ожидали только насмешки от одноклассников и соседей. Он стал прятаться от людей, хотя многочисленные журналисты из бульварных газеток и ис-

следователи всех специальностей и рангов отыскивали его и надоедали всевозможными вопросами, замерами, анализами и пробами. А он от досады тешил себя ещё большим количеством сладостей и калорийных лакомств. И всё больше раздавался вширь.

— Откажись от крыльев! Зачем тебе дополнительная тяжесть в десять кэгэ? Да и нездоровое внимание от людей только досаждают, — будто кто-то постоянно говорил несчастному, когда он уплетал очередную порцию пирожных. — Откажись!

— А как?! — огрызнулся неуклюжий мальчик. — Ампутировать что ли?

Но однажды утром, уткнувшись в мокрую от слёз подушку, он томился каким-то новым едва нарождающимся порывом.

— Не могли же крылья просто взять и вырасти! Если крылья растут, значит, Кто-то их даёт? А кто же, кроме Бога, способен на столь величайшее чудо и такую милость? Если Бог дал мне крылья, значит, это кому-нибудь нужно?!

— Специалистам по патологической анатомии! — ехидно добавил кто-то.

Мальчик дал себе слово не съесть ни одно-

го пирожного до тех пор, пока не перелетит через всю гору. Да и после необходимо будет себя в форме держать.

Сегодня утром мальчик особенно тщательно умылся, заправил постель и побежал тренироваться. Он не стал завтракать, чтобы хоть раз почувствовать то ощущение, которое называют голодом.

Пересиливая усталость и голод, мальчик отжимался от земли. Крылья мешали, но он сумел расположить их на земле так, чтобы и пёрышки не помять, и простор для движений был.

— Теперь ты сможешь стать самым Джона-таном Ливингстоном! — подначивал некто.

— А ты мне больше не советчик! — уверенно ответил мальчик.

По пути в школу он решил во что бы то ни стало поделиться своими открытиями со священником.

Старенький священник ласковым голосом успокаивал и вселял уверенность:

— Слушайся старших. Не старайся выделиться, не хвастай. Но всегда помни, что если тебе дан такой дар, то и спрос с тебя будет не такой, как с других мальчиков. А неуклюжесть

и насмешки от одноклассников тебе просто необходимы — для смирения. Чтобы тебе не стать Джонатаном Ливингстоном...

— Чем же плох Джонатан Ливингстон?

— Просто ты меньше думай о самосовершенствовании. И на Господа уповай.

— Так что же мне теперь делать с моими крыльями?

— Не знаю. Но если Бог дал тебе крылья, значит, это кому-нибудь нужно! Дерзай!

Детские впечатления

ЛЕТИ, САМОЛЁТИК!

Папа сделал бумажный самолётик.

Я запустил самолёт, но весенний ветер подхватил его и понёс с огромной скоростью. Самолёт становился всё меньше, пока не превратился в белую точку.

— Куда самолётик полетел?

— Он полетел в Москву!

— Что это?

— Это далёкий-далёкий город. Столица нашей Родины.

Я смотрел вдаль, туда, где дорога скрывалась за горным выступом. И видел белую точку — дорожный знак? Или случайный белый предмет?

Каждый день я выходил посмотреть на белую точку. Это мой самолёт летит в Москву — столицу нашей Родины.

ЧУДЕСА ЭГОЦЕНТРИЗМА

Однажды я сделал небывалое открытие — солнышко за мной ходит. Я бежал взад-вперёд — солнце следовало за мною с необъяснимым постоянством; делал немислимые прыжки — солнышко прыгало в небесах. Вскарбакивался на при-

горок — солнце взмывало вверх. Даже отраженное в речке, солнце, искрясь, неизменно скользило за мною по глади воды.

Я поделился радостью с Павликом. Он походил:

— Солнце за мной ходит!

Как мы дрались!

А я точно видел — солнце ходит только за мной! Он врёт — из зависти! Не может солнце одновременно за двоими ходить!?

РАССВЕТ НАД ГОРОДОМ ДЕТСТВА

Мы с Андреем доигрались допоздна.

Спать пошли ко мне. Дверь была заперта — я отпросился ночевать у друга. Таясь, побрили к Андрею. У него было закрыто — он тоже отпросился. Постучать? — Мы всё откладывали, откладывали этот момент.

Всю ночь бродили по безлюдным улицам города, придумывая всевозможные забавы, чтобы скоротать холодную ночь.

К утру усилился холод. Решение простое — идти в гору, чтобы согреться.

Восход солнца встретили на вершине Тугаи. Это был первый и самый прекрасный рассвет, который я запомнил. Рассвет над городом детства.

САМЫЙ МАЛЕНЬКИЙ МАЛЬЧИК

Плохо живётся самым маленьким в классе!
Лишь дома маленьким быть хорошо...

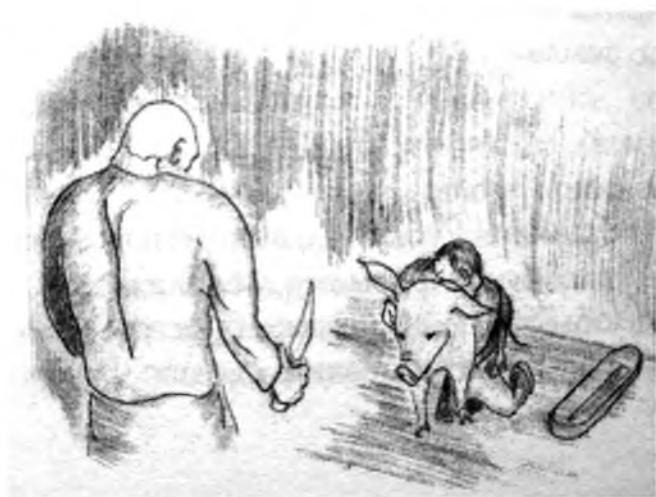
Но сегодня папа, накормив поросят, сказал маме:

— Пёстрый поросёнок совсем не хочет расти. Придётся его зарезать.

Родители ушли...

Мальчик обнял поросёнка и заплакал:

— Почему мы плохо растём? Из-за этого нас зарежут... Миленький поросёнок, неужели ты вправду не хочешь расти? Я очень хочу, но не знаю, как это сделать. Я и кашу ем, мальчик поглядел на Тугаю, словно выбирая маршрут для побега. — Нам бы сбежать, да родителей огорчать не хочется.

Пескари

— Замухрышка! Замухрышка! — слышу позади.

Я не оборачиваюсь, но затылком вижу: мальчишки берут глиняные комки, чтобы запустить мне в спину.

Ничего поделать не могу! Я новенький, я замухрышка. У меня нет друзей-старшекласников — здоровых и сильных. Нет поблизости старшего брата, который защитит от всех обидчиков.

Мои друзья-первоклашки, на два-три года младше меня. Они любят меня за то, что я им даю книжки про животных с чудными цветными картинками. Бегемоты и слоны, необычные разноцветные рыбы, огромные бабочки и радужные колибри — такой чудный мир. Он где-то там, далеко на юге. А здесь... Здесь мы только мечтаем, как однажды вырастем да поплывём в амазонские джунгли, будем продираться сквозь непроходимые сплетения лиан, искать заросли орхидей, где порхают сверкающие колибри, а попугаи ара декламируют: "У лукоморья дуб зелёный..."

Первый камень упал возле моих ног. Я не стал дожидаться, когда следующий камень попадёт мне в спину, и побежал.

— Трус! Замухрышка, трус! — в три голоса звучали обидные слова.

Я не трус. Просто самый маленький в классе. Поэтому боюсь драться с тремя пятиклассниками сразу.

Я забрался в кусты возле нашего дома и заплакал.

«Вот раньше, — вспоминал я, когда обида немного прошла, — я жил в Новосибирске. Меня защищал старший брат Андрей». Но он прошлым летом поступил в университет и остался в городе.

А мы в конце апреля переехали жить в Маслянино. Я сразу окунулся в недружелюбную атмосферу: как же — новенький, замухрышка, да к тому же отличник! Пятиклассники, пользуясь тем, что за меня некому заступиться, выгребали из моих карманов мелочь, приготовленную на обед. В нашем четвёртом “б” классе учились несколько мальчишек из местного детдома, и они постоянно держали меня в центре нездорового внимания за то, что я не понимал их странных законов.

Друзей пока было совсем немного. Это были соседи, на год-другой младше меня. Самым лучшим другом я считал соседа-второклассника Женьку. Я помогал ему делать уроки по математике. А он показывал мне все мальчишечьи тайны в округе.

Наступления лета я ждал, как праздника. Ещё бы: целых три месяца не нужно ходить в эту недружелюбную школу!

С первого же дня каникул Женька стал для меня проводником по местным достопримечательностям. Первым делом он показал огороженное зелёным деревянным забором хозяйство с огромными таинственными складами. Мы пролезли через дыру в заборе и оказались возле старого трактора с треснувшим лобовым стеклом.

— Садись за руль! — распорядился Женька. — Я сколько угодно нарулился, даже надоело.

Я забрался на сиденье и только задумал повернуть трактор-бронетанк в гущу врагов, как увидел идущего в нашу сторону деда.

— Сторож идёт! Бежим! — горячо зашептал я.

— Не бойсь. Ничего он нам не сделает. Это

деда Петя, наш родственник.

Сторож оказался добродушным старичком. Он не только нас не прогонял, но и угостил пряниками, которые брал себе на обед.

Мы пили духмяный травяной чай, а дед Петя рассказывал, как рыбачил на Тихом океане. Я воображал: вот он сильными руками закидывает большущие сети прямо в глубину, потом с огромным усилием тащит на берег сети, полные бурно плещущих здоровенных рыбин.

На следующий день Женя позвал меня на речку. Дорога проходила мимо маслозаводских очистных. Из огороженного проволокой земляного бункера вытекала грязно-белая вода — отходы нашего маслозавода.

До реки в тот день мы не дошли. На полпути показалась заброшенная деревня: десяток крепких домов. Избы выглядели, как жилые, даже стёкла в окнах были почти целые. Я очень хотел поискать несчастных домовых, скучающих в оплетенных паутиной комнатах. Мы спрятали удочки в кустах и ступили на таинственные древние ступеньки.

В домах хранилось нечто от прежних хозяев, и ЭТО заставляло нас трепетать от перво-

бытного страха. Поэтому куда как лучше развести в пустом огороде костёр, разыскать не выкопанное осенью гнездо картошки, и испечь в горячей золе несколько крупных картофелин. А в заброшенный дом — только в гости, благоговейно внимая тихому шороху и скрипу ставней.

На другой день мы прямо-таки заставили себя пройти мимо заброшенных домов и добрались до реки. Женька привёл меня к тому месту, где в реку впадал мутный ручей с заводских очистных. По ручью плыли крыски — неуклюжие толстые личинки с длинным-длинным тонким хвостом. Противный ручей впадал в Бердь, белёсым грязным шлейфом замутняя реку ниже по течению. Запах молоканки и длиннохвостые личинки отбивали охоту здесь рыбачить. Но крыски привлекали в это место рыбу, и здесь была самая успешная рыбалка. По крайней мере, туда закидывали удочки несколько мальчишек, поминутно вытаскивая из воды чебаков и пескарей.

Женька нацепил на крючок червя и закинул удочку в самую муть. Через полминуты в его руках трепыхался первый чебак. Мне было противно даже смотреть на эту грязь,

поэтому я отошёл выше по течению, закинул удочку в светлый омут и стал ждать.

Я просидел минут двадцать, но поплавок ни разу не нырнул радостно под воду. Он лишь судорожно трепыхался, когда его подхватывало мелководное течение.

Наконец, я пересилил себя и, краснея от стыда, забросил крючок недалеко от грязной воды. Течение как бы невзначай втокнуло мой поплавок в мутный круговорот. Мне казалось, все так и смотрят с усмешкой на меня. Поэтому я, стиснув зубы, сделал вид, что мне всё это совершенно безразлично.

Я был в самом центре буйного рыбацкого везения: все мальчишки так и выдёргивали чебаков прямо у меня из-под носа. Мой же поплавок равнодушно застыл на конце натянутой лески. Я проверил крючок, но червяк был на месте. Тем временем Женька вытянул крупного пескаря. Я тут же закинул удочку на место, где только что вслед за поплавком вынырнул пескарь. И опять мой поплавок благополучно успокоился. Женька уже прицеливался удочкой в неведомую цель, и через пять секунд в стеклянной банке трепыхался ещё один пескарь.

Теперь было уже не до брезгливости. Я сам зашёл по колено в мутную воду, желая доказать, что я не просто рыбак, но рыболов, знающий из книжек секреты рыбной ловли.

Целый час я безуспешно пытался поймать хоть одну рыбку. Забрасывал удочку туда, где какой-нибудь салага только что вылавливал крупного чебака. Закидывал и в мутную, и в прозрачную воду, в спокойные струи и в водовороты, шептал над крючком разные слова. Но, хоть тресни, даже ни разу не клюнуло.

Тогда я решил попробовать, как другие мальчишки, ловить на крысок. В ручье они казались омерзительными. Насадив их на крючок с десятков раз, я не испытывал к ним такой неприязни. Но рыба, похоже, объявила мне полный бойкот.

— А ещё биолог! — съехидничал низкорослый сопливый мальчишка, перед которым я накануне похвастал, кем хочу стать.

Тогда я не выдержал, бросил удочку в заросли тальника и побежал купаться. На песчаной отмели выше по течению резвились в воде мальчишки и девчонки. Но я выбрал неглубокий омут и стал выписывать в воде самые виртуозные фигуры, какие только умел,

надеясь хоть этим вызвать внимание к своей персоне.

— Семидырка, — завизжали вдруг девчонки, заорали мальчишки и дружно бросились из воды. Выскочили из речки и рыбаки с Женькой во главе.

Мне захотелось непременно посмотреть, что за страшное существо наделало столько шума. Я пошёл в то место, где только что кипело веселье, а теперь солнце плескалось в гладкой воде. Долго искать не пришлось: по поверхности реки, извиваясь, неторопливо плыла минога. Раньше я видел миногу только на картинках, но сразу узнал её по змеевидному телу и боковым “дыркам”- жабрам. Я знал, что если переверну её, то увижу круглый уродливый рот, усеянный мелкими зубами.

— Это же минога, ничего страшного в ней нет, — пытался я убедить малышей.

Все дружно доказывали, что семидырка страшнее змеи:

— Я сам видел, как корова пила воду, а ОНА — ка-ак выскочит! — и прямо к морде присосалась!

— Я сама видела, как пьяный дядька утонул

— это ОНА его ядовитым зубом ужалила!

— А если дырками присосётся, то всю кровь выпить может! Я сам видел: утопленник совсем белый по речке плыл, ни капли крови в нём не осталось!

Гвалт был настолько убедительным, что я чуть не поверил в эту чушь.

Превозмогая холодок жути, я всех успокаивал, что "дырки" — это всего лишь жабры, что минога не присасывается, кровь не пьёт, даже поймал её и, холодея от ужаса и омерзения, прижал жабрами в своему животу. И всё же целых полчаса дети боялись подойти к воде.

Зато в глазах салаг я стал самым настоящим героем. Но пескарям на это было наплевать: они ловились на любую приманку, на самую задрипанную удочку. Но только не на мою!

Не поймал я ни одной рыбки и во второй день, и в третий, когда я привёл на речку своего отца.

Лишь на четвёртый день я поймал своего первого чебака. С тех пор я стал самым удачливым рыболовом. Даже теперь, много лет спустя, я не могу объяснить причину полного невезения, а после — неперменной удачи.

Мой улов был даже больше, чем у отца. А мой папа с военного детства был самым везучим рыбаком.

Но перед этим со мною произошли необычные события.

Утром мы с близняшками Игорем и Олегом сидели возле нашего дома и смотрели книгу о тропической природе. Это была большая книга с цветными фотографиями. Мы мечтали, как будем путешествовать по Амазонке, бороться с анакондами, ловить в Ориноко самых красивых рыбок для нашего аквариума.

Издавека я увидел своих родителей.

— Саша, встречай нас! — они загадочно улыбались.

Я понял, что сейчас может случиться чудо.

Так и оказалось — родители купили полный водолазный набор: ласты, маску и дыхательную трубку. Мне не терпелось опробовать новое снаряжение, поэтому я не стал дожидаться Женьку, которого родители заставили идти с ними "по магазинам".

Чтобы сократить путь к реке, я решил не обходить по дорожке лесочек, а пройти напрямик. Я так решил потому, что сегодня шёл один. Всего сотню метров нужно прой-

ти по зарослям — и река. Но через несколько шагов я окунулся в густые, почти непроходимые сплетения деревьев и кустарников, густо скреплённых сетями хмеля. Идти было почти невозможно. Спуски и подъёмы, полустгнившие стволы... Я сильно исцарапался о сухие ветви. Крапива довершала все мои несчастья.

— Настоящие таёжные джунгли! — несмотря на заливающий глаза пот и полученные ссадины, я был в восторге от приключения. Я был готов сам страдать от цепких ветвей и крапивы сколь угодно, но водолазное снаряжение бережно прикрывал своим телом.

Наконец, я вышел к реке. Было достаточно рано, на речке — тихо и безлюдно. Это была почти та же река Бердь. Но, пройдя через непролазные заросли, я понял, что попал в совершенно иной мир: мир тропической жары и амазонских джунглей, океанских лагун и сказочных животных. Нетерпеливо нацепил на себя "водолазное" снаряжение и окунулся в волшебный подводный мир. Там не было крабов, медуз и актиний, радужных рыб, волшебных подводных цветов и удивительных перламутровых моллюсков, каких я видел в книгах. По илистому дну ползали лишь

тихоходы-беззубки. Но всё было намного интереснее, потому что я сам был участником подводной жизни.

Но главное — впереди! На мелководье я увидел перед собой стайку пескарей, которые искали на илистом дне нечто неизвестное. К моей безмерной радости, они не уплыли, а спокойно продолжали двигаться в мою сторону. Приблизились к моим рукам и даже начали пощипывать пальцы. Было немного щекотно, но я заморожено смотрел на них и старался не шевелиться.

У самого крупного и смелого пескаря оказался повреждён плавник. Верно, он самоотверженно защищал своих деток, чуть не погиб, но в жестокой схватке потерял полплавника. Я сразу проникся уважением к новому другу.

— Как тебя зовут? — я спросил его молча, потому что рыбы говорят беззвучно.

— По-пескариному ты не услышишь, но на человеческий язык это можно перевести как “мужественный защитник”, — также молча ответил он.

— По-нашему, по-человечьему — Александр! Значит, мы тёзки! — обрадовался я.

— Ты молодец, что пришёл сюда по зарос-

лям. За это я открою тебе много тайн.

— Каких?

— Не всё сразу. Первая тайна: ты взаправду попал на Амазонку, только об этом никому нельзя рассказывать!

Пескарь замолчал. Я решил, что не буду досаждать ему вопросами. Всему своё время: тайны открывают, лишь если проверят верность в малом. Но он сам решил открыть мне и второй секрет:

— Ты всегда должен неизменно хранить терпение. Тогда тебе откроется множество тайн.

С тех пор с удочками мы с Женькой или с отцом подходили к реке по дороге. Ловили много пескарей и чебаков, купались в реке и возвращались домой.

Но с подводным снаряжением я всегда в одиночестве шёл через джунгли. Я знал: возле мутного ручья живут другие пескари — глупые и жадные, готовые схватить чуть ли не голый крючок. А здесь — в протоке Амазонки — другие рыбы, иные законы. Сейчас засуха, Амазонка пересохла, зато весной река разливается на десятки километров вширь. Амазонские миноги реально присасываются

своими присосками к телу и пьют кровь. И пескари здесь говорящие. К тому же они знают все тайны моря.

Когда я, обожженный крапивой, вываливался из джунглей на амазонский берег, меня окружали местные индейские дети: во-он тот мальчик, что семидырок не боится! Я по очереди давал им подышать под водой в дыхательную трубку и посмотреть сквозь стекло на амазонских моллюсков. Потом сам погружался в искрящиеся струи мелководья и стучал камушком о камень — этакий условный знак. Мои друзья, амазонские пескари, мигом приплывали, радостно приветствуя меня. Они неизменно пощипывали мои руки и благодарно брали с моих ладоней хлебные крошки, рассказывали последние амазонские новости и открывали мне самые глубинные тайны океанов.

Я никому не раскрывал моих секретов. Даже Женьке говорил о подводных одиссеях очень расплывчато: «Так, ил да беззубки — ничего интересного».

Частенько мы брали маску и ласты на рыбалку, по очереди плавая вблизи грязного ручья. Иногда я нехотя на весь день давал другу

снаряжение, которое он вечером возвращал, в захлёб рассказывая о чудесах подводного мира. Но Женька был реалистом: видел только то, что зримо и реально. Наверное, потому, что ходил по протоптанной тропинке... А, может, Женя потому и не говорил мне о своих приключениях на Амазонке, что старый пескарь не позволил ему рассказывать о раскрытых тайнах...

— Жень, когда плавал под водой, ты видел пескарей? — осторожно, чтобы ненароком не выдать себя, спрашивал я.

— Нет. Только беззубок да всякие ветки.

— Я тоже.

Я оставался в ещё большем неведении — посвящён мой друг в тайны подводного мира или нет.

В тот жаркий июльский день клёва у меня почему-то снова не было — как в первый день. У других уже по десятку-другому пескарей, а у меня — ни одного. Я был даже в большем отчаянии, чем в первые безрыбные дни.

Наконец, поплавок уверенно пошёл под воду. Вытащив пескаря, я не успел даже обра..., это же тот пескарь, с оборванным плавником!

— Эх ты, предатель! Я-то думал..., ты не будешь в этой мути искать противных крысок. Но я буду великодушным — отпущу тебя, — и я осторожно выпустил его в чистую воду. Пескарь вильнул хвостом и мгновенно скрылся в глубине.

Для меня разом рухнул целый мир. Я свернул удочки и понуро сидел в тени деревьев.

— Что случилось? — забеспокоился Женя.

— Так, настроения нет, да голова болит. Ты рыбачь, а я домой пойду.

В ужасном унынии я плёлся домой через берёзовый лес, мимо заброшенной деревни, очистных и мутного ручья...

— Почему ты оказался таким, как все? Предатель! Я больше никогда не пойду на Амазонку через джунгли! Потому что Амазонки — НЕТ! — громко крикнул я.

Когда я почти дошёл до дома, то вдруг понял: это ради меня мой друг пескарь приплыл из своей Амазонки через два океана, в нашу Бердь, чтобы утешить. Ради меня он решил пожертвовать своей жизнью — лишь бы я не огорчился!

Я бросил посреди комнаты удочку, схватил ласты и маску и со слезами побежал к реке

— напрямую. Я никогда раньше не бежал через заросли крапивы и хмеля так быстро. Я отчаянно вырывался из жутких объятий тропических лиан, перелетал через покрытые столетним мхом прогнившие брёвна. Я желал искупить свою вину перед моим другом — Мужественным защитником.

Погрузившись в воду, долго искал моих пескарей. Много раз стучал камешком о камень. Но так никто и не приплыл.

Наконец, я увидел стайку рыбок. Среди них, как ни в чём не бывало, плыл мой добрый старый друг. Сегодня рыбок было даже больше, чем обычно.

Они принимали из моих рук угощение и благодарили меня.

— Простите меня, добрые пескарики! Особенно ты, Мужественный защитник, ты ради меня готов пожертвовать своей жизнью, — и я высыпал на руку лакомства, которые для них припас: крошки от торта, червей, оставшихся от сегодняшней рыбалки и даже карамельку, на которую они не обратили внимания.

— Правильно! Конфеты есть вредно, — похвалил я, глядя, как пескари подбирают червей и крошки.

Я тем временем смотрел на пескаря с повреждённым плавником и искал следы сегодняшнего крючка. Но раны не видел...

Много лет спустя я всё думаю — может, это другой, похожий пескарь: мало ли рыб плавают с повреждёнными плавниками. Просто нужно было лучше приглядеться. Нет! Это был именно он — кто же ещё так быстро приплывёт на условный звук?

Всего год мы прожили в Маслянино. Больше ни разу не довелось мне там побывать. Иногда в суете бытовых хлопот вдруг какая-то тоска нахлынет, так захочется оставить повседневные заботы и отправиться в паломничество по местам детства, где верил в сказку и воочию видел чудо. В маленькую деревню, где я родился. Мне было лишь два года, когда мы уехали из Вдовино. От этой деревни на севере Новосибирской области остался лишь десяток домов, но я в ней видел целую Вселенную. Поехать в Маслянино и пройти с ластами и маской через непроходимые заросли черёмухи, хмеля и крапивы, чтобы сквозь листву смородины увидеть блики солнца на воде.

Вдруг это взаправдашние джунгли и настоящая Амазонка, и тот самоотверженный пескарь с повреждённым плавником всё ещё жив. А когда я постучу камешком о камень... он приплывёт со своей дружной стайкой, приведёт с собою всех своих деток и внуков... Потом по секрету откроет ещё одну, самую великую, тайну мироздания. Но для этого я должен буду забыть хотя бы на час всяческую суету. Забыть, сколько заработал за этот месяц, что из этого предстоит потратить на развлечения и безделушки. Перестать сердиться на тех мальчишек, теперь уже взрослых дядечек, которые работают шофёрами или директорами корпораций, отцов семейств, которые тридцать лет назад обзывали меня замухрышкой и швыряли комья глины в мою... Да ладно, не сержусь...

Потому что старый пескарь раскрыл мне тайну Мироздания... по великому секрету. И даже позволил чуточку приоткрыть этот секрет тебе, читатель.

В еловый лес

Если после школы успеть на автобус, то через десять минут можно заскочить домой, бросить портфель под стол, быстро переодеться да бежать на улицу. Прозеваешь — придётся долго тащиться из центра на самые окраины Маслянино.

Но я сегодня не тороплюсь...

— Пошли быстрее, займём места возле окошек! — это меня обгоняет сосед, третьеклассник Женька.

— Мне ещё в музыкальную школу.

— Начихай на музыкалку! Пошли по складам лазить! В один склад пролезть запросто можно. Там мотороллер стоит, я уже поручил!

— Жень, я лучше пойду. Учителя обижать не хочется. Он думает, я талантливый баянист. Он так расстроился, когда я ангиной заболел. Даже к нам домой приходил.

— Да идём же! Мотороллер — пустяк! Представляешь, на складе целая куча противогазов!

Женька ещё пытался меня уговорить, потом побежал к остановке.

Я тоже прибавил ходу. Я проболел ангиной почти весь октябрь и сегодня первый раз после болезни шёл в музыкальную школу. Хотя я новенький, пусть и называет меня учитель талантом, но опаздывать не хочется.

Ещё в сентябре Виктор Иванович, учитель музыки, сообщил невесёлую новость: в конце года на районном конкурсе мне предстоит не только показать своё умение, но и отстаивать честь целой музыкальной школы. Не одному, конечно, но от этого ничуть не легче.

Для конкурса решили разучить достаточно сложную, но, главное, красивую пьесу для баяна. Точнее, так решил учитель.

— Саша, разминай-разогревай пальчики, а я подумаю, что бы нам сыграть такого, чтобы все ахнули.

Пока я играл арпеджио, Виктор Иванович снял очки и раскрыл толстый нотный сборник.

— Понимаешь, если мы выучим что-нибудь простецкое, то какая заслуга в этом будет? Простое любой двоешник запросто сыграет. А ты — молодец! Негоже тебе на детские песенки время тратить.

Наконец, он заулыбался, пролистал не-

сколько страниц назад и, напевая некий мотив, с видом победителя воткнул указательный палец в заголовок пьесы.

— Давай-ка попробуем разучить эту пьесу, — торжествующе воскликнул учитель.

“Переливы”, — прочитал я крупные буквы заголовка, и чуть ниже: “Утро в лесу”. Я пролистнул три страницы и ужаснулся: такого количество шестнадцатых нот я ещё никогда не играл.

— Шестнадцатых испугался? Ничего, поиграешь-потренируешься, тридцать вторые и шестьдесят четвёртые запросто сыграешь! Ты же талантище! — Виктор Иванович уже устанавливал передо мною пюпитр. — Я знаком с композитором, автором этой пьески. Мировой мужик! Поэтому не посрами. Я на тебя возлагаю особую ответственность.

В ту ночь мне снились массивные коромысла шестнадцатых нот, запятые и зигзаги пауз. Они цепляли меня за пальцы, больно кололись и не давали мне сыграть пьесу.

Но я простудился, из дома почти не выходил. И пьесу за время болезни разучил так, что играл совершенно без запинок. Теперь я выздоровел, конкурс в декабре, время на от-

тачивание ещё есть.

...На урок я поспел вовремя.

— Молодец! Пока болел, время не терял даром, — Виктор Иванович сразу вручил мне баян. — Но поболел-отдохнул — пора за настоящую работу!

...Я отодвинул подальше нотный сборник и стал уверенно нажимать заученные назубок ноты.

— Ничего, неплохо... — рассеянно произнёс Виктор Иванович. Своим равнодушием он сразу охладил мой пыл. После он произнёс чуть ли не приговор: — Но не техника — главное. Думаешь, без ошибок сыграл, так сразу медаль заработал? Нет! С душой надо играть! С душой, — многозначительно сказал учитель. — Знаешь, что такое душа? Ну-ка, попробуй.

Я опять начал с первого такта, пытаюсь вообразить, что играю с душой. Эта душа усердно нажимала на кнопки, бойко выводила трели, умилительно пере...

— Ах, ты, опять зажимаешь пальцы! — неожиданно вцепился Виктор Иванович в мою руку. — Ну, кто так играет!? У тебя рука словно костыль! А она должна порхать, как

невесомая бабочка, как шустрая мышка! Вот смотри, — и учитель легко прошёлся по клавиатуре. — Попробуй.

Он попытался притянуть мою руку к себе, но рука словно приросла к кнопкам.

— Рука должна быть расслабленной, невесомой. Смотри, — преподаватель поднял свою руку и безвольно опустил её вниз. Рука даже закачалась, словно она была куском толстого каната, по которому старшеклассники лазят до самого потолка. — Ты должен так же расслабить руку!

Виктор Иванович поднял мою руку и отпустил её. Рука почему-то осталась вверху, словно стремящаяся в небо ракета. Я побоялся, что рука не упадёт, поэтому натужил её ещё больше.

— Почему твоя рука не падает?

В угодку учителю я опустил руку, да так, что она больно хлопнула меня по боку.

После двух десятков попыток рука, наконец, научилась безвольно падать вниз, словно убитый соседскими мальчишками уж.

— Вот! Так и надо играть.

Я зарделся от похвалы. Для верности ещё пару раз шлёпнул руку с высоты плеча.

Теперь-то любая пьеса всегда будет даваться легко.

Я сыграл без ошибок от начала до конца. Но вместо похвалы услышал:

— Бу-бу-бу, бу-бу-бу ... Ну кто так играет?! Как я говорил? С душой играть нужно!

Я не знал, что делать, чтобы в пьесе появилась душа, поэтому оттягивал начало игры. Лишь слёзы выступили на моих глазах. Чтобы Виктор Иванович не увидел мокрых глаз, я снова начал играть, представляя душу музыки в виде пушистого цыплёнка, порхающего в небесной вышине.

— Бу-бу-бу... Бу-бу-бу... Так однотонно, аж скучно. Динамики у тебя нет! Надо где-то громче, где тише. Иногда надо замедлить. А то и побыстрее играть.

Я был понятливым мальчиком. Поэтому сразу начал быстро-быстро, потом внезапно стал играть так медленно, что учитель громко хлопнул в ладоши:

— Нет, нет, нет! Зачем так тоскливо? Это не похороны.

Я не смог удержать слёз и надеялся только на то, что Виктор Иванович не посмотрит на моё лицо.

— Ладно, моё упущение: вовремя не разъяснил. Понимаешь, музыка живёт во времени. Музыка — это жизнь, движение, полёт, течение, да хоть беседа. Вот разговаривают два человека. Например, мы с тобой. Представь, что я тихонько спрашиваю: куда ты идёшь? А ты весело так отвечаешь: я иду в лес! Что ты там будешь делать? — опять тихо спрашиваю я. А ты так задорно говоришь: я буду там собирать грибы и ягоды. Музыка — тот же диалог. Понял? Каждые два такта — это фраза, реплика. Первые два такта играй тихонько: куда ты идёшь. Потом — громче: я иду в лес! — отвечаешь ты. Третью фразу опять тихо, четвёртую — совсем громко. Давай попробуем ещё раз.

Я тихо сыграл два такта, якобы Виктор Иванович и впрямь спрашивал меня, да ласково так — Куда ты идёшь? Вторые два такта: — Я иду в лес — я грохнул с такой силой, что учитель вздрогнул:

— Что ж так орёшь? Я тебя тихонько спросил: куда ты идёшь? А ты крикнул на весь лес, будто я глухой. Давай снова!

Снова, снова, снова, одно и то же — на следующем уроке, на позаследующем, и через месяц...

Перед концертом все спокойно рассаживались в зрительном зале. Лишь бедные конкурсанты рассматривали список выступающих — кто за кем выходит.

Свободного баяна, чтобы ещё порепетировать, не было. Поэтому я стоял за кулисами, почти не слышал выступающих, то и дело поднимал и опускал мёртвую от волнения руку, приговаривая:

— Куда ты пошёл?

— Я пошёл в лес!

— Что ты там будешь делать?

— Я буду там собирать грибы и ягоды!

На сцену выходили девочки в белых кружевных фартучках. Они с прилежным и очень важным видом садились за рояль и играли этюды и вальсы. Бухая басами, прогремел песню о Щорсе веснушчатый пятиклассник. Теперь — моя очередь.

Огромный зрительный зал районного Дома культуры сузился вдруг до единственного пустого сиденья в центре. Куда, куда ты пошёл, ну куда ты прёшь?! Я уцепился взглядом в этот стул и нажал первую нотку трели.

— Куда ты пошёл? — громко спрашивает Виктор Иванович.

Я отрываю взгляд от пустого места и вопросительно смотрю на учителя, который стоит за правой кулисой.

— Я пошёл в лес! — стыдливо отвечаю я, увидев сердитое лицо.

— Что ты там собираешься делать? — ещё громче спрашивает учитель.

— Я собираюсь собирать там грибы и яблоки, — обречённо отвечаю я, краснея от волнения.

— Где ж ты видел яблоки в лесу? — учитель от негодования сверкает глазами.

От страха я мощно всаживаю пальцы в кнопки, отчего септаккорд гремит, словно майский гром.

Чтобы не расплакаться, я отвожу взгляд от сверкающих глаз Виктора Ивановича и снова гляжу на пустое сиденье в центре зала. Но учитель и здесь не оставляет меня в покое. Он грозно хрипит:

— Что ты там собираешься делать?

Чтобы меньше злить учителя, я всюю стараюсь расслаблять руку и поспевать мыслями за пальцами: куда ты пошёл, куда ты пошёл? Я пошёл в лес. А что я там буду делать? Ах да, собирать грибы и яблоки.

— Ты всё перепутал, малыш! — тихонько сказал Виктор Иванович, когда я незаметно оказался за кулисами. — Как я тебя учил?

— Я всё забы-ы-ыл, — из моих глаз хлынули слёзы.

Вместо грома аплодисментов в ушах звучит грозный окрик:

— Куда ты опять попёрся?

Вместо ласковых слов учителя “Но ты молодчина” я слышу:

— Что это ты там собрался, поганец, делать?

Я не замечаю, что сверкание глаз Виктора Ивановича объясняется всего-то отражением прожекторов в его очках.

За кулисами я отдаю баян очередному конкурсанту и бегу по коридору на улицу, чтобы никто не видел моих слёз. Мне кажется, что Виктор Иванович догонит меня, вернёт на сцену и заставит снова и снова играть этот странный, жуткий диалог про лес, пока не получится безукоризненно.

На улице я реву, не обращая внимания на проходящих мимо Дома культуры людей. Выходит Виктор Иванович, я готов бежать дальше. Но он почему-то улыбается.

— Иди, поклонись публике. Тебя на сцену требуют.

На мой вопросительный взгляд учитель едва слышно говорит:

— Ты первое место заработал.

Я не верю ушам. Поэтому безвольно подчиняюсь учителю, который заставляет меня умыться и за руку выводит на сцену.

Когда меня награждали, я чувствовал, что слабыми стали не только руки, но и ноги. Кроме огромной грамоты и коробки конфет, я получил в награду книгу. Она так и называлась: “Я иду в лес”. В ней были прекрасные иллюстрации и интересные рассказы про лес. Я жил с этим лесом целых два месяца. Зато теперь я вознаграждён.

Прятки

— Сашенька, пойдём собирать ягодки? — голос мамы нежный, он сливается с солнечным светом, что струится в окно. — Сладкие и полезные, вкусные-вкусные.

— Ля-ля-ли!

Мама подвязывает пустое ведро на холщёвое полотенце сбоку и берёт меня на руки.

На маминых руках я смогу обойти всю вселенную. А от нашей маленькой деревни Вдовино до заливных лугов и на пригорок, где хором поют кузнечики — запросто! Но я большой и тяжёлый. Больше пяти кило весом при рождении, к своему трёхмесячному юбилею своей тяжестью я всю натруждаю мамины руки.

Мама ступает по тропке меж плещущего ввысь полноцветья, я люблюсь небом из уютного гнёздышка маминых рук. Кузнечики собираются со всех сторон и провожают нас до самого лога, звеня и пиликаая на все лады.

Мы останавливаемся на кромке пшеничного поля и лугового разноцветья. Я выпрыгиваю—выскользаю из маминых рук.

Здесь, в зарослях цветов и трав, я останусь, пока мама соберёт сладкую ягоду.

Остролистые травинки расступаются и принимают меня в свой зелёный хоровод. Мама улыбается и, поскрипывая ведром, склоняется к первым ягодкам.

— Ти-ти-ти! — напоминает ведро о том, что оно уже не пустое.

— Ти-ти-ти, — я тоже так могу!

Ягоды дружно стучатся в звонкий барабан ведра, но их так много, что они быстро устают от своей весёлой болтовни и падают в ведро с едва слышным шелестом.

— Ой, сколько ягод! Сашенька, как много клубники!

— Ня-ни-ли!

Мама поёт песню, ведро тихонько поскрипывает в такт маминым словам.

— Сыночек, ты подождёшь, пока я пособираю ягодки? — мамин голос тише...

Тише и скрип ведра. Зато вокруг меня собрались кузнечики со всего мира. Их оркестр гремит на всю долину, а самые усердные солисты подкрадываются поближе и особенно старательно куют свои нотки.

Я остаюсь один на попечении кузнечиков

и луговых трав. Самые высокие цветы склоняются надо мною, чуть покачиваясь от тяжести своих бутонов. Совсем близко на ветках-прутиках прячется аккуратное гнёздышко. Домик-домик, я тебя вижу! Кто в домике живёт? В тот же миг изысканно-серенькая птичка возвращается в свой игрушечный домик, гнездо оживает и наполняется щебетом и то-нюсеньким писком.

— Пи-пи-пи, — приветствую я птичку.

— Три-ли-ли, — щебечет она в ответ и улетает.

Лёгкий ветерок баюкает в гнёздышке птенцов, и они умолкают.

— Ля-ля-ли, — радуюсь я.

— Шшу-шшу, — отвечают травинки.

— Ди-ди-ли, — зову я солнышко в свою колыбель.

— Жжу-жжу, — вставляет слово шмель и тычется массивным телом в жёлтое-прежёлтое маленькое солнышко.

— Жу-жу-жжу, — как чудесно, я тоже так жужжу!

Ветерок легонько машет надо мною волшебным веером. Я засыпаю. И вижу, как мама собрала полное ведро спелой клубники. Она

привязывает к ручке ведра холщёвое полотенце, перекидывает его через плечо, чтобы в свободные руки взять меня – крепыша.

— Ма-ма-ма, — я подпрыгиваю в неведомых руках, смотрю, как мама проходит мимо меня, и весело смеюсь.

— Сашенька, где ты?

— Ма-ма-ма, я здесь, среди синих васильков, рядом с весёлым шмелем. Ты смотришь прямо на меня, — улыбаюсь я.

— Сашенька, сыночек, родненький мой...

— Ма-ма-ма, почему ты не радуешься? Почему слёзки в твоих глазах?

Мама проходит мимо и зовёт меня:

— Сашенька, сыночек... Где ты? — играет в прятки мама. Она почему-то плачет.

Мама ставит полное ведро на краю поля и уходит всё дальше и дальше.

— Ма-ма-ма, я здесь, я очень хорошо спрятался! — смеюсь я.

Я просыпаюсь и смеюсь.

Улыбаюсь травинкам, что так заботливо спрятали меня от злобного волка. Улыбаюсь птичкам, они опять прилетели кормить своих деток.

— Ля-ля-ли! — улыбаюсь я маме.

Она бежит ко мне и почему-то плачет.

— Сашенька, сыночек, нашёлся!

Мама берёт меня на руки и много-много раз целует.

— Мамочка, милая, я так тебя люблю!

Большое ведро наполнено спелой клубникой.

— Ля-ля-ли! — смеюсь я.

Мама вытирает слёзы и смеётся мне в ответ.

Бука

В деревне, где папа и мама учились в школе мастеров маслоделия, мы жили у деда Вани и бабы Марины на квартире.

Я был спокойным и покладистым ребёнком. Мог, конечно, побегать по дому, гоняясь за котёнком и топая на весь дом.

Иногда бабушка днём спала, и деда Ваня говорил подходящую для таких случаев фразу:

— Баба Марина отдыхает. Не разбуди её, а то Бука придёт и заберёт тебя!

Я затихал и принимался складывать из кубиков домики и машинки.

— Кто такой Бука? — спросил я однажды.

Из замысловатого ответа деда я понял лишь то, что Бука — это страшное чудище.

Той ночью я видел Буку. Это был, конечно же, сон. Но во сне я этого не понимал. Я знал только то, что его нужно опасаться. Это было странное тёмно-коричневое существо чуть больше меня ростом, напоминающее плюшевого цыплёнка. Его жёлтый клюв раскрывался и закрывался, словно Бука очень хотел пить.

Мне должно было Буку бояться, как учил дед. Но мне было его очень жалко.

— Деда, можно взять тетрадку, полисовать?

— Вот эти листочки бери, рисуй. А это баб-Маринина тетрадка. Бабину тетрадку не трогай, а то Бука придёт и заберёт тебя!

— Деда, мне жалко Буку.

— Жалко? Мне тоже его жалко: он устаёт, у него много-много работы — непослушных детишек целыми днями таскать.

— Нет, деда, он такой несчастный, и у него такие грустные глаза, — это, конечно, было сказано совсем другими словами — словами

двухлетнего ребёнка. Но смысл был примерно такой: — Ему очень тоскливо и одиноко.

В глазах у дедушки засветись крупные светлые капли. Он взял меня на руки, достал из шкафа целый альбом и усадил меня за стол.

— Что ты будешь рисовать?

— Буку.

Я нарисовал Буку-цыплёнка. Чтобы Буке не было грустно, я нарисовал ему цветочки и солнышко.

Дедушка подошёл и показал на синее пятно вверху листка:

— Вот, оказывается, какой Бука...

— Это не Бука, это облачко. А Бука — вот, — и я указал дедушке на цыплёнка, что развалился под жёлтой ромашкой.

Волшебные слова

Трактор вспахал землю в огороде и поехал дальше по улице, тарахтя на всю деревню и пуская синеватый дымок.

Деда Ваня уже делал грядки, аккуратно прокапывая между ними дорожки.

Я тоже делал игрушечной лопаткой совсем маленькую грядочку.

В огород зашел важный огненно-рыжий

петух и, увидев грандиозные изменения в огороде, стал громко звать своих подруг.

Куры не заставили себя долго ждать, и уже в следующий миг рылись в свежевспаханной земле.

Я оставил свою грядочку и с интересом стал наблюдать за петушиным семейством.

Дед легко воткнул лопату в землю на полный штык и, глядя на куриц, весело сказал:

— Петушок-дурачок, курочка-дурочка, — и сыпнул им из кармана горсть семечек.

Петух-добытчик с важным видом пришёл разобраться в ситуации. Он сделал вид, что семечки — это его произведение, и стал созывать куриц на пир.

— Петушок-дурачок, курочка-дурочка, — ещё раз сказал дед.

Я тоже бросил на землю горсточку семечек.

— Петусок-увасёк, куваська-уваська, — повторил я за дедом, и передо мною словно волшебный мир открылся от звучания необычных слов.

Петух звал куриц и великодушно угощал их семечками, убеждая пеструшек, что на этой земле без него ничего не появляется.

Я ещё раз сказал:

— Петусок-увасёк, куваська-уваська.

Какой-то необычайный восторг, неведомый мне раньше, наполнял меня каждый раз, когда я говорил волшебные слова: “Петусок-увасёк, куваська-уваська”.

Я побоялся слишком часто повторять магическую фразу, открывающую целый мир, и принялся дальше делать свою грядочку.

С тех пор каждый раз, предвкушая неведомое раньше блаженство, я выходил во двор, подходил к купающимся в пыли курам и говорил:

— Петусок-увасёк, куваська-уваська.

Мир снова становился сказочным, солнышко светило по-праздничному, и курочки были райскими птицами.

Через неделю я вышел во двор. Глядя на куриц, я сказал:

— Петусок-увасёк, куваська-уваська.

Ничего не произошло: не кудахтали райские птицы, не было неопишуемого восторга. Мир остался таким же, каким и был всегда, от начала моего века. Я ещё раз повторил:

— Петусок-увасёк, куваська-уваська.

И снова — полное равнодушие. Наверное,

я что-то забыл, не те слова говорю.

— Петусок-увасёк, куvasька-уваська.
Петусок-увасёк, куvasька-уваська!

Петух грозно заругался на проснувшуюся собаку.

Куры продолжали деловито рыться в мусоре.

А что-то невозвратно позабыл... Я почему-то не мог вспомнить тех волшебных слов, от которых мир становился иным.

Откуда появились люди

Наверное, люди были всегда. Наш дом тоже всегда был. Но раньше мы жили в деревне Вдовино. Потом приехали в нашу деревню.

Напротив нашего дома — школа мастеров маслоделия, где учатся мои папа и мама. Перед домом большая площадь. Она совсем не такая большая, красивая и многолюдная, как площадь в Новосибирске. На площади перед нашим домом просто земля и трава. Свинья с маленькими поросятами любит гулять по площади и отдыхать на зелёной травке. Курица вышла с цыплятами покопаться в земле. Цыплятки коричневые, с желтыми и чёрны-

ми пятнами, маленькие, несколько дней назад их совсем даже не было на белом свете. Были обычные цыплячьи яйца, из которых жарят глазунью. Курицы раньше тоже не было. Она вылупилась из большого куриного яйца.

И людей не было. Была только наша деревня, Новосибирск, школа мастеров маслоделия, наш дом и площадь перед домом. На площади лежали огромные яйца, каких даже на свете не бывает.

Я сидел в яйце — да-да, я хорошо помню, потому что сегодня я видел это на самом деле, когда вчера лёг в свою кроватку. Я сидел в яйце, а когда надоело сидеть, разбил скорлупу маленьким детским топориком — в яйце был только топорик, и скорлупу разбить было больше нечем. Так я оказался на улице.

На площади перед нашим домом было много-премного огромных яиц, каких теперь больше не бывает. Я разбил первое яйцо. Оттуда вышел папа. Мы подошли ко второму яйцу, и я разбил его. Из скорлупы показалась мама. Папа и мама взяли большие взрослые топоры, и мы втроём стали разбивать остальные яйца. Из яиц выходили люди: деда Ваня, баба Марина, моя баба Валя, соседская девоч-

ка Танечка. Все соседи, и вообще все-все на свете дяденьки, тётеньки и дети. Так на земле появились люди.

Первый человек на Луне

Мне купили настоящую звонкую гармошку. Я вышел на улицу, чтобы поиграть для моей подружки, соседской девочки Танечки, на которой я обязательно женюсь, как только стану большим.

Я повсю играл на моей новой гармонии, а Танечка пела:

*Я сидела на Луне,
Чистила картошку.
А Гагарин прилетел,
Растянул гармошку.*

Мне эта песенка очень понравилась. И одновременно не понравилась. Потому что я видел Танечку, непостижимым образом сидящую на Луне с ножом перед ведром картошки. Потом подбегал мальчишка-хулиган по имени Гагарин, брал гармонь и растягивал её. Растянуть гармошку — это примерно то же, что растянуть связки. Или так натянуть пружину, что она перестаёт закрывать калитку.

Но главным в частушке было то, что я видел на Луне соседскую девочку в любимом синем сарафанчике. Я хотел защитить её от противного Гагарина. Мама рассказывала, будто Гагарин — первый человек, который летал на Луну. Нет, Танечка первая! Разве непонятно: она уже чистила там картошку, когда прилетел этот противный Гагарин...

Сердце

Мы идём по обрывистому берегу реки.

— Папа, а где он?

— Кто, сыночек?

— Странный зверь. Он бежит, я слышал...

Папа показывает на пасущихся коров. Но я вижу, что коровы неспешно идут по заливному лугу за рекой и пощипывают траву. Иногда они мычат.

А тот — зверь... Он бежит над рекою, по самому краю обрыва. Его странные прыжки я слышу каждый раз, когда ложусь спать, когда умолкает радио и всё затихает до утра. Странный зверь, похожий на стройного сказочного коня, скачет и скачет над рекою в неведомые дали: тук-тук, тук-тук, тук-тук...

Но папа видит только коров, слышит звон-

кие колокольчики на их шее.

Может, этот зверь сейчас отдыхает или спокойно вместе с коровами щиплет травку на весёлом лугу?

Но знаю: вечером, когда окажусь к своей кровати, лишь погаснет свет, и комната погрузится в покой и темноту, я снова буду слушать родной негромкий топот странного зверя. Он опять будет прыгать, словно стреноженный жеребец, над крутым речным обрывом.

Куда он спешит? В Новосибирск, где на церковном дворе ручные голуби, где волшебные магазины с игрушечными зверятами на каждой полке, на рынке продают апельсины и вкусные орешки, а обезьян в зоопарке больше, чем в жаркой Африке? Может, напротив, зверь через комариную тайгу бежит к самому северному морю? А вдруг он несёт на себе Ивана-Царевича к Василисе Прекрасной или помогает ему убежать от злого волка? Тук-тук, тук-тук...

— Ус-пей, ус-пей... хоть-бы ус-пел... — вторил я перестуку копыт.

Я засыпаю под неровный, странный перестук. Мне снятся ледяные острова: мой зверь

бежит на Северный полюс. Как я не догадался сразу: он спешит к Деду Морозу! Чтобы представить ему свою могучую спину, запрячась в новогодние сани, понестись бешеным галопом в нашу деревню и сделать счастливыми всех-всех людей. И становятся родными речка, с пасущимися на лугах коровами, обрывистый берег, маленькая деревня и далёкая ледяная пустыня.

Утром я хранил необычайную тайну. Только поделился по секрету своим открытием с соседской девочкой, чтобы не плакала.

Танюшка сразу успокоилась. А на следующее утро открыла мне свою тайну: она слышала, как похожий на оленя странный зверь, запряжённый в карету, скачет над берегом реки и везёт Деда Мороза в нашу деревню.

Вечером я вновь слышу странного зверя. Он скачет по обрывистому берегу, бьёт копытами, несёт меня и соседскую девочку в синем ситцевом платье на край света. И я рад, что Танечка сейчас лежит в своей кроватке и вместе со мною мчится в неведомые дали.

Кто создал крапиву?

Ах, опять эта крапива!

Я потираю покрасневшие ноги и ругаюсь: "Противная крапива! Как тебе не надоест каждый раз жалить меня!" Я беру прутик и хочу наказать обидчицу, но вместо этого бегу в дом, чтобы спросить, откуда взялась эта нехорошая крапива.

Дома чисто, светло, и пахнет свежесваренным вареньем. Мамина сестра Наташа "по памяти" читает стихотворение.

Я останавливаюсь на пороге и внимательно слушаю, как она с выражением декламирует красивые и торжественные слова. Не понимаю лишь, кто такой Ленин, о котором сложено такое величественное стихотворение.

— Натаса, кто такой Ленин?

— Это самый великий в мире человек. Он всё создал — школы, детские садики, заводы, больницы.

Детская логика непосредственна. Всё, это значит — ВСЁ!

— Новосибирск тоже он создал?

— Да, конечно он.

— А Коченёво?

— Тоже он.

— И наш маслозавод он создал?

— Да.

— А наш дом?

От наивного вопроса четырёхлетнего ребёнка отступить некуда, и Наташа подтверждает:

— И наш дом тоже.

Наташа с благоговением продолжает читать стихотворение о Ленине. Но я не понимаю её восторга. У меня зудит вся нога, и теперь я точно знаю, кто ответствен за нанесённую мне неприятность.

Во дворе я подхожу к обидчице-крапиве и говорю ей:

— Ты, конечно, самая противная. Но самый-прресамый пррротивный — Ленин! Зачем он тебя создал?!

С тех пор каждый раз, обжигаясь о крапиву во дворе, я самыми недобрыми словами, какие только слышал на улице от мужиков, поминал Ленина.

Через месяц к нам приезжает бабушка. В первый же день я много раз слышу от неё слово “Бог”. Я, конечно же, спрашиваю:

— Баба Валя. Кто такой Бог?

— Бог всё-всё на свете сотворил.

— Значит, драчунов тоже сотворил? —
потирая укушенную противным соседским
мальчишкой руку, уточняю я.

— Дерутся и делают плохие поступки
люди, которые не слушают Бога.

Но один вопрос не даёт мне покоя уже це-
лый месяц:

— Баба, зачем Ленин крапиву создал?

Бесконечность

Маленький философ — это я.

Потому что я однажды понял, что такое бесконечность.

Но это было позже, когда мне исполнилось целых четыре года и я стал большим!

Сначала я просто обследовал наш новый однокомнатный домик, маленький досчатый сарай с дровами и двор, огороженный гладко оструганными штакетинами. Из нашего двора была видна бескрайняя степь с мелкой пожухлой травкой и душистой сизой полынью.

Потом я узнал, что есть работа папы и мамы — маслозавод. Куда молоковозы из неизведанных далей привозят молоко, потому что маленькая деревенька с родным названием Целинное — не просто родной дом. Это центр мироздания!

Наш дом был на самом краю деревни, рядом с дорогой, что вела в районный центр. Райцентр был на конце стрелы, что называется странным словом тракт — как трактор.

Сам райцентр в моей маленькой памяти, в моём крошечном представлении был даже меньше нашей деревеньки.

Раньше мы жили в большом районном посёлке, иногда приезжали даже в Новосибирск. Но это было там, на краю времени и мироздания, куда мы иногда выпрыгивали из своего уютного мира.

Реальнее была степь — с полынью, степной травой и ровным-ровным далёким горизонтом. Я смотрел на эту далёкую-ровную линию, откуда появлялось солнце, куда оно снова уходило с удивительным постоянством. И думал: хитрое Солнышко... в какую сторону покатится оно в этот раз: вправо или налево, чтобы утром вынырнуть с противоположной стороны?

Мамина сестра пятиклассница Наташа говорила, что линия между небом и землёй всегда отступает, когда к ней начнёшь приближаться.

— Куда? — спросил я.

— В бесконечность!

— В бесконечность?

Но папа садил меня на свои могучие плечи — горизонт раздвигался, отдалялся, и это не было чудом. Просто, так должно быть всегда, как утром солнцу всходить с противоположной стороны. Чудом было то, что я прижи-

мался к родному человеку.

Но в четыре года я вдруг осознал величие бесконечности.

Я никогда не думал о том, какова бесконечность вглубь — под землю. С линией горизонта тоже всё просто: степь да степь, потом Коченёво, железная дорога, Новосибирск, Обь с мостом, по которому ездят маленькие игрушечные паровозики, Речкуновка, светлый сосновый бор, Колывань. К горизонту можно руку протянуть, дойти. Если не идти, то доехать на пыльном грузовике...

Но если вверх: выше птиц, выше серебряных гудючих самолётиков, над облаками, за звёздами, ещё дальше, и ещё... А что выше будет? Где край мироздания? Да вот же он!

И я воображением устремлялся высоко-высоко в небо и трогал рукою край мироздания, то шершавый, то гладкий. Иногда он был туманно-неопределённым, порой тревожным, до замирания сердца.

Я непременно брал в свои маленькие ручки детский топорик и начинал стучать, сначала легонько, потом всё смелее, пробивая брешь в границе Вселенной. Это получалось удивительно легко, и я с любопытством смо-

трел, что же там, дальше, за гранью бесконечности... И, обомлев от жути, видел там такое же огромное пространство. Я азартно летел со скоростью мысли дальше в надежде узнать, что будет за новым краем бесконечности. Летел с головокружительной сверхсветовой скоростью и достигал, наконец, окончательного края. Я с благоговением прикасался к нему, наслаждался его плотной упругостью и уже проверенным движением пробивал маленьким топориком новую брешь в стене! Неужто будет ещё стена?! Я пробью её, и увижу, наконец то, что лежит за пределами пространства, разума, мироздания, бесконечности и вообще постижимого. Но вот с громадной скоростью приближается новая стена — всего полметра толщиной, я уже совсем легко её миную. И всплеск звёздного пространства с огромной скоростью заполняет наш маленький домик...

Я лежал в своей детской кроватке, прятался под ватным одеялом от холодка космической жути и ужасался величию бесконечности.

Через много лет я узнаю, что кто-то назвал эту бесконечность дурной.

Но для меня она была родной, как дерев-

ня Целинное с нашим маленьким домиком в центре вселенной. В своей безграничности деревенька так походила на родную степь с душистой полынью, которую греет хитрое Солнышко, на бескрайние просторы с вечно убегającym горизонтом. И я, прорываясь сквозь любые преграды, устремлялся всё дальше на поиски бесконечности бесконечности. И она мне вновь открывалась, стоило лишь потрогать непостижную шершавую грань, стукнуть по ней детским топориком и выглянуть в образовавшуюся брешь.

Людмила Гришка

Монолог электрического чайника

— Опять холодную из-под крана налили, — шипел электрический чайник, стоя на кухонном столе. — Вот и крути теперь педали, нагоняй температуру! Что за люди? Неужели не понятно, ведь, когда заливаешь отстоявшуюся воду комнатной температуры, она и вкуснее, и закипает быстрее, меньше электричества требуется, а стало быть, и мне работы поменьше, а то пока закипишь — сто потов прольешь. А уж кипеть-то мне приходится всю жизнь, такая вот она у меня — горячая. Хозяева мои совсем не экономные. Семья у них большая, и каждый, когда захочет, тогда и включает меня. Вот у моего соседа — Термоса жизнь намного легче. Стоит себе рядом со мной, ни одного звука не издаст. Безмолвный он. Налиют в него, бывало, кипяток из меня, заткнут пробкой, и всё. Стоит неделю, и никто к нему даже не прикоснется, а как захотят чаю или кофе попить, так опять меня врубают. И что я заметил, это же просто издевательство,

никакой гарантии не хватит! Чтобы налить чашку кипятка, в меня заливают два литра холодной воды! И снова я начинаю педаль ток, сначала тихо шипя, потом посвистывая, и, уж под конец, перехожу на вулканическое клокотание. Сколько труда, какая нагрузка!!! А этот потребитель – Термос, живет своей тихой жизнью, греясь за мой счет. Иногда это так обидно, что тебя только потребляют, не замечая, что у всего есть своя душа, и ей так хочется порой бережного отношения, ласки, и доброго участия.

Забываясь об окружающих вещах, людях, животных, природе, ты можешь получить вознаграждение в качестве сэкономленной энергии, которую потратишь на что-то другое, может быть, более полезное, а среди лю-

дей — отдачу внимания и любви к себе в многократном размере...

Но это только моё мнение – кухонного электрического чайника.

Митька

Осенние погожие дни торопили деревню с последними штрихами подготовки к зиме. Заготовлены уже дрова и уголь, вычищены огороды от убранных урожая, укрыты в палисадах многолетние кусты роз. По народным поверьям, зима обещает быть холодной, если к Покрову лист с березы не опадет. Присев отдохнуть от трудов своих на лавочку, возле куста акации, я заметила, как на него уселась синичка. Она звонко лила свою песню, состоящую из трех «птичьих слов»: «Мить-мить-мить».

— Привет, Митька, — отвечала я ей на приветствие. Митька ещё чирикнула и улетела. Через несколько минут на ветках была уже целая стая, и начался птичий концерт. Я заметила: странно, что на Митькин зов прилетали не синицы, а воробьи. Выходит, что она у них была зазывалой, а может, командиром. Я разговаривала с моими пернатыми друзьями, а они, улавливая мой радостный добродушный настрой, доверительно подлетали всё ближе и ближе. Скоро птички стали слетать с веток и безбоязненно прогуливаться у

моих ног. Я сыпала им зерно прямо на землю, и наблюдала за спешным поклёвыванием корма и их суетой. Сытые пичуги дружно хлопали крыльями, поднимались на ветки и, прочирикав птичье «спасибо», улетали, оставив меня в философском раздумье: «Как прекрасно, что мы под одним небом живём».

Здравствуй, Усатый!

Сентябрь заканчивался новолунием, и в это время начались холодные, продолжительные дожди. В старину говорили: «Месяц молодой дождем умоется — весь месяц лить будет», именно это он и делал, беспрерывно стуча по крышам, радуясь наступившей для него поре. И ему было всё равно, растёт луна, или убывает. Передохнув короткое время, он опять принимался мочить ещё не опавшую листву на деревьях и мутить местные речки грязными потоками.

Мать дождя — осень, позволяла своему любимцу некоторые вольности, давая ему время, вдоволь нарезать в своей стихии.

Деревья, окрашенные разноцветной листвой, блестели глянцем от обилия прозрач-

ных капель, и было непонятно — радовались они этой мойке или грустили от неё.

Одно было заметно – грустили от хмурой, мокрой погоды больше других, птицы. Прятавшись, кто в какие укрытия, они изредка взлетали на кусты рябины и жадно, наспех, насыщались сладкими ягодами, готовясь к долгому перелёту в тёплые края.

Ветер усердно трудился, гоня тёмные тучи за горизонт, очищая небо и давая возможность листьям отряхнуть лишнюю, тяжёлую влагу, а птицам, хоть ненадолго, расправить намокшие крылья. Солнце, довольное работой ветра, протягивало тёплые руки к земле. Оно мимолётно заглядывало в окна домов и приносило радость всему живому.

Я тоже восхищалась ослепительным светом, залившим окно, любуясь осенними пейзажами. Мгновенный сильный стук прервал мои лирические раздумья. На обратной стороне стекла прилип мелкий пух. Догадавшись, что это ударилась птица, я быстро убежала на улицу.

Там, на кресле открытой веранды, куда выходило большое окно, лежала лапками вверх пичуга. Она была жива. Тяжело дышала, мед-

ленно открывая и закрывая клюв, поднимая и опуская тяжёлые веки. Птица была крупная и очень красивая, размером с кукушку. Взяв её в руки, я узнала дрозда-рябинника. Соскучившийся по солнышку за прошедшую ненастную неделю, он принял картину, отразившуюся в окне, за действительность и, радостно летя навстречу теплу, со всего лёту ударился о стекло.

Сидевший на перилах веранды кот, пользуясь случаем, грел спинку под горячими лучами. Спросонья, открыв глаза, он не сразу понял, что произошло, а когда понял, то птаха была уже у меня в руках. Он начал вертеться у ног, принюхиваться, приподнимаясь на задних лапах и, с блеском в глазах, громко мяукать, давая понять, что эта добыча ему нужнее.

Держа потерпевшего дрозда в одной руке, я другой взяла возбужденного мурлыку и забросила его в дом, закрыв дверь.

Завёрнутая в теплый шарф птица, согрелась от тепла моих рук и совсем не думала улетать. Я держала ее, как ребёнка, прижимая к груди, и ждала, когда дрозд очнётся от шока. Осторожно поглаживая больного по головке,

приговаривала ему, что всё будет хорошо, что он поправится и обязательно полетит. Под ласковые уговоры мой нечаянный гость уснул и, пока он спал, я с интересом разглядывала его красоту: крупный клюв, чёрно-белое оперенье, коричневая головка, пёрышки на которой были уложены так, что ему могли позавидовать самые модные парикмахеры-стилисты. И что меня особенно удивило – у основания клюва этой птицы были настоящие усы!

С умилением любуясь этим красавцем, я осторожно дотронулась пальцем до его усиков.

Мой питомец, открыв глазки-смородинки, продолжал тихо лежать, теперь уже рассматривая меня.

Я положила его на кресло, укутав теплее, и ушла в дом. Через некоторое время, решив проведать моего больного «летчика», вышла на веранду. Он уже освободился от шарфа и крепко стоял на лапках, вертя головой в разные стороны.

«Что, Усатый, ожил?» – спросила я, и мне показалось, что мой пернатый друг улыбнулся, как бы это могла сделать птица. Он весело вспорхнул на рябину и принялся азартно

клевать алые ягоды. Аппетит появился, значит, будем жить!

...И снова весна кружила стаями птиц, прилетевших к родному месту. Весёлый щебет и чирикание смешались с шумом проснувшейся реки. Солнце купало их в лучах, всё звенело, шумело и играло по нотам наступающей жизни. И вот в один из таких ярких дней я увидела птицу, разгуливающую по карнизу моего окна, любопытно заглядывая в него.

«Дрозд, ты вернулся! – узнала я своего друга. — Ну, здравствуй, Усатый! Спасибо тебе, что помнишь. Спасибо за то, что живёшь!»

Пень

Это случилось во время весеннего паводка на Алтае. Вода, поднявшаяся в реке, выйдя из берегов, затопила всё прибрежное пространство так, что подходившая к дому дорога тоже была скрыта, подобраться к нему можно было только на лодке.

Благо, дождей не было, и вода стала постепенно уходить, открывая взору печальные виды.

Вся придомовая территория была в страш-

ном беспорядке: наносы, завалившие некогда живописный уголок, превратили его в чудовищный хаос. Деревья, принесённые с верховьев реки, торчали вверх корнями и образовывали горы деревянно-каменистого мусора. Молодые ели, распрямляясь, освобождали свои раскидистые лапы от ила и песка. Ветер старался просушивать накопившуюся влагу, разгоняя над лесом стойкий запах плесени. Спустя пару недель хорошей солнечной погоды, всё стало приходить в норму: зазеленело, зацвело в лад с наступившим летом.

Но в стройность этой июньской красоты не вписывался принесённый паводком огромный пихтовый пенёк, который застрял между двух ёлок. Проходя мимо него, нельзя было не увидеть ту безысходность, в которой он оказался. Пень пострадал дважды. Первый раз, когда было спилено дерево, и второй, когда вода подмыла его корни, вырвав из земли и отправив в свободное плавание. Корни его расплзлись по поверхности, и он был похож на огромного осьминога, выброшенного волной на берег.

— Так вот ты какой, мой последний причал, — подумал Пень, — ну что ж, всё к луч-

шему! В земле я бы быстро сгнил, превратившись в труху, а так у меня ещё есть шанс пожить какое-то время.

Просушенный солнцем и ветром, он смирился со своим существованием и стал потихоньку обживать на новом месте.

Пень подружился с соседями: двумя ёлками, укрывавшими его от дождя, с кустами малины, сплошной стеной закрывавшими вид на реку, со жгучей крапивой, жалившей всех, кто пытался приблизиться к нему. Он приютил под одним из своих корней кучку муравьёв, а рядом весёлый бурундук нашёл себе пристанище. Частыми гостями у Пня были дрозды, развлекая его звонким пением. Принося свежие лесные новости, прилетала сорока. А недавно возле одной из ёлок поселился молодой хмель. Он до самой верхушки обвил свою избранницу цепкими лианами и к осени украсил её множеством шишек.

Пень, наблюдавший со стороны за их дружбой, даже немного завидовал им. Он был большим романтиком и мечтал, чтобы в его окружении появился хотя бы один красивый цветок. Но ревнивая крапива не подпускала к нему никого. Ведь всем известно — там, где

крапива, цветы не растут.

Больше всего Пень боялся быть распиленным на дрова, когда шла уборка территории от паводка. Хозяин подходил к нему и озвучивал то, от чего у Пня душа уходила «в пятки», мол, он здесь ни к чему, нарушает красоту газона, и возле его корней неудобно скашивать траву. Звук газонокосилки Пень ненавидел так же, как и треск рабочей бензопилы.

В этот день опасения были напрасными, его не распилили. Уставший от дневных страхов, с наступлением ночи Пень уснул. Ему снился один и тот же сон, где он пребывал в компании прекрасных кружевных цветов, вдыхал их чудные ароматы, но с первыми бликами расвета он снова оказывался в обществе жгучей Крапивы и колючей Малины. Утром Пень заметил суету возле дома. По дороге то и дело проезжали легковые и грузовые машины, причём грузовые были загружены домашними вещами. Он терялся в догадках, пока прилетевшая сорока не внесла ясность, сообщив новость, что дом продали, и теперь в нём будут жить новосёлы. Пень облегчённо вздохнул, оттого, что остался не распиленным, и погрузился в тревожные мысли: какие они

будут, новые хозяева?

Однажды во время сбора малины к нему подошла молодая женщина. Она с интересом разглядывала Пень со всех сторон и вдруг сказала:

— Ох, ты какой красавец! Что же ты притаился здесь, в крапиве? — Она ещё постояла, позаглядывала вокруг и произнесла:

— Я знаю, что надо с тобой сделать!

Когда хозяйка удалилась, Пень смущённо улыбнулся. Впервые за всё время, когда он стал пнём, им кто-то восхитился. Вскоре пошли осенние дожди, на смену им — белая снежная зима.

Пень, укрытый еловыми лапами и усыпанный лиственным одеялом, благополучно перезимовал под толстым снежным покровом.

Разбуженный весенним солнышком, он с интересом разглядывал пространство, здороваясь с каждым новым ростком. И вдруг он увидел, что прямо к нему направляются хозяева, и последнее, что он запомнил, был звук заведённой бензопилы...

Очнулся бедный Пень, когда хозяйка посыпала его землей.

— Что это было? Я ещё жив! Меня не рас-

пилили», — радостно отметил он, любуясь своими шикарными корнями.

Суета возле Пня продолжалась: стучали молотки, жужжали электроинструменты, вокруг были расставлены ящики с зелёными ростками, тазы с землёй и лейки с водой. Работа кипела! В середине пня вырезали углубление, заполнили его садовым грунтом и высадили крепкую рассаду цветов. Корни покрыли аэрозолями, предохраняя от разрушения. Напротив Пня соорудили резную деревянную скамейку, от которой пахло недавно нанесённым лаком.

Оставшись наедине с собой, Пень пребывал в изумленном состоянии, привыкая к новому качеству клумбы, которую по утрам хозяйка поливала из лейки.

Лето с каждым днём набирало свой разгар. Ранним утром, пробудившись рассветными лучами, Пень увидел себя окружённым целым морем прекрасных цветов.

— Я не проснулся, — подумал он, но прилетевшая сорока подтвердила, что это не сон.

— Ты посмотри-ка, какая красота! — каркнула она. — Жаль только, что присесть мне негде.

А сама уже облюбовала одну из веток на ёлке: «Ну, ладно, полечу, расскажу всем, как ты расцвёл!»

И она, взмахнув крыльями, с криком полетела над прибрежным лесом.

Пень не мог поверить в то, что с ним произошло. Что он снова обрёл смысл в жизни, и она у него продолжалась, яркая и желанная, такая, о которой мечтал. Теперь он красовался, увенчанный цветочной шевелюрой, среди чисто выкошенного газона.

Много гостей стали приходить и фотографироваться у шикарной клумбы, а Пень, чувствуя свою значимость, думал: «Как прекрасна жизнь!»

Ему хотелось на весь свет закричать: «Верьте в мечту, и она обязательно сбудется!»

Пень был счастлив. А счастьем у нас издавна принято делиться.

Сугроб

Весна потихоньку наступала «на хвост» зиме. Первые мартовские деньки выдались, на удивление, ласковыми и тёплыми. Люди, уставшие от зимней стужи, радовались появлению солнца, капли и прибавляющемуся дню. Их лица светились улыбками, каждый стремился поскорее выйти из дома, встретиться с друзьями, любимыми, прохожими и просто радоваться весёлому приходу долгожданной красавицы.

Не разделял общего настроения только один большой Сугроб, который притулился у высокого забора и почернел от надвигающейся на него безысходности. От обилия солнечных лучей ему совершенно негде было спрятаться, так как забор, у которого он обосновался, был отлит из чугуна и имел ажурный рисунок, сквозь который горячие лучи грели бока Сугроба с утра до вечера. Бедный сугроб, потеряв своё бывшее снежно-белое величие, таял с каждой минутой. Он расплющился, обесформился, покрылся кружевной, ледяной корочкой, блестящей на солнце.

«Ну, вот и всё, — подумал Сугроб. — Жизнь кончилась. Как же быстро всё прошло!»

И он вспомнил своё золотое время, когда был высоким, упругим и белоснежным. Соседские ребяташки устроили из него горку, сколько радости было тогда у них! Куда всё ушло? Кто виноват? Он хотел было во всём обвинить Весну, но видя счастливые лица людей, подумал, что ничего, наверное, не бывает зря. Значит так и должно быть!

Старый Сугроб плакал. Его слёзы каплями стекали на тротуар, сливаясь в единый поток. Он грустно, исподлобья смотрел в след вытекающему из-под него ручейку. Добрый серый Сугроб и не знал, что растаяв, он не закончит своё существование. Что жизнь его продолжится в зеленой травинке, которая пробьётся к свету с наступлением тепла, в прекрасной ромашке, цветущей всё лето, чаруя своей красотой, и в каплях росы на лесных полянах.

А солнце продолжало неистово поливать Сугроб потоком обжигающих лучей. Он с каждым днём становился всё меньше и меньше в своих размерах, тая и напитывая собой землю, чтобы жизнь на ней никогда не кончалась.

Шестнадцать

— Цып-цып-цып! — приговаривала баба Люба, разбрасывая зёрна и подзывая к себе курочек. Несушки со всех ног бежали к своей кормилице и, как молоточками, стучали клювами, жадно склевывая корм.

— Раз, два, три, четыре, пять, — пересчитывала их бабушка и, недосчитавшись одной, начинала пересчитывать снова.

— Дед, курицы одной не хватает, — крикнула она мужу, — надо поискать, может, забежала куда.

— Хорошо, — ответил дед, — сейчас схожу, за оградой погляжу.

— Деда, я с тобой, — сказал внучок Эдик и выбежал за калитку. Вдвоём они обошли все закутки вокруг дома: смотрели в зарослях крапивы, заглядывали в загоны к соседям, даже за дорогу сбегали, но курица как сквозь землю провалилась. Домой они вернулись ни с чем, и бабушка встретила своих мужчин с большой печалью. Обговорив пропажу курицы, решили, что её разорвали бродячие собаки. Бабушка ещё несколько дней заглядыва-

ла по углам двора, в надежде, что найдется её хохлатка, но все поиски были тщетными.

С того момента прошло больше месяца. Лето стояло жаркое, днём даже в тени было больше тридцати градусов. Курочки бабушкины хорошо неслись, чем радовали стариков и внучат. Каждое утро баба Люба доставала из гнёздышка четыре-пять беленьких яичек, делала внукам свежую яичницу, «глядящую» крупными жёлтыми «глазами», приглашая к завтраку. После вкусной еды, дети с дедом ходили на лужок, косили зелёную травку и приносили в загон потчевать ею курочек. «Для того, чтобы желток в яйце был ярким», — поясняла бабушка внучатам.

Как-то утром кормить куриц вышел дед.

— Цып-цып-цып, — подзывал он их, по привычке пересчитывая. И вдруг, из-под сложенных в штабеля досок, на зов вышла их пропавшая курица, а вслед за ней, еле держась на тонюсеньких лапках, ковылял маленький жёлтый комочек.

— Вот так новость! — воскликнул дед, обрадовавшись находке с приплодом. — Бабка, принимай пополнение!

Выбежав из дома, баба Люба взяла цыплён-

ка на руки, согревая его в ладонях. Тот пищал так громко, что мать-курица, забыв про еду, побежала к своему убежищу. Дед с бабушкой поспешили за ней, и каково же было их изумление, когда они увидели под дровами гнездо, а в нём ещё девять цыплят. Отгородили им «комнату» в загоне, и там мама-курица жила со своим семейством, пока малыши помещались у неё под крылом. Так она согревала их своим теплом, и цыплята росли быстро, а вскоре они стали жить в общем дворе. Теперь, вместе со всеми курицами, их стало шестнадцать, и пересчитывать их бабушке было трудно, но ей помогали умные внуки.

ЗАПАДНЯ

Весь январь на Алтае бушевала метель, заметая снегами всё вокруг. Дома стояли занесенные по крышу: ни окон, ни дверей видно не было, только печные трубы сиротливо чернели из белых сугробов.

Целый день Макарыч отгребал снег, освобождая входную дверь в дом. Уже был прорыт целый туннель и вырезаны ступеньки, ведущие наверх, на занесенную улицу. Никакая техника не могла справиться с таким обилием осадков, поэтому люди ходили, натаптывая тропинки, наравне с заборами. Сидишь у окна, смотришь, а мимо него проходят чьи-нибудь ноги, а человека не видно, потому что окно тоже завалено снегом, только верхняя его часть оттаивала днем от кухонного тепла, открывая узкую полоску дневного света.

Макарыч занес охапку березовых дров и стал растапливать печь. Кот Зольщик сидел рядом и с интересом наблюдал, как его хозяин чистил золу из поддувала. За этот свой интерес кот и получил кличку — «Зольщик», хотя по масти он не совсем соответствовал этому прозвищу. Шубка у него была белая с серыми

пятнами, пушистая и мягкая, а глаза голубые, как весеннее небо.

Вдруг, кот весь напрягся, стал прислушиваться, волоски на его ушах торчали, как антенны, и он побежал в комнату, где у окна стояла кровать деда. Запрыгнув на нее, Зольщик стал бить в стекло лапой, а Макарыч, видя волнение кота, тоже поднялся посмотреть, чем же его друг так встревожен.

— Что такое, котик, мышку учуял?

Но Зольщик громко мяукал и продолжал царапать окно. И тут дед Макарыч увидел за стеклом маленького воробышка. Он испуганно трепыхался в образовавшейся нише, между окном и сугробом, клювом он стучал по стеклу, призывая на помощь и еле-еле пищал. Выбраться из этой западни ему было невозможно, а как он там оказался, приходилось только догадываться.

Рядом с кухонным окном висела сделанная дедушкой кормушка, в которую он насыпал зерна для воробьев и мелко-нарезанные кусочки сала для синиц. Однако и кормушка эта тоже была занесена, а несчастного воробышка, видимо, ветром прибило к окну и тут же замело выход. Недолго поразмыслив, Ма-

карыч принял решение и, хотя дедушке шел девятый десяток, он оделся и вышел на улицу по свежевырезанным ступеням. До того места, где было окно, полз на животе, держа в руке саперную лопатку — трофей с армейской службы. Осторожно начал откапывать мокрый снег, стараясь не нарушить камеру, в которой находилась птица.

А метель не унималась ни на минуту, заметая деда, лежащего на сугробе. Его лицо и рукавицы были мокрыми, но спасатель продолжал барахтаться в мягком белом снегу. Наконец лопатка провалилась в пустоту и Макарыч, сняв рукавицу, начал рукою нащупывать маленького узника. Воробышек, почувствовав тепло руки спасителя, доверительно прыгнул ему на ладонь. Добравшись ползком до двери, дед снял с себя шапку, посадил в нее бедолагу и понес отогревать у горячей печки.

У Зольщика в этот момент алчно горели глаза, и он подпрыгивал возле деда, урча и мяукая. Но Макарыч, прочитав коту сначала хвалебную мораль за то, что обнаружил западню, а затем назидательную — что несчастная птичка — это не добыча, а друг, вышел во двор. Там, со двора был лаз на чердак, куда

Макарыч бережно поместил найденыша, не забыв при этом насыпать ему пшена и семечек.

Кот успокоился и смирно сидел у печки, глядя на мелькание ярких искорок.

— Вот такая она жизнь, брат, — сказал дед коту. Не знаешь, когда и где приготовит тебе западню. И хорошо, если найдется тот, кто в эту минуту протянет тебе свою теплую руку.

Барнаул

ЕГО ДОБЫЧА

Целую неделю Тимофей собирался на рыбалку, предвкушая дальнюю поездку на озеро. На настоящую мужскую рыбалку он ехал во второй раз. Первый его опыт рыбака был отмечен одобрением отцовских друзей. Дружным мужицким гиканьем была встречена каждая рыбка, попавшаяся на крючок Тимкиной удочки. Они подбадривали парня, хвалили и льстили, говоря, что этот новичок – рыбачек скоро всю рыбку со дна достанет. Тимка раздувался от похвалы, а его отец от гордости за сына. За свои десять лет Тимофею не раз приходилось стоять с удочкой у разных

небольших водоемов и рыбачить мальков, но сама поездка на «большую воду», как называл ее Тимкин отец, это было событие, к которому нужно серьезно готовиться. Для этого был приспособлен гараж. В нем они часами готовили удочки, сортировали и укладывали снасти: палатку, лодку и прочие рыбацкие вещи, а также готовили мешанку – прикорм для рыб. Она состояла из подсолнечного жмыха и вареной с маслом перловки – все это перемешивалось в больших ведрах и закрывалось крышками, чтобы смесь пропиталась ароматом масла. Рыбка любит ароматные запахи! Обязательно брали с собой банку консервированной кукурузы, на которую очень хорошо клевала сорожка – рыбка, которая в разных краях называется по-разному; она же – плотва и уклейка, а перед самым отъездом копали в навозной куче жирных, красных, полосатых червей.

Когда на небе ночные облака стали окрашиваться в розовый цвет от восходящего солнца, рыбаки уже сидели в машине, которая мчалась по дорогам Алтая, обласканная встречным утренним ветерком. Через три часа пути перед путешественниками распахнуло свои

объятия огромное озеро, отражающее в водной глади синее облачное небо. Солнце гуляло в нем, то оголяя горячие лучи, то пряча их в тугую мякоть облаков.

Разбив на берегу стан, отец с сыном пошли прикормить рыбу. Через несколько минут ожидания начался веселый клев. Тимофей чуть не визжал от радости и с каждой поклевкой кричал отцу:

— Пап, я опять поймал!

Он ловко научился снимать рыбу с крючка и насаживать червя. Труднее давалось закидывать поплавок подальше, но и с этим Тимка справлялся умело.

Солнце медленно поднималось все выше и выше. Вдоль берега, прямо над водой летали крикливые чайки и хохотали бакланы. Черные коршуны парили высоко, высматривая добычу. Именно от них заботливая утка-нырок прятала свой выводок из пяти утят в высоких камышах. Тимофей в очередной раз закинул удочку и, вскоре случилась сильная поклевка, поплавок сначала ушел под воду, затем плавно горизонтально лег. Тимка стал тянуть, но было тяжело.

— Не могу! — крикнул он отцу.

— Тяни, — ответил тот, — не бросай!

Тогда Тимка стал тихонько выводить трофей, чувствовалось, что на крючок попалась большая рыба. Но тут от рывка острие удочки взлетело вверх, а на леске дрожал здоровенный серебристый лещ.

Такой большой рыбины юный рыбак не ловил никогда. Леска раскачивалась над водой, в этот миг черный коршун стрелой пролетел над головой мальчишки и, в мгновение ока, сорвал рыбу с крючка. Только его и видали! Тима от отчаяния опустился на колени и, бросив удочку, заплакал. Отец подошел, поднял сына и сказал:

— Не плачь, это не потеря, сынок. Потеря бывает другой. Когда теряешь близких, когда предают друзья – вот это потеря, но даже от этого не стоит плакать. В твоей жизни еще будет много удач и рыбу свою, самую большую, ты обязательно поймаешь. И для этого у тебя есть разум, потому что ты – человек. Коршун же, бессознательное существо, поддающееся только природным инстинктам, и он не мог поступить иначе, это была его добыча!

Барнаул

Татьяна Чанчибаева

Лучший художник

Краля училась в восьмом классе, но выглядела старше своих одноклассников: рослая, с крупными чертами лица, симпатичная, волевая и властная, её слово становилось законом для всех ребят. Это была девочка, которая умела нравиться. Наверно, поэтому её и называли Кралей. Но совсем другой она являлась на уроках: тихая, даже кроткая, с застенчивой улыбкой, когда ошибалась в ответе. Всегда выполняла домашнее задание и числилась в «хорошистах» школы.

В начале декабря объявили конкурс рисунков на новогоднюю тему — «Лучший художник». Работы будут размещены на стенде в коридоре школы, а наградой станет сюрприз от Деда Мороза.

— Фигня какая-то! — шепнула Краля стоящей рядом Рите, скромной и немногословной девочке, с которой сидела за одной партой.

— Я в этом не участвую! — категорично заявила Краля. — А ты? Ты тоже не сдавай свой

рисунок, мы же подруги!

Обе девочки неплохо рисовали, но Рита была лучше: в её рисунках чувствовалось что-то настоящее, как будто сама жизнь, душа была в них. На конкурсах школы и района работы всегда занимали призовые места, а в прошлом году даже была организована персональная выставка Ритиных рисунков.

— Не буду, — тихо сказала Рита и пошла готовиться к уроку.

В тот день, когда школьное жюри должно было принять решение, кто же лучший художник, среди рисунков оказалась и «Новогодняя ночь» Крали, которой и присудили первое место.

В спортивном зале, у празднично наряженной ёлки, объявили результаты конкурса, Крале торжественно вручили диплом первой степени и объявили, что победитель поедет на Ёлку Главы республики, где будет театрализованное представление от артистов драматического театра и подарки от Деда Мороза. Краля сияла от удовольствия, и, под дружные аплодисменты, прошла на своё место в первом ряду, где сидела и Рита.

— Я вообще не понимаю, как мой рисунок

мог там оказаться? Наверно, кто-то без меня повесил его, — как бы оправдываясь перед подругой, возмущённо сказала Краля.

— Наверно, — ответила Рита.

После поездки на Ёлку Главы республики, Краля с восторгом рассказывала всем, как там было весело и хорошо.

К Рите она так и не подошла...

Новый год, который я никогда не забуду...

Когда родители развелись, мне было почти семь лет. После суда меня, младшего брата и сестрёнку увезли из деревни в город и оставили жить у матери. Она тогда работала почтальоном. Перед праздниками в её рабочей сумке было всегда много открыток, которые мама разрешала мне посмотреть. Какими же они были красивыми! Особенно перед Новым годом: и с улыбающимися Дедом Морозом и Снегурочкой, и с катающейся с горки счастливой ребятнёй, и с яркими ёлками, под которыми лежали подарки. Но больше мне нравились открытки, где были нарисованы олени с развесистыми рогами, лоси и маралы в сказочном зимнем лесу.

В канун Нового года мама дала мне три рубля и сказала, чтобы подарок я выбрала себе сама. Конечно, я сразу же отправилась в книжный магазин, неподалёку от дома, где и продавались полюбившиеся мне открытки. Стоили они тогда от двух до пяти копеек за штуку, так что после выхода из магазина, в

руках у меня была солидная пачка открыток, календариков и несколько ярких детских книжек.

Как же мне захотелось показать всё это богатство отцу! Я так и представляла его улыбку, слышала его слова: «Молодец, доча!» Может быть, и мачеха тоже на них посмотрит...

Но тогда ещё автобусы не ходили до деревни, где жил отец с новой женой и детьми. Я решила, что доеду до конечной остановки пригорода, а там уж дойду пешком. Расстояние от города до села мне казалось небольшим.

Когда кондуктор объявил, что дальше автобус не идёт, я вышла и за спиной услышала своё имя, кто-то настойчиво звал меня. Это оказался парень из нашего села, которого почему-то звали Зага.

— Ты куда это, на ночь глядя!?

— В деревню, — радостно ответила я.

— А дойдёшь? Как-никак, а сорок километров пешочком — это тебе не шутка!

— Дойду! — твёрдо сказала я.

— Тогда нам по пути. Вперёд!

И мы пошли. Всю дорогу я рассказывала ему о своих открытках, о том, как обрадуется

отец, когда их увидит.

— Давно с отцом-то не виделись? Соскучилась, поди?

— Давно, года два, наверно.

Так мы и шли. За разговорами не заметили, как уже совсем стемнело.

До деревни оставалось километра три, когда я совсем выбилась из сил и не могла идти дальше, а кругом темень, горы, тайга, и где-то далеко был слышен вой волков. Тогда Зага посадил меня к себе на плечи, и мы продолжили путь.

Дома, кроме ребятишек, никого не было: родители праздновали Новый год у соседей. Зага налил мне стакан молока, отрезал кусок хлеба и ушёл. А я так и уснула, не доев свой «праздничный» ужин.

Утром я проснулась от того, что в печке весело трещали дрова, и было так тепло и радостно, потому, что отец сейчас увидит меня и мои открытки, которые ждали его на столе со вчерашнего дня.

— Пап, ты только посмотри, какую красоту я тебе принесла! А ещё книжки для малышей!

Я протянула отцу открытки, которых

почему-то осталось очень мало.

— Видел. Красивые. Мать печку топила, взяла на растопку немного. С Новым годом, доча!

Но к горлу подступил предательский ком обиды, а на глаза навернулись слёзы...

Каждые руки по-разному помнятся

Вокруг Сашкиного дома всегда была идеальная чистота — мать так любила. В палисаднике, в саду и огороде росло много полезной всякой-всячины, а вот травы не было совсем. Всё лето там трудилась мать: полола, удобряла, рыхлила землю. Все, кто проходил мимо, удивлялись и спрашивали, чем это таким она поливает землю, что сорняки на ней не растут.

Сашка отлынивал, говорил, что на их грядки даже листья с черёмухи стесняются опадать осенью, так было чисто. А вот руки матери выглядели натруженными: венистыми, грубоватыми, шершавыми.

Однажды Сашка пришёл к бабушке, которая жила домом выше, и сказал:

— Ба, ты видела, какие у мамы руки? Как у отца, почти. А у Доры Михайловны — такие красивые, розовенькие, с золотыми кольцами! Вот бы у мамы были такие! А-то, когда она приходит в школу на родительские собрания, всегда старается их спрятать под парту.

— Да, у Доры Михайловны красивые! Ты её хоть раз в огороде видел?

— Нет...

— Так и огорода у неё нет, хоть и живёт в деревне. Муж у неё хороший – везде успевает: и на работе, и по дому, и в огороде. А Дора-то Михайловна отродясь нигде не работала. Наряжаться только молодец! В магазин идёт, как на праздник одетая. Потому и руки красивые, не чета материным, конечно. Но каждые руки по-разному помнятся, знай это. А кольца и у матери в коробочке лежат, и не хуже других!

Тогда Сашка ничего не понял, не дорос ещё, наверно. Но слова бабушки запомнил.

Когда мальчик учился в восьмом классе, мать слегла от болезни, и вся усадьба стала зарастать травой. Некрасиво как-то стало, непривычно.

— Любо-дорого было смотреть, когда Татьяна-то здорова была. Всегда приходила полюбоваться на её палисадник, дочерей приводила, чтобы показать, как должно быть. А теперь... — с сожалением сказала соседка, глядя на цветы, разноцветные головки которых едва выглядывали из травы.

Сашке почему-то стало так обидно от этих

слов, стыдно за то, что он уже взрослый, а порядка нет. Так ему захотелось, чтобы всё было по-прежнему, как тогда, когда мать была здорова. Он зашёл в маленькую сараюшку, где у матери были тяпки, лопаты, какие-то скребки, вёдра, лейка, словом, всё, чем она пользовалась для ухода за усадьбой и бережно прибирала на место после работы. Мальчик взял литовку, чтобы избавиться от травы в палисаднике, но косить было опасно, потому, что вместе с сорняком можно было повредить кусты роз. Сашка полел вручную, без перчаток, как это делала мать. Сначала ему никак не удавалось вырывать траву с корнями – они постоянно оставались в земле, а значит, скоро снова вырастут. Потом мальчик приноровился, стало получаться лучше, и к концу дня все цветы были освобождены из плена крапивы, вьюнов и осота. Гряды Сашка тоже прополел, избавляясь даже от еле заметной травинки, как полела мама. Вспомнил её слова, что надо заходить в огород каждый день, ухаживать, тогда и работы будет меньше, и травы не станет. Так он и делал всё лето. А ещё по часам давал матери лекарство, сам стирал и наводил чистоту в доме. Отец стал теплее смотреть на

сына. Мать была счастлива, и даже пошла на поправку.

В сентябре Сашка пошёл в девятый класс. Одноклассники подшучивали над его огрубевшими руками, что они привыкли делать женскую работу. А классный руководитель сказала:

— Руки у тебя, Саша, красивые, сильные, видно, любую работу знают! У некоторых они, как у Доры Михайловны. А твои, как у матери!

Только тогда Сашка понял слова бабушки, что каждые руки по-разному помнятся: одни с уважением, другие — с насмешкой.

Важно то, как мы там пройдем

На одном из мастер-классов, которые Настя давала по разным городам уже в течение полугода, журналист задал ей вопрос:

— Анастасия Александровна, Вы молодой, но очень успешный и перспективный специалист. Многие говорят о Вас как о профессионале. В чём секрет Вашего успеха?

— В тёте, — не задумываясь, ответила девушка.

— В тёте?! — удивился журналист.

— Да. Секрет в моей родной тёте, которая очень любит ходить за грибами, и однажды взяла меня с собой. С горы, куда мы поднимались, уже спускалось несколько грибников с полными лукошками. Я подумала: «А что же мы наберём, если там уже побывали люди?» Сказала о своих сомнениях тёте, но она ответила: «Это неважно. Важно то, как мы там пройдем». Эти слова я поняла не сразу, но именно они потом стали для меня девизом. Так что, мой секрет в тёте, вернее, в её мудрых словах.

По дороге в гостиницу Настя сидела на заднем сидении «Мерседеса» и вспоминала тот единственный поход за грибами, который оставил след на всю жизнь и всегда помогал ей, когда было трудно.

Юрий Настухов

Утёнок Ник и котёнок Марсик

Во дворе сельского дома жило целое утиное царство. С самого раннего утра поднимался такой галдёж, что хозяйка дома Глафира выходила во двор, чтобы накормить их и выпроводить на пруд. Оставался лишь один утёнок, которого хозяйка назвала Ником. Он был меньше других и все его обижали, поэтому Глафира оставляла его во дворе. Она старалась его покормить зерном, иногда добавляла крапивы, и утёнок потихоньку поправлялся.

В доме жила белая кошечка Муся, вскоре у неё родился котёнок серо-белого цвета. Хозяйка назвала его Марсиком. Котёнок сначала был слепым и искал соски матери. Напившись молочка, Марсик, прижавшись к ней, засыпал.

Так было, пока Марсик не прозрел и не подрос. И тогда Муся стала оставлять его одного. Утром она проснётся, выгнется, сделает туалет, поест с Марсиком, что хозяйка им еды оставит. И начинает мяукать, то есть проситься у Глафиры сбегать во двор по нужде, а то и

к ухажёру, соседскому коту Ваське. Тогда хозяйка выпускала Мусю на улицу и начинала управляться по хозяйству.

Однажды Глафира пекла пирог и открыла дверь, чтобы проветрить комнату. Этим и воспользовался Марсик. Он выбежал во двор и увидел утёнка. Первое знакомство было неудачное. Котёнок напрягся и зашипел, но Ник не обращал на него внимания. Тогда Марсик решил на него напасть и лапой хотел ударить утёнка, но Ник издал резкие, раскатистые звуки «кря, кря» и отбежал в сторону. Котик этого не ожидал и проскочил мимо. Испугавшись, он сделал хвост трубой и убежал в дом.

Во второй раз котёнок осторожно вышел во двор и стал осматриваться. Во дворе был лишь один утёнок. Куры сидели в своём загоне. Марсик осторожно подошёл к Нику, который не испугался котёнка, а продолжал щипать травку. Какое-то время Марсик осматривал утёнка. А Ник пощипав ещё травки, поковылял в тень. Котёнок хотел было за ним побежать, но раздумал. Он ещё повалялся немного на траве, греясь на солнышке, и проголодавшись, вернулся домой.

В третий раз, когда Марсик вышел погулять во двор, он уже смело подошёл к утёнку. Ник на своём утином языке стал с ним разговаривать. Котёнок ничего сначала не понимал, но у них появились доверительные отношения. И в последующие дни они мирно общались и играли. Ник мог забраться на Марсика, и он его катал. Наблюдая за этой игрой, Глафира удивлялась и говорила соседке Марье:

— Надо же, как у меня подружились котёнок и утёнок. А та отвечала:

— Они у тебя маленькие, вот дружба их и сплотила.

Вскоре они выросли. Утиная семья так и не приняла Ника. Он всё равно отставал от них в росте. Теперь Ника никто не обижал, рядом с ним был защитник и, увидев котика, утята близко не подходили к друзьям.

Однажды утёнок решил сходить на пруд поплавать, понырять. С ним увязался Марсик. Добравшись до пруда Ник нырнул в воду и стал плавать. Котёнок сперва намочил лапки, затем отряхивая их, погрузился в воду, сильно мяукая, поплыл к утёнку. Этим мяуканьем он спас Ника. В этот момент за утёнком охотилась прожорливая щука и готова

была напасть на Ника. Осторожная хищница, услышав шум, вильнула хвостом и скрылась в зарослях осоки. Выбравшись на берег, друзья стряхнули с себя капли воды и пошли домой.

Глафира уже обнаружила, что во дворе нет утёнка и котёнка. Стала их искать. И какая радость была у всех, когда они появились во дворе. Хозяйка стала их кормить, а они по-своему её благодарили. Со временем они выросли, но дружба осталась у них на всю жизнь.

Хрюша. Быль

Бабка Акулина весной купила у знакомых поросёнка. Назвала его Хрюшей.

— Это лето прокормлю до зимы, а там посмотрю, что с ним делать? — говорила Акулина своим соседям.

Она закрыла его в хлев, где корову раньше держала и пошла домой за молочком. Акулина налила в бутылочку молока, надела соску и пошла в хлев, чтобы Хрюшу напоить, но там его не оказалось. Акулина позвала поросёнка:

— Хрюша, Хрюша.

Поросёнок так и не отозвался. На больших зелёных глазах бабули навернулись слёзы. Решила обратиться к соседям.

— Вы не видели маленького поросёнка, он от меня сбежал? — Спросила она у них. Соседи ответили, что не видели. Они предложили ей, пройтись по улице, поспрашивать у сельчан, возможно, кто и видел его.

Акулина так и сделала. Кто-то говорил, что видели поросёнка у администрации, а кто и у магазина его встречал. Бабка совсем измучилась Хрюшу искать. К вечеру всё село знало о пропаже поросёнка у Акулины. Решила она дойти до знакомых, у которых поросёнка купила. А это было в конце села. Кое-как дошла до места, устала. И какая радость у неё была, когда во дворе увидела Хрюшу рядом со своей мамой свиньёй.

Рассказав знакомым о пропаже поросёнка, бабка вернулась с Хрюшей домой. Запустив его в хлев, пошла спать.

На следующий день утром Акулина пошла в хлев, чтобы накормить поросёнка, но снова обнаружила пропажу поросёнка. К счастью, его поймал сосед Иван и принёс бабуле. Иван осмотрел хлев, где заметил небольшую дыру,

куда поросёнок пролез. Заделав отверстие, сказал Акулине:

— Теперь твой Хрюша не убежит. Но поросёнок опять сбежал, теперь через дверь, которую бабка только прикрыла и забыла закрыть на щеколду. Акулина расстроилась, соседи стали её успокаивать и говорить:

— Есть захочет, прибежит. Так и случилось, к вечеру Хрюша появился во дворе грязный и голодный. Он подбежал к Акулине хрюкая, просил еду. Бабушка от радости, что поросёнок вернулся, накормила его сваренной картошкой.

Теперь Хрюша стал жить во дворе, облюбовав конуру собаки, которой давно уже у Акулины не было, и никуда не убегал. С хорошим уходом к зиме поросёнок подрос и в будку не мог залезть. Акулина попросила соседа Ивана, мастера на все руки:

— Иван, сделай побольше жильё, да теплее, для Хрюши.

Он согласился и взялся за работу. Вскоре был сделан красивый домик для поросёнка. Постелив туда соломы, запустили Хрюшу, покормив запаренным комбикормом с добавлением крапивы. Акулина была довольна.

А соседи стали спрашивать у неё:

— Что будешь делать с поросёнком?

Она же отвечала:

— Оставлю Хрюшу на зиму.

Надежда Кетрарь

Неприветливый Кара-Иры

«А ты его ногами, ногами-то сильнее прижимай!», — дружно хохотали мальчишки над пытавшимся удержаться в седле Пашкой. Противная мысль, что этот поход за горным чесноком не обойдется без неприятных приключений, мучила его, но он старался сохранять спокойствие. Как назло, Серёжкин отец — дядя Лёша — выделил парню для дальней поездки из своего табуна именно Рыжика — молодого и весьма упрямого представителя не высоконькой, но довольно шустрой местной породы. Рыжик ни в какую не желал уходить далеко от своего родного табуна. Пашке стоило больших усилий просто поймать его и накинуть на свободолобивую рыжую морду недоуздок с длинным чумбуром и плетёную кожаную уздечку со стальными удилами. А уж когда седло на него накидывал, так Рыжик неоднократно поворачивал к парню голову и с остервенением хватал его то за штаны, то за куртку. Трудностями Пашку не испугать, да и показать слабинку перед младшими то-

варищами пятнадцатилетнему парню совсем не хотелось, и он, стиснув зубы, взобрался на брыкающегося мерина. Кое-как справившись с конём, недовольно лязгающим зубами, Пашка с друзьями отправился в путь.

Через полчаса подъёма по тракторной дороге, наезженной среди густого лиственного леса и ведущей в горы, Рыжик наконец-то при-
смирел. Низенькие лошадёнки товарищей, одноклассников: Пашки, Сереги, его младшего брата Васьки и соседского парнишки — Степки, шли спокойно, изредка фыркая из-за забирающихся в ноздри назойливых мух.

По настоянию своей бабушки — бабы Зины, Павел отправился за этой терпковато-горькой травой, луковицы которой деревенские использовали для засолки или вместо специй при консервировании, да и просто в качестве закуски листья горного чеснока неплохо шли. Правда, его много не съешь, больно горький он, зараза, к тому же сердечко от большого количества съеденного может прихватить, но всё равно, любили этот «деликатес» местные очень. Рос он высоко в горах и, чтобы к нему добраться, нужно было потратить не меньше полдня езды на лошади.

Дядя Лёша без лишних разговоров отпустил своих мальчишек, так как считал, что они уже взрослые, и пора им самим справляться с трудностями. К тому же, Пашка не раз поднимался на гору со знакомыми егерями и был в курсе, где чего опасаться. Соседский же Стёпка просто увязался за ними хвостом, но клятвенно заверил всех, что в поход его отпустил загулявший отец.

Погода хоть и стояла по-июньски тёплая и ясная, однако взрослые всегда говорили, что в горах она может поменяться в любую минуту. Вот и прихватили с собой мальчишки тёплые куртки, спальники и кое-какой еды, а то мало ли чего.

Парни, полные юного задора, всю дорогу подшучивали друг над другом. Подъём в гору длился уже около часа. Их тихая деревенька, уютно устроившаяся у подножия сурового Кара-Ирымского хребта, осталась далеко позади. По дороге встречалось всё меньше деревьев. Закончилась тракторная дорога, свернувшая в сторону лиственного леса. С подъёмом воздух становился всё более разряжённым. Он был насыщен влагой до такой степени, что вся одежда, спустя непродолжительное вре-

мя, становилась сырой. Было тяжело дышать. Казалось, что в лёгких хлюпает вода. Лошадям, с их большим объёмом грудной клетки, дышалось полегче. Скопившаяся в их лёгких вода просто стекала струйками с носа.

— Сейчас альпийские луга должны появиться, — сказал Пашка, тяжело дыша. Мальчишки, никогда не бывавшие так высоко в горах, начали расспрашивать его об этой диковинке.

— Сами всё увидите, — парень ударил чумбуром в бок подуставшего Рыжика.

Взору мальчишек открылась ровная площадка с тонкой полоской тропинки, пересекающей её. На площадке расстился разноцветный благоухающий ковёр из крупных ярких цветов на фоне мелких листочков. Этот ковёр состоял из синих водосборов, чередующихся с ярко-оранжевыми огоньками, с вкраплениями нежных анютиных глазок: голубых, коричневых, жёлтых. Тут же тёмно-синими бокальчиками цвели небольшие кустики горечавки. Всюду лютики, маки и ещё множество необычайно красивых растений со всевозможными цветами. Лошади по колено утопали в этом цветущем великолепии.

Аромат над лугом стоял невообразимый: медовый, приторно-сладкий, местами с лёгкой горчинкой. Всюду жужжали пчёлы и порхали разнообразные бабочки.

— Красота-то какая! — сказал Стёпка, спрыгнув со своей вороной лошадёнки — Забавы. — Вот бы мамке нарвать!

Парни тоже спешили. От дурманящего аромата цветущих растений кружило голову. Многочисленные бабочки разлетались в разные стороны. Пёстрый красочный ковёр плавно перешёл в монотонно-зелёное, чуть ниже колена, сплошное покрывало из кедрового стланика. Его небольшие кустики росли настолько густо, что казалось, будто идёшь по мягкой пружинистой подушке. Лошади, свернувшие с тропы, недовольно фыркали, цепляясь ногами за эти небольшие кустики.

Но вот ровная площадка закончилась, и начался каменистый склон. Снова сели на лошадей. Растительности под их ногами почти не было, только скальник и совсем немного неплодородной земли, продуваемой ветрами. Изредка какой-нибудь камень с шумом скатывался из-под лошадиных копыт по покатому склону.

С приближением к хребту стала появляться травка. В верховьях горы она была гуще и сочнее. Постепенно опустилась молочная дымка тумана. Впереди замаячила одинокая старая стоянка. Её лишённые стёкол окна неприятно таращились на парней. Посеребренная от старости и порядочно подгнившая дверь, подпертая толстой доской, явно не желала впускать непрошенных гостей. Несмотря на то, что было сыро, всё-таки не рискнули останавливаться здесь. Пошли дальше.

Казалось, что совсем рядом облака своими ватными телами цепляются за вершину горного хребта. Копыта лошадей скользили по сырым камням. Решили по хребту идти пешком. Туман постепенно стал спускаться вниз по склону. Слева была огромная, многометровая пропасть. Ухнешь в такую и костей не соберёшь. Справа с северной стороны сверкала не тающая шапка ледника. Мальчишки ползком подползли к её краю, держа лошадей на расстоянии вытянутого чумбура.

— Смотрите! — тыкая пальцем куда-то вниз, крикнул Васька.

Много метров ниже по ущелью, никуда не торопясь, шёл волк. Парни видели его вытя-

нутое белёсое тело. Васька из любопытства бросил камень в ущелье. Антрацитовый кругляш беззвучно нырнул в его глубину и глухо ударился о каменистое дно. Серый хищник услышал их и поспешил в ближайший ельник.

В небесах неспешно парил коршун, выслеживая свою добычу. Здесь, высоко от уровня земли, мальчишкам казалось, что он совсем рядом, стоит только руку протянуть.

А тем временем солнце уже благополучно перешло к отметке «вечер». Парни ещё немного постояли на месте, созерцая бескрайние просторы родного края, пересекающиеся хребтами окрестных гор, и затем продолжили свой путь по узенькой тропинке, извивающейся серпантином по склону Кара-Ирымского хребта.

Спускаться с горы всегда легче. Минут через пятнадцать-двадцать они оказались на месте. В неглубокой ложбинке прикорнула недавно отстроенная стоянка с обильно растущим вблизи горным чесноком. Стоянка эта — рубленая из вершинника кедрача шестистенная изба, конусообразная крыша которой была выстлана кедровой корой. На

самом верху крыши зияла дыра. Внутри избы не было печи. Вырытая в земле, прямо посреди избы, неглубокая яма, обложенная по краям круглыми булыжниками, выполняла роль очага. А дыра эта сверху крыши нужна была для вытяжки дыма. В самом дальнем углу стоял стол, покрытый куском линолеума, привезённого на стоянку пастухами или местными охотниками. Единственное небольшое оконце было закрыто лоскутом прозрачной плёнки. Под крышей рядом висели мешочки с чаем, сахаром, солью, крупой (от пакостных мышей подальше).

По ложбинке, весело прыгая по камням, бежал торопливый горный ручей. Возле стоянки простиралась широкая поляна с растущими то тут, то там тёмно-зелёными перьями горного чеснока. Парни расседлали лошадей и стреножили их верёвочными путами (чтобы далеко не забрели), а сами принялись дёргать чеснок.

В горах темнеет рано. Ближе к пяти часам вечера опустились сумерки. Мальчишки, посоветовавшись, решили переночевать на этой стоянке. Для обогрева в не утепленной избушке нужно было развести костёр. Отправили

Ваську со Стёпкой за дровами на ту сторону ручья. С северной стороны склона в хвойном лесу было мрачно и сыро. Мелькали посеребрившие высохшие кедры и лиственницы, разлапистые коряги. Селей, покрытых желтоватой негустой хвоей, свешивались длинные борода лишайника. Жутко. Словно попал в негостеприимное царство лешего. Ноги то и дело увязали в моховой подушке. Кругом стояла мёртвая тишина. Слышно было, как рядом негромко журчит ручей, и похрумкивают сочной травой довольные лошади. Васька со Степаном торопливо насобирали сломленных веток и поспешили из этого мрачного места к стоянке.

Спустя совсем немного времени плотная пелена темноты окутала весь Кара-Ирымский хребет. Словно из космического лукошка высыпались мерцающие серебристые звёзды. Взошла огромная круглолицая луна. Здесь, высоко в горах, с проглядывающими неровными линиями рельефа на её поверхности, она казалась такой близкой. Глядя на этот огромный, светящийся в вышине небесный шаманский бубен, приходит осознание того, что человек — всего лишь малая песчинка в

этом бескрайнем подлунном мире, и сразу начинаешь ощущать, как именно сейчас, в этом месте время надолго остановилось...

Но подул лёгкий ветерок, и луна всё-таки спряталась за напирающую своей мощью гору.

Холод всё больше проникал внутрь избы. Своим неприятным дыханием пронимал до дрожи. Мальчишки кое-как разожгли костёр. В горах даже огонь горел по-особенному — голубоватым мистическим пламенем. Решили сварить мясную похлебку «для сугрева». На стоящую внутри стоянки треногу повесили котелок, набрали воду из ручья, бросили несколько кусков мяса, прихваченных с собой из дома, посолили. Магази́нная тушёнка в то время ещё была редкостью. Вода быстро закипела, но, сколько бы она не булькала (больше двух часов), мясо оставалось практически сырым. Похлебали бульонную жижу с сухарями и решили лечь спать. Нары, приколотые к стене, были рублены из веток кедра. Своими круглыми рёбрами деревянный настил больно впивался в спину. Бросили сверху на нары плотные конские потники, куртки, спальные, но всё равно спать было жёстко

и чертовски неудобно, а костёр давал не так уж и много тепла. Спать не хотелось. Мальчишкам было скучно, и они начали травить байки, частично имевшие место быть на самом деле, частично придуманные ими самими. Тут ещё из темноты со стороны леса раздалось громкое протяжное мяуканье. Никак рысь пришла? Юным путешественникам казалось, что кто-то ходит за стеной, скребётся в дверь, урчит. Как тут уснёшь? Ближе к утру сон всё-таки одолел их страхи, и парни крепко задремали...

Дневной свет своим ярким лучом проник в единственное оконце. Наручные часы Серёги показывали около одиннадцати часов дня. По всей ложбине стелился густой туман. Он был настолько плотным, что казалось, будто можно взять и оторвать кусок этого туманного облака. Солнце неясным силуэтом сквозь пелену туч поднималось по небосводу. Постепенно, под напором неведь откуда взявшегося ветра, туман начал рассеиваться. Идти в лес за дровами никому не хотелось, поэтому возле стоянки разожгли костер из подсохших сухих листьев бадана и стеблей медуницы. Костерок горел слабо, больше дымил,

да и тепла от него никакого. Дорвав в мешки чеснок и слегка перекусив оставшимися сухарями, пора было и до дому добираться, а лошадей нигде нет. Искали поблизости, но их будто след простыл. Лишь нашли обрывки веревочных пут. Видимо, их ночью рысь спугнула или еще кто покрупнее.

Без лошадей до деревни добираться очень долго, да и за пропажу их дядя Лёша явно по головке не погладит, вот и отправились парни всей гурьбой на поиски коней. Тем временем с небес, словно из мелкого сита, неприятно заморосило. Лишь спустя несколько часов, когда погода окончательно испортилась, и зарядил конкретный дождь, лошадей нашли много ниже по течению ручья, где они мирно паслись под кроной огромных лиственниц. Домой нужно было отправляться немедленно. Как рассказывали Пашке знакомые егеря, в горах такая погода может длиться неделю, а то и дольше. А если снег выпадет, хоть и лето, там и морозец ударит непременно. В не утепленной избушке его просто не пережить.

Вернулись на стоянку. В спешке заседлали лошадей, сложили на их спины по мешку с чесноком и начали подъем по сложной

серпантинной дороге. Ехали небольшой вереницей. Серёжку отправили вперёд. Замыкающим оставили Павла — проследить за десятилетними Васькой и Стёпкой. Чем выше поднимались по склону, тем сильнее портилась погода. Вот уже и дождь перестал идти. Полетели крупные снежинки, которые с подъёмом становились всё мельче. Началась самая настоящая метель. Под завывание ветра мелкие крупинки снега с силой хлестали по незакрытым лицам, рукам, проникали под одежду и обжигали тело. Пелена метели стала такой плотной, что на расстоянии вытянутой руки ничего не было видно. Вскоре Пашка потерял из виду младших товарищей. На вершине хребта, где-то совсем рядом, пропасть, но сквозь белую мглу ничего нельзя было разглядеть. Понимая, что живыми из этой снежной ловушки так просто не выбраться, парень решил довериться животным инстинктам Рыжика. Отпустил повод и схватился за седло. Рыжий конь, как собака-ищейка, наклонил голову книзу и принялся вынюхивать следы идущих впереди лошадей.

Непрекращающаяся метель злобно выла обезумевшим зверем. Почему-то именно

сейчас Пашка вспомнил своего деда Лёню — фронтовика, прошедшего всю войну. Любил дед по большим праздникам с бутылочкой беленькой да с домашними соленьями, приготовленными снохой (матерью Павла), расположиться на ступеньках крыльца. После пары стопочек захмелевшая израненная душа старого солдата требовала веселья, и он своим громким зычным голосом затягивал: «Чёрный ворон, что ж ты вьёшься...». Подпевал ему соседский цепной пёс Черныш. Дед не бранил его, а вскоре к необычному дуэту присоединялись другие собаки с улицы. И слышен был этот удивительный хор с подвыванием по всей деревне. Напевшись вволю, дед подзывал к себе Пашку и, нанизав на вилку самый маленький, самый хрустящий огурец, предлагал его внуку, поглаживая по голове: «Ничего, внучок. Живы будем — не помрем!»...

Конь всё шёл вперёд, опустив косматую голову. Парень слез с лошади и вцепился замерзшими руками за стремя. Неширокая вершина хребта в этой белоснежной тьме могла закончиться в любом месте, а там обрыв, с другой же стороны — пологий склон ледни-

ка. Но вот Рыжик поднял голову и протяжно заржал. Невдалеке замаячили два тёмных размытых пятна. Конь рванул вперёд. Там, за раздирающей глаза белой мельтешащей стеной снега, показались два силуэта. Это были Васька со Стёпкой на лошадях. Их кони понуро опустили головы, а сами мальчишки неподвижными статуями возвышались на их спинах. Пашка пытался растормошить Ваську, но паренёк лишь глухо бухнулся в сугроб. Попытки привести его в чувство оказались безрезультатными. Лишь после нескольких ударов по лицу он пришёл в чувство. «Слава Богу, живой!» — успокоился Павел. Вскоре очнулся и Стёпка. Он непонимающе смотрел по сторонам.

Пашка скинул со спины своего коня мешок с чесноком. Распорол острым ножом мешковину. Из полос её грубой ткани сделал некоторое подобие маски с прорезями для глаз и закрепил на лице самого младшего — Стёпки. Замотал ему руки, ноги до коленок. Тоже сделал с мешками своих юных товарищей. Обмотал открытые участки тела Васьки, его ноги и руки, а потом уже остатками мешка защитил своё тело от всепроникающего холо-

да. Горный чеснок явно не стоил стольких мучений. Он небольшой зелёной горкой остался промерзнуть на ледяном ветру.

Буря всё продолжалась. Медленно, но верно парни пешком отправились вперёд. Утопали по колено в снегу, с проваливающейся коркой наста. Было тяжело идти. Пашка, чтобы не замерзли, заставлял мальчишек бежать. Ещё немного, и должен начаться спуск. Вскоре невдалеке стал заметен одинокий силуэт лошади без всадника. Серёгин Малыш стоял на месте, низко опустив голову. Рядом с ним была куча снега, из которой торчал ботинок Серёжки. Мальчишки побросали поводья лошадей и принялись раскапывать эту кучу. Серёжка был чуть тёплый, но ещё пока в сознании. Парни начали растирать его руки, ноги, а Сергей лишь стонал: «Оставьте меня! Я спать хочу. Спать!!!». Пашке снова пришлось прибегнуть к жёстким мерам. После нескольких пинков, хлёстких ударов по лицу и злобных выкриков: «Вставай, говорю!», — одноклассник Павла, наконец-то, очухался.

Из небольшой сибирской деревушки, живущей своими летними хлопотами и забота-

ми, вверх по склону Кара-Ирымского хребта на поиски пропавших деревенских мальчишек отправилось шестеро тепло одетых мужчин с ружьями. Двое из них были местными егерями.

Тревогу забил отец Васьки и Серёги, когда мальчишки не вернулись к обеду, хотя должны были быть дома уже утром. Быстро закончилась хвойная тайга, опоясывающая низину хребта. Начался каменистый склон. На самом верху горы зависла тяжеловесная туча, несущая с собой на вершины окрестных гор большую снежную массу. В деревню такая непогода навряд ли спустится, но мальчишек нужно было выручать. Мужчины быстро добрались до старой стоянки.

Стали спускаться сумерки. Вершину уже не было видно. Всё окутала серая туманная хмарь. Вzbираться выше просто опасно. Вдруг из-за густой завесы тумана мужики услышали чёткое: «Черный ворон, что ж ты вьёшься...», — напеваемое нескладными мальчишечьими голосами. А вскоре появились и все четверо на лошадях. Все живы и, не считая получившего небольшие обморожения Серёжки, почти все здоровы.

Максимкина обида

Небольшой ветерок, потревожив покой задремавших пичужек, пронесся по вершинам таежных деревьев. Над горами, возвышающимися за тайгой, быстро заходило солнце, оставляя за собой широкую красную полосу заката с большой стаей облаков над ней, словно припудренных свинцовой пылью.

«Может, завтра ведра будут», — подумал шестилетний Максимка, надевая прихваченную из дому куртейку. Опасался он больше не комариной братии, последнее время сильно поредевшей, а прохлады уже не теплых августовских ночей.

Прошло несколько часов с момента их ссоры с матерью, а обида, давящая грудь, все никак не проходила. Хотелось ему, юному совсем Максимке, сходить с ребятами на речку, а мать же просила его почистить в коровьем хлеву. Не осознавал он еще тогда, что кроме него, да старого отца матери — деда Пантелея, других помощников в их семье не было. Отца Максима этой зимой мать из дому выгнала за непрекращающуюся пьянку. Где он теперь — никто не знает, а дома кроме него — Максим-

ки, еще три сестры – мал, мала меньше: трех, двух лет и самая младшая Милка – девяти месяцев отроду. Однако желание окунуться в прохладную воду местной речушки в нестерпимую летнюю жару оказалось сильнее желания помочь матери. Вот и получил он от неё жгучей крапивой да по обнаженной пятой точке.

Прихватив из дому латаную-перелатанную куртейку с длинными рукавами, которые постоянно приходилось подворачивать, отцовский складешок и ломоть хлеба с куском отварной свинины (пока мать не видела), решил шестилетний Максимка остаться жить в лесу.

— И пусть! Никто меня и не хватится», — рассуждал парнишка, — проживу как-нибудь. В тайге в этом году хороший урожай ягод и грибов. Скоро и шишка кедровая поспеет. А ручьев и ключей в лесу полно, так что от жажды точно не помру.

И думать не думал о том, что в тайге есть и хищные звери.

В лесу ему было нисколько не страшно. Хотя раньше здесь он бывал только со взрослыми. Уж слишком большая обида была у

него на мать. Как его, почти взрослого парня (каковым он уже себя считал), крапивой по попе, да еще и при соседских девчонках! Мальчик уходил все глубже в лес. В таких местах стоит пройти немного вглубь от дороги, как окажешься в непролазной таёжной чаще. Кричи, не кричи — никто не услышит! Сумерки быстро опускались на землю. Пора место для ночлега искать. Впереди за зарослями калины показалась неширокая, заросшая травой, дорога. Максимка направился по ней вперед. Пройдя несколько десятков метров сквозь наступивший сумрак, он увидел справа от дороги небольшую поляну, с копной сена посередине. Сено сильно потемнело от старости. Видимо хозяева скосили, а убрать забыли, или, может, случилось чего, помешавшее забрать копну. Мальчик разгреб сено для лежанки. Оно сильно пахло мышами и прелостью. «Здесь меня никто беспокоить не будет», — забрался в вырытую им в сене нору и, дожевав в сухомятку оставшееся мясо с хлебом, быстро забылся глубоким сном, под негромкий писк потревоженных мышей.

На свежем воздухе спалось хорошо. Проснулся Максимка, когда солнце уже подня-

лось высоко, а роса на траве почти вся высохла. Горло пересохло от жажды. Завязав на поясе куртку, он отправился на поиски родника или ручейка какого-нибудь. Мальчуган размышлял так: если здесь был покос, значит рядом должен быть обязательно источник с питьевой водой. Ведь брали же люди откуда-то воду для питья. И он пошёл вперёд по просеке. На кустах калины без умолку тенькали синицы. Беспокойные кузнечики под ногами разлетались в разные стороны. Голову кружило от разнотравных ароматов. Слева ярким всполохом возвышались на стеблях фиолетово-розовые цветы кипрея. Огромные лопухи прятали под своей прохладой различную мелкую живность.

Максимка срезал по дороге сочный стебель пучки (борщевика сибирского) — местный деликатес — и, очистив от кожуры, как заправский банан, отправил его сочную мякоть в рот. Вкусно! Да только долго ли будешь сыт травой? Тем временем подул небольшой ветерок, стоня в небе, невесть откуда взявшиеся облака в стада. Справа от просеки стеной стоял тёмный кедровый лес. Совсем рядом было слышно, как пересвистываются шустрые бу-

рундуки. К ногам мальчика упала большая смолянистая шишка. Максимка поднял её и, отщипывая липкие чешуйки, вспомнил, как в прошлом году с дедом Пантелеем и дядей Серёжей ходил орешничать. Дядя Серёжа сверху кедры сбивал крупные липкие шишки, а Максим, несмотря на свой совсем юный возраст, вместе с дедом собирал их в мешки. А что поделать? Какие-никакие, а деньги. Хватило им сданного ореха на мешок муки и сахара. Мама тогда очень рада была. Вот, какой помощник у неё растёт! К горлу подкатил неприятный комок. Слёзы. Никаких слёз, ведь он же мужик. Орех оказался ещё молочный. Ну, ничего, для легкого перекуса сойдет.

Слева замаячили кусты резучей осоки. Как говорил дед: верный признак того, что там есть вода. Гонимый жаждой Максимка, опрометью кинулся в осоку, царапая руки об её острые листья. Из-под ног, недовольно шипя, выскользнула змея. Мальчик и не заметил её, извивающееся черной лентой тело, только услышал грозное шипение.

В низине по камушкам тонкой полоской бежал ручеёк. Вдоволь напившись, парнишка отправился на поиски чего-нибудь съестного.

А облака становились всё темнее. Вскоре под напором ветра они застили небо. Несмотря на дующий ветер, стояла невыносимая духота.

В ближайших кустах тальника раздался треск. На просеку, прямо по направлению к Максиму, выскочил огромный кабан. Секач явно не собирался уходить с намеченного пути. Его копыта гулко стучали по земле. Тут Максимка, первый раз за всё его приключение в таёжной глуши, сильно испугался. Вспомнил, как зимой, во время бури, когда во всей деревне отключали свет, он с сёстрами у жарко натопленной печи слушал рассказы деда Пантелея. Рассказывал он и о диких кабанах, которые вспарывали клыками брюхо волков. Могли и в землю незадачливого охотника втоптать. Мальчуган кинулся в ближайшие кусты черёмухи, густо обвитые диким хмелем. Его плотные лианы неприятно цеплялись за голые руки. Сверху на мальчику сыпались ароматные шишки хмеля и его липучие листья. Максим присел на корточки и притаился. Кабан промчался дальше своей дорогой. В это время совсем низко пролетел вертолёт. Мальчишке хотелось броситься на

дорогу и замахать руками, чтобы его увидели, но он сильно боялся возвращения кабана. Из укрытия мальчик успел увидеть вздыбленную на кабаньем загривке шерсть, налитые кровью глаза и торчащие в разные стороны клыки-бивни.

За возвышающимися за тайгой горами засверкали изогнутые стрелы молний. Послышались отдалённые раскаты грома, предвещающая в скором времени ливень. Конечно, место под сплетёнными ветвями черемухи не самое надёжное от дождя. Он стал искать другое укрытие. Пройдя вперёд по дороге, сопротивляясь сильному ветру, увидел у отдельно стоящей берёзы шалаш, срубленный из веток и крытый клеёнкой и еловым лапником. Шалаш был ладно сделан, такой и в ураган не разметает ветром. Ветви ели ещё не совсем пожелтели. Скорее всего, шалаш остался от прошлогодних шишкарей или от сборщиков колбы. Огромные, дождевые капли больно били мальчика по спине, голове. Он юркнул в шалаш, накрывшись курткой. Дождь становился всё сильнее. Казалось, что вся тайга гудит от напора шквалистого ветра и непрекращающегося ливня. Капли воды долбили

по Максимкиному укрытию, но клеёнка, накинутаая сверху на шалаш, не давала им по-пасть во внутрь. Максимка сел на корточки и обхватил руками голову. Совсем рядом сверкали молнии, и громыхал гром. Внутрь шалаша забежала струйка воды, становясь всё больше и больше. Под монотонный стук дождя и гром мальчик вскоре задремал.

Максим проснулся, когда ураган закончился. Была ночь. За это время ветер разогнал на небе тучи. Выступили звёзды. Ярко светила луна. Казалось, что после дождя и небо стало чище.

В животе мальчика урчало от голода. Он вышел из укрытия справить нужду. Вдруг в сумраке парнишка увидел пару огоньков. Из-за куста тальника, сверкая в темноте парой глаз, вышла большая собака. Да нет же, не собака, а волк. Волк! Малец опрометью бросился к рядом стоящей берёзе. Что было сил, стал карабкаться вверх. Сел на толстый сук, обхватил дерево и, отдышавшись, посмотрел вниз. Волк подошел к берёзе. Несмотря на обилие живности в тайге, видимо ему не хотелось отпускать лёгкую добычу, и он начал громко выть. Вскоре со стороны кедрово-

го леса вышел ещё один волк, но поменьше ростом. Максимка слышал, как в темноте они жадно щёлкают челюстями. Наверное, надеялись, что силы покинут их добычу и мальчик свалится с дерева. И тут Максимка заплакал: «Мама, мама. Забери меня отсюда! Я больше никогда не буду вредничать. Мамочка, прости меня!». Волки продолжали ходить кругами около берёзы.

Сколько парнишка просидел здесь в страхе, продуваемый ветром — неизвестно, но вскоре у него совсем не осталось сил держаться за дерево. И он, боясь упасть, сняв куртку, из последних сил привязал себя за рукава к стволу берёзы и потерял сознание...

Максимка очнулся. Яркое светило солнце. Птицы совсем рядом на ветках пели песни. Волков нигде не было видно. Затёкшее тело не хотело его слушаться. Попытался развязать рукава куртки, но ему не хватило сил.

Над лесом эхом прокатился звук проезжающей невдалеке машины. Разобрать, откуда она идёт, мешали верхушки деревьев. Неожиданно на просеку в его сторону выехала знакомая «Нива» с синей надписью на боку «Полиция». Мальчик стал махать руками,

кричать, но в густой листве его не было видно. Тогда он отцовским складным ножом отрезал рукав спасшей его куртки и, несмотря на затёкшие руки и ноги, быстро спустился с дерева, прямо перед «носом» машины. Дверь «Нивы» открылась, и из неё вышел местный участковый — Михаил Сергеевич, для Максимки просто дядя Миша.

— Дядя Миша, ты за мной? — перед участковым стоял чумазый, исхудавший и потрепанный Максимка.

— За тобой. Поехали, Маугли.

И машина с довольным Максимкой показала обратно. В сторону желанного, горячо любимого дома, и проплакавшей все эти дни матери.

Степан Кондратьевич

Так сложилось, что к семидесяти годам Кондрат Кондратьевич остался совсем один. Два года прошло, как его жены Марии не стало. Слегла под осень, а зиму уже не пережила. За всю их долгую совместную жизнь детей они не нажили. Сказалось холодное и вечно полуголодное послевоенное детство. Каторжная работа в колхозе и в жару сорокаградусную, и в лютый холод тоже основательно подпортила здоровье супругов. Предлагала Мария, конечно, Кондрату ребёнка взять из детдома, но упёртый мужик ни в какую не хотел воспитывать чужую кровь. Всё надеялся, что Господь пожалеет их и пошлёт хоть к старости сынишку, а, может, дочурку в помощь, которых они назовут Степаном или Степанидой, но так и не дождался. Из родни в живых у него тоже никого не осталось. Большинство родственников ещё во время войны стинули.

Единственную корову, как Мария слегла, пришлось продать. А со смертью любимой хозяйки из дому сбежал проживший у них не один год рыжий кот Васька. Заводить кого из живности старик не хотел.

— Всё одно, — думал он, что в скором времени к жене отправится. Самого желания жить у него уже не было. Даже бриться перестал. Проведывавший его частенько сосед Сергей заметил, как сильно сдал старик: стал сутулиться, осунулся, чего раньше за ним не наблюдалось.

Дни и ночи, проводимые в одиночестве, тянулись медленно и однообразно. Вставал Кондратьевич чуть свет — деревенская привычка сказывалась. Раньше-то корову нужно было раненько на выгул отправлять, да на работу в колхоз собираться. Сейчас коровы не было, а привычка так и осталась. Ходил с ведром по воду к колодцу, готовил нехитрый завтрак, обычно из магазинных полуфабрикатов, потом просматривал старый фотоальбом, где хранились их немногочисленные фотографии с Марьей. Разбередив душу воспоминаниями, отправлялся он на крыльцо, где попыхивая папиросным дымком, ожидал кого-нибудь из знакомых, проходивших мимо со скупыми деревенскими новостями. Телевизор смотреть Кондратьич особо не любил, поэтому после обеда частенько отправлялся в местную библиотеку, где брал книги о войне.

Так, за чтением книг день, наконец-то, подходил к концу. Ближе к вечеру затоплял печь. Прохладно становилось в избе осенними вечерами, да и сильно стали мёрзнуть ноги. Ну, а по ночам старика всё чаще мучила постылая бессонница, приходившая всегда со сменяющимися друг друга кадрами из прошлого. Долгую жизнь они прожили с Марьюшкой. Много чего было хорошего, не мало и плохого. Чаще вспоминалось их знакомство, свадьба, тихие будничные дни. Соскучившемуся по домашней еде старику, на память приходило, как вкусно готовила Мария. Особенно нравились ему жареная картошечка со свежими опятами да со сметанкой. Ммм... И так в этот раз захотелось снова испробовать это блюдо (раньше то, бывало, и сам жене помогал готовить), что поставил перед собой цель на завтрашний день: можешь, не можешь, но надо сходить в лес за грибами. Да и просто прогуляться по осеннему лесу было бы неплохо. Тем более Сергей на днях целую корзину опят принёс. А свежую сметану всегда можно взять у соседки Зинаиды (доброй души женщина). Благо дело, старику для жарёхи сметаны нужно совсем немного. В предвкушении

завтрашнего дня, старик вскоре уснул.

Утром Кондратыч чувствовал себя на удивление бодро. Минут через пятнадцать после простенького завтрака он уже был готов к тихой охоте. Прихватив с собой верный костылёк, плетёную корзину и нож, старик отправился в лес. Лесной массив начинался сразу же за забором Кондрата Кондратьевича. Сентябрьское утро отдавало сыростью и лёгкой прохладой, но день обещал быть тёплым. Небо было чистое, без единого облачка. Постепенно поднимаясь, солнышко своими тёплыми лучами ласкало остывшую за ночь землю с успевшими пожухнуть растениями. Деревья пестрели всевозможными красками. Кое-где торчали метёлки сбросивших листву кустов. Многие теплолюбивые лесные птицы уже перебрались в южные края. Местами под лучами медленно поднимающегося по небосводу солнечного диска, сверкала роса на сиротливых паутинках. Кругом было тихо. Лишь негромко под ногами шуршали опавшие листья. Старик полной грудью вдыхал воздух утреннего леса. Тропка уводила всё дальше в лес. Горбоносый костылём раздвигая палые листья и заглядывая под трухлявые

пни, Кондратьевич высматривал грибы, но хитрые лесные жители умели хорошо прятаться.

Через час хождения по лесу, длинноногих опят в его корзине была лишь небольшая горстка. Кондратьич вспомнил, что в глубине лесной чащобы было сырое глухое место с гнилыми пнями и валёжником. Для опят просто благодать! Кое-как продравшись через колючие кусты шиповника и крапиву, старик оказался на долгожданной поляне. На трухлявых пнях опёнков было видимо-невидимо. Они своими разнокалиберными пуговками облепляли трухлявые деревья и пни. Сердце радовалось от этой картины. Старик принялся аккуратно срезать стройные грибные ножки под шляпками всевозможных размеров. Он увлечённо занимался грибами, как из-за зарослей малины раздалось негромкое жалобное поскуливание. Кондратьич прислушался, но кругом было тихо. Он продолжил начатую работу, однако вскоре скулёж повторился. Тогда Кондрат Кондратьевич отложил в сторону полную корзину грибов и направился к сторбившейся берёзе, росшей рядом с малиной. У старого дерева на короткую

плотную верёвку был привязан белый щенок лайки. Земля вблизи дерева была изрыта его когтями. Тощий лайчонок лежал на земле, положив голову на передние лапы, и изредка поскуливал. По измождённому телу собачонки было видно, что здесь она провела не один день. Это очень удивило старика, ведь в сибирских деревнях к лайкам всегда относятся с уважением. Кондратъич подошёл ближе. Лайчонок поднял голову, но тут же бессильно опустил её. В его глазах, цвета чистейшего голубого неба, полных боли, было что-то очень близкое. «Ишь ты, — подумал старик, — глаза-то совсем как у Марьюшки, такие же светлые и голубые». Он взял нож и перерезал погрызенную щенком верёвку. На шее лайчонка осталась глубокая кровавая полоса. Собака безразлично смотрела на старика. Измученный щенок не мог стоять на лапах: сразу же падал. Кондратъич взял на руки собачонку и понёс его из леса. Корзинка с грибами так и осталась в чащобе.

Дома старик в миску налил молока, накroшил туда хлеба и на крыльце поставил перед щенком. Измученная собака благодарно посмотрела на своего спасителя, а затем при-

нялась с жадностью глотать живительную пищу. Вылизав дно миски, лайчонок попытался встать на лапы, но это у него ещё плохо получалось. Он дополз до Кондратьича и ткнулся влажным носом в его руку. Положив голову на колени старика, тяжело вздохнул и приготовился слушать, что же скажет этот седой человек. Кондрат Кондратьевич усмехнулся и, поглаживая собаку по голове, сказал: «Ну что, Степашка, — закашлялся и продолжил, — Степан Кондратьич, Бог даст, эту зиму перезимуем, а там, значит, ещё поживём с тобой».

Белые кораблики

Весна! Наконец-то пришла весна в эти небалующие теплом края. Появились проталины всевозможных размеров. Солнышко стало пригревать истосковавшуюся по ласковым лучам землю. Запахло настоящей весенней свежестью. День заметно прибавился. Звонко зазвенели голоса птиц вперемежку с журчанием ручьёв и барабанной дробью капли. Весна своим теплым дыханием растопила лед на местных беспокойных реках. Громадные и совсем крошечные глыбы льда вместе с шугой потянулись длинным караваном куда-то вдаль.

Одним таким погожим весенним деньком двенадцатилетнему Леньке пришлось присматривать за семилетним братом. Их мать отправилась в город по неотложным делам. Конечно, нянчиться с Димкой в планы Лёньки не входило. Он всячески противился этому, но, однако, материно слово - закон. Как раз сегодня паренек договорился со своим другом - Петровым Сенькой, который был старше его на два года, встретиться после обеда у реки,

ниже Иваньковского моста. Дело, по которому они собирались с Сенькой, было тайное и опасное, не для болтливых посторонних. Но деваться было не куда. Скрепя сердцем, Леонид все-таки взял с собой Димку.

Предложение прогуляться вместе со старшим братом вызвало у Димки неподдельный восторг. Очень уж редко Ленька соглашался составить ему компанию.

Димка был весьма любопытным мальчишкой. Весь путь он просто сыпал вопросами: «А куда мы идём? А долго идти? А что мы там будем делать? А скоро лето?». Естественно, вскоре всё это надоело Леониду. Он зло шикнул на младшего брата: «Скоро всё узнаешь!».

Твердая корка наста наезженной, только начавшей таять лыжни быстро привела мальчиков к хвойному лесу. Под кронами сосен было заметно прохладней. Сбросившие оковы снега, многолетние сосны стояли гордо, распрямив свои стройные плечи. Хвойный бор был наполнен мелодичными звуками, не видимых глазу пернатых. Весна, хоть и запоздало, но все-таки вступила в свои права и в хвойном лесу.

Проходя по лесной тропинке, Лёнька приметил и сломал сухую сосенку. При помощи прихваченного из дому ножичка, очистил её от веток. Получилась толстая длинная палка. Снова послышался Димкин вопрос: «А зачем она?». Старший брат, сквозь зубы, прошипел: «Лучше бы я тебя не брал», и молча продолжил путь.

Реку было слышно издалека. Она ревели и скрежетала сталкивающимися льдинами. Ильинка, хоть и неглубокая река (взрослому чуть больше подмышек), но её течение очень быстрое.

Сенька ждал их в условленном месте, держа длинную палку:

— А чего этого взял?

Леонид недовольно посмотрел на младшего брата:

— Пришлось.

Димка во все глаза смотрел на беспокойную реку, талые воды которой в спешке уносили отколовшиеся от кромки берега серебристые льдины. Оказалось, что Лёнька с товарищем не первую весну в тайне от взрослых сплавляются на льдинах по шумной Ильинке.

— Сам за него отвечать будешь, — худо-

щавый Сенька взобрался на большую, причалившую к берегу, льдину.

— Идём? — старший брат кивнул в сторону реки. Димке такое предложение было только в радость. Он вместе с братом и Сенькой устроился на широкой глыбе льда. Мальчишки оттолкнулись от берега палками. Льдина неповоротливо плюхнула носом в воду и понесла парней вперед. Она то и дело подминала под себя небольшие льдины. Оказавшись на этом куске льда, Димка снова затараторил: «А здесь глубоко? А далеко ещё плыть? А почему река называется Ильинка, а мост Ивановский?», — но не получил ни одного ответа. Сеньку стала раздражать его настойчивость. Он прямо сказал Димке, что лучше бы тот оставил брата дома.

Искатели приключений стояли на этой широкой ледяной платформе, держа равновесие. Река обдавала их холодными брызгами, давая понять незадачливым путешественникам, что в её ледяных водах их не ждет ничего хорошего. Поворот за поворотом. Река вовсю показывала свой суровый нрав, раскалывая одну глыбу об другую и неся в своем потоке вырванные с корнем деревья и коряги. Дим-

ке эта опасная затея вскоре надоела. Он начал хныкать, прося, чтобы мальчишки высадили его на берег. Отталкиваясь палками от проплывающих мимо льдин, старались подплыть ближе к берегу, но течение всё выталкивало их на середину стремнины.

В какой-то момент небольшой кусок льда под Ленькиными ногами откололся. Не в состоянии удержать равновесие, он плюхнулся в воду. Семён с ужасом смотрел на барахтающегося в воде товарища. Потом бросил палку и, как заправский акробат, балансируя на соседних льдинах, быстро очутился на берегу:

— Я сейчас... Я это... Я за взрослыми.

Четырнадцатилетний парень, то ли боясь ответственности, то ли действительно чтобы позвать на помощь, кинулся в сторону дороги, оставив своих товарищей один на один с бедой.

Лёнька из последних сил старался держаться на плаву, но тяжелая намокшая куртка тянула на дно. Он понимал, что в ледяной воде его семилетний брат ничем не сможет ему помочь. Да и любая большая глыба или коряга может накрыть его с головой. Димке нестерпимо хотелось зареветь навзрыд. Ему

безумно было жалко себя и страшно за старшего брата. Представил, как будет переживать мама, если их с Ленькой не станет. Появилась злость на себя, что согласился на эту затею, а еще большая — на Сеньку. Ведь он старше их, сильнее и наверняка мог придумать что-нибудь получше, чем просто сбежать.

Димка начал лихорадочно соображать, чем можно помочь брату. Затем подполз к краю льдины и достал из воды плывущую рядом палку. Лёжа, придавил её один конец животом, а второй направил в сторону брата. Обессиливший парень успел ухватиться за палку и стал по ней подтягиваться до льдины. Димка, что было сил в слабых детских ручках, скрепя зубами, схватил за намокшую куртку брата и потянул. Холодная глыба под ними закачалась, как катер в штормовую погоду, грозя опрокинуть мальчишек в ледяную воду, но быстро остановилась.

Немного отдышались. У Лёньки от холода зуб на зуб не попадал, но нужно было выбираться на землю. Очень вовремя их необычное плавсредство ткнулось кармой о другую пришвартованную к берегу огромную льдину. Мальчишки ползком стали пробираться

от одной льдины на другую. Мокрая одежда Леонида прилипла ко льду, приходилось с силой отдирать её. Наконец-то им удалось выбраться на берег. Они без сил упали на оттаявшую землю. Переведя дыхание, братья смотрели на тянувшиеся длинной вереницей глыбы льда. Димка снял с себя теплую куртку, сам же остался в плотной шерстяной кофте и отдал её брату. Не осознавая ещё, что он совершил, наивно спросил:

— Лёнь, а как ты думаешь, куда дальше плывут эти белые ледяные кораблики?

Леонид, трясаясь от холода, выжимая мокрые штаны, ответил:

— Не знаю. Может быть в океан...

Мария Образцова

О большой любви

У нашей семьи есть друг. Мы его все любим. Он небольшого роста и кругленький, как шар, а главное — полнейший добряк. К нам в дом он попал, будучи ещё совсем маленьким, исхудавшим и больным, брошенным хозяевами и никому не нужным. За несколько месяцев, что прожил у нас, он буквально преобразился. Стал играть, весело бегать по траве, тереться о ноги, тем самым выражая свою преданность и любовь.

Мы его называли Кода. Наш похорошевший друг рос, развивался, с удовольствием с нами общаясь.

Однажды наступил день, когда в его глазах появилась лёгкая грустинка. Мы никак не могли понять, что с ним произошло. Но, в конце концов, всё встало на свои места. Оказалось, что наш Кода влюбился в соседку Дину, светлую, кудрявенькую и маленькую — ему под стать. Он стал бегать к ней в гости и подолгу пропадать из дому. Затем, события развивались очень стремительно. Он совершенно потерял голову и двое суток не приходил

домой. Всё складывалось, как нельзя лучше, и мы уже думали, что скоро будем водиться с детьми Коды и Дины, когда всё жестоко перевернулось. За нашей прекрасной дамой стал ухаживать ещё один кавалер из соседнего двора. Он был высокий, поджарый, жестокий, И никого не уважающий. И, конечно, на нашего Коду он смотрел сверху, а когда Кода решил отстаивать свои права на Дину, так как уже ходил к ней довольно долго и пользовался её расположением, тот жестоко с ним расправился. Он вытащил нашего друга из Дининой будки и стал рвать своей огромной пастью.

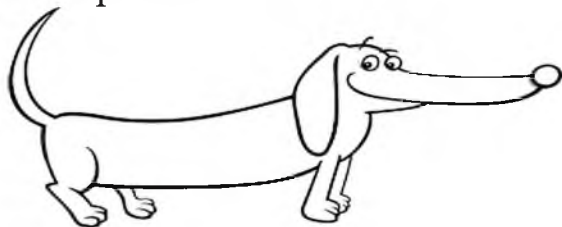
Коду мы принесли домой полуживого, с разорванной ногой и несколькими переломами. Мы понимали, что если срочно не довезём его в город в больницу за пятьдесят километров, то он не выживет. Всё сложилось как нельзя лучше, когда мы приехали в больницу, там были хирурги, положившие сразу нашего Коду на операционный стол. Ему поставили снотворное, зашили все раны и наложили шину. Когда ехали домой, Кода стонал, приподнимал с подушки голову, и в его ещё мутных от наркоза глазах, было видно, как ему больно. Мы привезли его в уютный домик, постелив на поду-

шку простынь, осторожно и нежно положили туда нашего Дон Жуана. Ещё под действием снотворного он спал, слегка постанывая во сне. Мы прикрыли проход в домик плахой, чтобы нашего друга никто не беспокоил и пошли управляться по хозяйству.

Через два часа, приготовив легкий ужин, мы пошли кормить нашего больного друга, но когда заглянули в домик, были ошеломлены увиденным — Коды простыл след.

Куда делся наш милый друг!? Что с ним случилось!? Мы, переполошённые потерей Коды, бегали вокруг и не могли его найти. Мы предполагали все, куда он мог деться. Но то, что мы увидели, было непередаваемо. Наш Кода уже в метрах ста от дома, останавливаясь, опуская голову и тяжело вздыхая, полз в гору, туда, где жила его возлюбленная. Он готов был выдержать любые лишения ради своей большой любви — Дины.

Да, не зря воспевают большую собачью любовь и верность!

Зинаида Бузырёва

Записка

В первый день весенних каникул второклассник Вовка шёл в библиотеку. Если вы предположите, что отправился он туда по принуждению учительницы, то ошибётесь. Вовка любил читать. Книги были главным его увлечением и занимали всё свободное время. Вот и сегодня Вовка собирался основательно запастись на всю неделю каникул, и потому взял с собой небольшой походный рюкзак. Прохожие, если и обращали внимание на него, то из-за этого рюкзака, — очень уж нелепо смотрелся он за плечами худенького мальчика в очках. В маленькой сельской библиотеке Вовка сразу заметил сложенные как попало в углу старые книги.

— Новое поступление, — улыбнулась тётя Даша, — ещё не успели разобрать.

Вовка, кажется, перестал дышать и с головой ушёл в изучение кучи: «Том Сойер», «Дети капитана Гранта», «Дикая собака Динго». Мальчик набрал столько, что с трудом

поднял рюкзак, тётя Даша только головой покачала: «Гулял бы ты лучше, весна на дворе, каникулы!»

Уже дома, разбирая своё богатство, Вовка подумал, что часть книг не мешало бы спрятать от бабушки. Баба Катя ничего не имела против книг, но не разрешала читать много, считая, что это вредно для близоруких Вовкиных глаз.

Но сначала он решил перелистать всё, чтобы выбрать самую интересную. И с какой именно книги выпала записка, Вовка не заметил и потом так и не смог вспомнить, как не пытался. Корявым почерком на простом тетрадном листе в клеточку было написано вот что: «Привет, Вовка! Мне кажется, тебе очень нужен друг. Давай с тобой переписываться. Это будет нашей тайной».

Трудно сказать, что потрясло Вовку больше – «Тайна» или «Друг». Да и сам факт обнаружения записки в книге из библиотеки не укладывался в голове. Кто мог знать, что сегодня он пойдёт и выберет именно эти книги? Кто этот таинственный друг? Вовка совсем растерялся и даже вспотел от волнения. Друзей у него никогда не было. Одноклассни-

ки его просто не замечали. Да он ничем и не выделялся: в общественной жизни школы не участвовал, учился средне, был застенчивым и молчаливым. И даже самому себе боялся Вовка признаться, как сильно он мечтает о настоящей дружбе, как завидует весёлым и шумным мальчишкам, которые каждый вечер гоняют футбол под его окнами.

— Ты чего там в темноте сидишь? — из поликлиники вернулась баба Катя. — Надо же, уже вечер, а он так и сидит, пялится в записку, как баран на новые ворота....

Вовка прячет листок и идет помогать бабушке готовить ужин. В голове его уже созрел план.

Весь следующий день мальчишка проторчал в читальном зале библиотеки, выслеживая таинственного друга. Тёте Даше сказал, что к бабушке пришли гости, и он не хочет им мешать. Посетителей не было, если не считать двух старшеклассниц, которые искали что-то для своих рефератов и не обращали на него внимания. Вовка делал вид, что читает. На самом деле он усиленно размышлял. Друг представлялся ему весёлым мальчишкой, почему-то рыжим и конопатым. Навер-

ное, потому что яркое весеннее солнце врывалось во все окна и на душе его было солнечно, радостно и тревожно. И вот тогда, когда Вовка уже устал волноваться и собрался уходить, в библиотеку ввалился Никита, рыжий и конопатый сын тёти Даши. Вовка опешил. Никита учился в параллельном классе, был троечником и хулиганом.

— О, явился, наконец! А грязи-то натащил, хоть бы ноги вытер! Ты где был-то весь день! — тётя Даша вытряхнула сына из заляпанной грязью куртки, заставила разуться, и предполагаемый друг предстал во всей красе. В меру упитанный, лохматый и грязный тип в порванных спортивных штанах и разных носках. Тип подмигнул Вовке и по-хозяйски развалился на единственном диванчике.

— Мам, мы с пацанами на речке были. Лед пошёл, кусками здоровенными! Шорох, треск такой, ты бы слышала!

— Так я и знала! Что ж вас несёт-то туда? Заняться нечем больше? Вон посмотри, сидит мальчик, читает! Родители — геологи, по три месяца дома не бывают. А чего им переживать, знают, что ни на какую речку ребёнок не пойдёт! А тебя ведь ни на минуту остав-

лять без присмотра нельзя! Ой, беда мне с тобой...

Упоминание о нём вывело Вовку из ступора. Мысли лихорадочно заметались в голове и вдруг приняли совершенно неожиданный поворот. А что, если Никита решил так подшутить над Вовкой, посмеяться или даже отомстить за то, что мать ставит его, Вовку, в пример. Нет, нет, не может быть! Обида и растерянность охватили мальчика. Тем временем тётя Даша вручила сыну тяжёлую сумку с комбикормом и уже читала наставления, чтобы тот шёл напрямиком домой и первым делом накормил кроликов... Вовка, неожиданно для себя, решил вдруг выяснить всё немедленно, и, одеваясь на ходу, выскочил следом за Никитой. Мальчишки столкнулись на крыльце, да так, что Вовка чуть очки не потерял.

— Ты чего, офонарел?! – Никита тёр переносицу и с удивлением рассматривал налётчика.

— А ты? Ты это писал? Сознавайся!

Вовка достал из кармана записку и с несвойственной для него решимостью сунул под нос Никите. Тот поставил сумку, уселся на сту-

пеньки и принялся основательно изучать тетрадный листок. Прочитал записку про себя, потом вслух, рассмотрел её под всеми известными углами и даже понюхал. Вовка молча топтался рядом и ожидал взрыва хохота или, в лучшем случае, просто известие о том, что Никита записку не писал.

— И где ты её нашёл?

В глазах Никиты не было ни смеха, ни издёвки, только неподдельное любопытство.

— В книге из библиотеки. Вчера. Я не знаю, кто её написал, думал, что ты, — Вовка сел рядом.

— Ничего себе, загадка! — Никита нехотя отдал записку, — кто бы это мог быть? Мама моя точно бы писать не стала, у неё кролики да я, одна забота... Слушай, пойдём ко мне поможешь кроликов накормить, по дороге что-нибудь придумаем.

Никита жил недалеко, в большом частном доме. Вовка помог донести сумку с комбикормом и теперь с изумлением разглядывал Никитино хозяйство. Клетки с кроликами занимали большой сарай, по двору бродили куры. Лохматая собачонка вертелась под ногами, радостно повизгивая. Сам Вовка жил в двух-

этажном доме, в благоустроенной квартире и никогда ещё не бывал в таком дворе. Всё ему было интересно и удивительно. Он уж и о записке забыл. А Никита, деловито управляясь по хозяйству, размышлял вслух:

— Как можно было догадаться, какую книжку ты возьмёшь? И именно вчера? Экстрасенс какой-то... Стоп. Знаю я, кто тебе голову морочит. Есть тут один такой, в конце улицы живёт, Мишка Зяблицкий. Он наших кур гипнотизировать пытался, по шее бы ему надавать... Бросай ведро, пошли!

Вовка сам уже чувствовал себя загипнотизированным, потому что шёл за Никитой к какому-то Мишке Зяблицкому, а был уже вечер, и бабушка, наверное, уже волновалась. Экстрасенс Мишка оказался тощим, длинным пацаном лет десяти и встретил ребят недружелюбно. А когда узнал, в чём его подозревают, напустил важности, велел ждать ответа и ушёл в дом за магическими приспособлениями. Ждать пришлось долго. Наконец, Мишка вышел к ребятам, в руках его был магический шар, который при ближайшем рассмотрении оказался пластмассовым плафоном от люстры.

— Я не писал записку, некогда мне такой ерундой заниматься, — наконец сообщил Мишка, — но я вам помогу узнать, кто её написал. Стойте тихо, сейчас я выйду в астрал, потом вернусь и всё расскажу.

С этими словами Мишка принялся делать пассы руками, раскачиваться и подвывать. Потом схватил плафон и долго вглядывался в его пластмассовый бок: «Вижу девчонку... Она пишет записку, прячет её в книгу... О, она учится в твоём классе. Отличница, кстати. Её имя начинается на ту же букву, что и твоё... Всё, астрал закрылся, не вижу больше ничего».

Никита усмехнулся.

— Ты плафон-то свой магический протри, вон какой пыльный. Может, ещё чего увидишь?

— Я вам и так много сказал, — Мишка обиделся, — не верите, да? Я завтра с вами пойду эту девчонку искать. Мне, может, самому тоже интересно.

— Ага, и шар свой прихвати, вдруг пригодится. Ты нам зачем нужен-то? Девчонку гипнотизировать, как куриц? Так она не курица, если что.

Вовка не слышал перепалку ребят, он стоял потрясённый и растерянный. Девчонка с именем на букву «В» в его классе была одна, Вика. И жила она в соседнем подъезде. Девчонка? Записку написала девчонка?! Такое бедному Вовке даже в голову прийти не могло.

— Эй, хватит мечтать! — Никита дёрнул Вовку за рукав куртки, — давайте все по домам, поздно уже. Встречаемся завтра на школьном дворе в десять ноль-ноль, не опаздывать! Найдём мы твою поклонницу, не переживай.

Никита посмотрел на потерянного и бледного Вовку и решил проводить его до дома. Этой ночью Вовка спал плохо. Ему снились загипнотизированные куры, рыжий Никита, Мишка, летающий на магическом плафоне и Вика, прячущая записки во все книги в библиотеке.

На следующее утро ребята отправились к Вике. Вовка подумал о том, как глупо они выглядят и совсем сник. Никита решительно позвонил в дверь. Открыла сама Вика. На руках она держала полугодовалого брата Сёму и выглядела такой домашней в стареньком халате и тапочках, что Вовка окончательно растерялся.

— Привет, мы по делу. Можно войти? А то ребенка продует, – Никита затолкнул Мишку с Вовкой в квартиру и, нисколько не смущаясь, начал разуваться.

— Меня Никита зовут, это – Мишка, Вовку ты знаешь.

— Ну, проходите, если по делу. Вовка, поддержи Сёму, я чайник поставлю.

Вовка покраснел и неловко взял карапуза на руки.

— А ты ему понравился, – Вика засмеялась, – пойдёмте на кухню, я вас чаем напою с конфетами.

За чаем Никита прояснил Вике причину их визита и показал записку. Вика внимательно посмотрела на Вовку и задумалась. Правда, ей мешал Сёма, который вертелся у неё на коленях и норовил скинуть со стола всё, до чего мог дотянуться.

— Ты с чего вообще взял, что записка эта – тебе? Один ты, что ли Вовка на свете? Может, она другому какому-нибудь Вовке написана?

Вика выглядела такой серьёзной, что мальчишки притихли и тоже задумались. Молчание нарушил Вовка:

— А как же магический шар? Мишка ведь

тебя там увидел...

— Да-да, поясни-ка свои видения, маг ты наш доморощенный?

Никита перевёл на Мишку убийственный взгляд.

— Да что вы понимаете в магии?! Видения не всегда можно растолковать до конца! Я увидел Вику, потому что она единственная догадалась, что записка кому-то другому адресована, вот! Она важнейшее звено в этом деле, поэтому её я и увидел!

Вика вручила Сёме бутылочку с молоком.

— Пойдите, — Вовка даже вскочил от волнения, — если записку нашёл я, значит, кто-то не знает, что у него появился друг. Какой-то другой одинокий Вовка так и остался совсем один?

— Правильно говоришь! — Никита тоже вскочил и заходил по кухне, — надо найти этого другого Вовку и отдать записку. Только как его найти, вот в чём вопрос.

— Ребята, надо идти в библиотеку и узнать, откуда привезли эти книги. Ты же говоришь, там новое поступление было?

— Вика, ты — гений! Хоть и девчонка...

Никита подмигнул Вовке:

— Пошли, разгадаем уже твою тайну.

— Подождите, сейчас мама придёт, возьмёт Сёму, я с вами пойду.

Вовка играл с малышом, когда пришла Викина мама. Она очень удивилась гостям и похвалила Вовку: « Молодец! Не каждый с нашим непоседой сладит. Ты приходи почаще, вон Сёма тебя даже отпускать не хочет!»

Потом был поход всей компанией в библиотеку. Тетя Даша рассказала, что книги подарила библиотеке её старая знакомая, бывшая учительница, в настоящее время пенсионерка Тамара Ивановна Машинская, и дала её адрес. Посоветовавшись, ребята решили сходить к бывшей учительнице завтра, потому, что Никиту мать отправила присмотреть за хозяйством, а Вовке позвонила бабушка и позвала обедать.

На четвёртый день каникул ребята всей компанией отправились на другой конец села, чтобы разгадать уже, наконец, тайну библиотечной записки. Тамара Ивановна такому нашествию немного удивилась, пригласила всех в дом и познакомила с внуком: «Владимир, к нам пришли! Ребята, мой внук не слышит, но умеет читать по губам. Прохо-

дите, не стесняйтесь».

Черноглазый мальчик в клетчатой рубашке лет двенадцати оторвался от компьютера и внимательно смотрел на ребят. Вовка подошёл к нему и протянул записку: «Кто-то написал её тебе. Я нашёл это в вашей книге».

Невероятное волнение охватило всех. Владимир прочитал записку и показал её своей бабушке. В его больших чёрных глазах стояли слёзы. Тамара Ивановна обняла внука: «Я знаю, кто её написал. Помнишь, к нам приходила Настя, я занималась с ней английским? Она расспрашивала о тебе, а ты такой нелюдимый, всё за компьютером сидишь да за книгами, не подступиться к тебе! Я позвоню ей сейчас. И не вздумай возражать!»

Настя прибежала через двадцать минут, весёлая курносая девчонка с длинной русой косой. А потом был пир на весь мир! Потому что у Тамары Ивановны поспел в духовке пирог с грибами, а Настя принесла мороженую клюкву, которая таяла и источала потрясающий запах лета и солнца. Вовка был счастлив. Он ел клюкву с сахаром и думал о том, что ещё четыре дня назад он, Вовка, был совсем один. Да, он много читал и мечтал. Но никог-

да раньше он не кормил пушистых кроликов, не видел магических шаров, не играл с малышами и, самое главное, никогда не чувствовал себя таким счастливым, каким можно быть только среди друзей.

Мария Нахорукова

ШКОЛЬНЫЕ ШПАРГАЛКИ

ДРУЗЬЯ

На лето второклассник Антошка был отправлен к бабушке в деревню. Перед расставанием с другом-ровесником они поклялись писать письма друг другу. И вот как-то, в минуты передышки бабушки от огородных дел, Антошка попросил у неё лист тетрадный, ручку ученическую, чернильницу-непроливайку – другие бабушка не признавала – конверт для письма. Шмыгнув носом, окунув перо «Звёздочка» в чернильницу, Антошка начал выводить букву за буквой, рассказывая о своём житье-бытье у бабушки. Не обошлось без кляксы. Наконец, после слов «До свидания. Жду ответа...», – подумав, для солидности добавил, – как соловей лета». В конверт вложил сложенный вдвое исписанный листок. Набрал во рту слюну, кончиком языка лизнул уголок, и приложил его к прямоугольнику конверта. Придавил двумя ладошками. Подумав, для верности, сел на письмо. Теперь уж точно не

откроется в дороге. Уговорил бабушку сразу сходить с ним на почту, которая находилась за берёзовой рощей на другом конце деревни. Одного внука в такую даль бабушка не пускала.

На обратном пути, всякий раз, как только бабушка останавливалась, чтобы узнать деревенские новости, внук нетерпеливо тянул её за руку в сторону дома. Раньше этого за ним не наблюдалось. Пока бабушка перемывала косточки всем, живущим на селе, со встречными кумушками, Антошка мог наблюдать за полётом шмеля, поиграть с божьей коровкой. А то задерёт голову к небу и мысленно пририсовывает к облакам ноги, хвосты, головы, тем самым создавая фигуры животных.

В этот раз бежал домой не останавливаясь.

Вот, наконец, и долгожданная калитка бабушкиного дома. Антошка, вместо того, чтобы забежать в тень веранды от нещадно палящего солнца, бросается к почтовому ящику, прибитому ещё его дедом к забору гвоздями «соткой».

– Ты чё это, унучек, сказивси сёдни, што ли: то с этим письмом на почту, потом бегом

до дому, а теперь к ящику почтовому припал, словно к ведру колодезной воды?

Антошка, не обнаружив ничего в ящике, разочарованно сказал:

– Хочется поскорее узнать, как у друга дела. Я думал, пока шёл домой, от него уже ответное письмо пришло...

КОНФЕРАНСЬЕ

Летом всегда находились затейники среди старших во дворе. Они придумывали разные интересные дела, как бы сейчас сказали «ролевые игры».

Одной из таких игр была подготовка концерта силами дворовых девчонок и мальчишек для жителей двора. Выбирался режиссёр-постановщик концерта, музыкальных дел мастер, представитель Терпсихоры – постановщик танцев. Самая симпатичная и маленькая, но уже школьница назначалась конференсье. А какие номера были – всех жанров: хоровое и сольное исполнение песен, чтение стихов, сценки-отрывки из «Тома Сойера», «Вити Малеева в школе и дома», и обязательно частушки на школьные темы. Подготовку

начинали с утра. А вечером уже устраивали представление, на большее не было ни времени, ни терпения – впереди другие игры. Репетировали, писали афишу, торжественно её вывешивали на доске объявлений. Хотя и так весь двор от дошколят до стариков кишел новостью о предстоящем зрелище. В тот раз концерт решили провести в форме телевизионного «Голубого огонька». Тщательно готовили конференсье: как выйти к зрителям, поприветствовать их. Как по-особенному представлять каждый концертный номер. Режиссёру хотелось сделать расставание после последнего номера особенно запоминающимся.

– Закончится последний номер, ты выйдешь к зрителям и с тёплой улыбкой скажешь: «Дорогие зрители! Спасибо за внимание! Концерт окончен! До новых встреч в эфире!»

Но восьмилетняя конференсье решила, что нет такого слова – эфир. «Я-то лучше знаю. И скажу так, как надо», — думала она. А как надо – ещё не придумала.

Солнце клонится к закату. После дневных хлопот, отложив все свои огородные дела,

зрители уселись на скамейке, вкопанной в землю, кто-то выносил свои стулья, табуретки.

«Голубой огонёк» начался. Конферансье работает, как профессионал центрально телевидения Светлана Жильцова. И выразительность в голосе, и дикция, и улыбка – всё при ней.

Закончился последний номер. Ведущая с роскошной улыбкой на лице объявляет:

– Дорогие зрители! Спасибо за внимание! Концерт окончен! До новых встреч в КЕФИРЕ!»

Зрители, озабоченные предстоящими домашними делами, не обратили внимания на последнее слово конферансье, стали расходиться по домам.

И только одна бабушка, часто гостившая у дочери в городе, зная о кефире не понаслышке, кряхтя и поднимаясь с лавочки, заметила:

— Спасибо, девонька, что не в ПРОСТОК-ВАШЕ...

ДЕВОЧКА-ВУЛКАНОЛОГ

Мечтали школьники послевоенной поры, как ни в какое другое время. Мечты были светлые и возвышенные. Их не скрывали от одноклассников. И горе было тому, у кого мечта не вписывалась в стандарт мышления подростков. А если мечтателем оказывалась неказистая, маленькая, девчонка, тогда у неё было два пути: либо терпеть насмешки, либо защитить свои мечты.

Октябрина во все годы учёбы на уроках физкультуры в строю стояла на правом фланге – последней. Худенькая, даже костлявая, но жилистая. Любая работа ей была по плечу и в школе, и дома.

Но утраздило же ей влюбиться в профессию вулканолога. Тогда мало что было известно об этой профессии. Одно все знали точно: вулканолог – профессия мужчин, только смелых, только сильных духом. А здесь пигалица какая-то возомнила о себе. Родители ей выписывают специальные журналы и другую литературу. По возможности приобретают атрибуты такой героической профессии для дочки. Вот и накануне тех событий мама при-

несла – купила в сельмаге по дороге с работы домой – дочке головной капроновый платок. Да такой красивый. На всю площадь полотна изображение вулкана Кроноцкая сопка, который Октябрина видела в журнале «Турист». Красота силы природы, не подвластная разуму человека.

Как радовалась такому неожиданному подарку дочка, примеряла его. А наутро, торжественно подвязав его на подбородке, пошла в школу, навстречу своему самоутверждению.

Прошло два урока. И тут угораздило же Сеньке, соседу по парте, здоровяку класса, заглянуть в портфель одноклассницы. Там он разглядел необычный рисунок и сразу понял, что этот «недомерок» примеряет мечту уже и на своих девчоночьих нарядах. Выхватил платок из сумки, растянул его, как тореадор красную тряпку перед жертвой.

– Поймай, поймай, горе-вулканолог, подпрыгни, поймай.

В другое время на любые чудачества мальчишек она ответила бы холодно-презренным равнодушным взглядом. Но только не в этой ситуации.

Девочка, сурово сдвинув брови, шла на

него, глядя снизу вверх и приговаривая сурово:

– Отдай!!! Последний раз говорю, отдай, а то хуже будет...

В душе её одновременно росли отчаяние и решимость, постоять за поруганную мечту, защитить своё достоинство. Она чувствовала себя словно в стае волков, которые со всех сторон улюлюкали и поддерживали Сеньку:

– Ату её, Сеня, ату!..

Перед ней в тот момент стоял смеющийся враг её мечты, в ушах звон и крики мальчишек. Подступив вплотную, она вдруг услышала за спиной тишину, пугающую её. Но отступать не собиралась...

Прозвенел звонок на урок. Учитель уже вошёл в класс. Одноклассники, кто с интересом, кто со страхом, ждали развязки.

Октябрина решилась: после очередного предупреждения, зажмурившись, дала обидчику пощёчину такой силы, что в следующее мгновение, открыв глаза, увидела алый след своей ладони на его щеке.

Сгорая от стыда, Сеня – гроза всех малышей – протянул ей платок:

– На! Возьми!

– Я же предупреждала тебя, что хуже будет!

Все разошлись по своим местам.

А учитель, прошедший военным лётчиком всю войну, только воскликнул:

– Вот это да-а-а...

С того времени она не только получила признание и уважение своей мечты, но и стала среди подростков третейским судьёй.

... А мечта её всё-таки исполнилась.

ГЕОГРАФ-ПУТЕШЕСТВЕННИК

Учитель географии в глубоком сибирском селе в первой половине XX века, чтобы увлечь учеников своим предметом, при изучении рек и озёр, непременно вынимал из глубин учительского стола старую бутылку, горлышко которой было заткнуто самодельной пробкой, скрученной из газеты. Проходя по классу между рядами парт и демонстрируя содержимое очередной бутылки, комментировал:

– Ребята, я когда-то давно был на берегах Нила. Там набрал воду из реки, и теперь её вам показываю. Обратите внимание, какая мутная вода с примесями глины и песка. Те-

перь вы можете воочию удостовериться и запомнить на всю жизнь, что Нил несёт очень мутную, непригодную для питья воду.

Изучив Африку, «переезжали» в Южную Америку. На одном из уроков:

– Ребята, путешествуя по Амазонке, я встретился с пираньей (далее следовал рассказ об этой кровожадной рыбке). Я успел набрать в бутылку амазонской воды. Она с примесями частиц от жертв пираньи.

И далее шёл увлекательный рассказ об особенностях воды в Амазонке, её обитателях. И демонстрировалась теперь уже другая бутылка.

Мальчишки, сопя носами, внимательно слушали рассказ. А девчонки смотрели на учителя восхищённо-влюблёнными глазами – как же, с самой пираньей встречался!..

В IV четверти добирались до Евразии. И там, при изучении озера Байкал – самого чистого, самого глубокого, самого древнего, с эндемиками растений и животных, уже восхищались прозрачностью и свежестью его воды, не смотря на то, что она – вода – в очередной бутылке хранилась у учителя ни один десяток лет.

Как же увлекательны были эти уроки!!!

С каким удовольствием вспоминали их ученики по прошествии десятков лет.

... Встреча в связи с 50-летием основания школы. Съехались выпускники со всех концов страны. Пришёл на встречу и географ, убеждённый седидами, но, как и прежде, оптимистично настроенный. Пришёл, как он в своей приветственной речи сказал, исключительно для того, чтобы покаяться:

– Ребятки, моя жизнь сложилась так, что я дальше нашей области никуда не выезжал.

В воздухе повис немой вопрос.

– Каждое лето я отправлялся к престарелым родителям, которые жили на севере области, где помогал им по хозяйству: косил на зиму сено животным, ремонтировал хозяйственные постройки, жилые помещения. В огороде помогал управиться. Ближе к осени возвращался загорелый, полный впечатлений от прожитого. Но кого заинтересуют впечатления от поездки всего-то за несколько сотен километров. Вот я и придумал «ход конём», показывая вам в разных бутылках воду, набранную из водоёмов моей малой родины. Если бы кто-нибудь догадался вынуть пробки

из бутылок и развернуть газеты, узнал бы название районной газеты Асиновского района.

Велик был восторг выпускников...

ВЫСОКАЯ НАГРАДА

Благодаря уникальной памяти, учителя, даже спустя десятилетия, рассказывают в мельчайших подробностях о событиях из своей педагогической жизни.

Вот и Леонид Никодимович как-то поделился своими воспоминаниями:

– Случилось это в семидесятые годы прошлого столетия. Отсутствовал я дома две недели – был в Томске на курсах повышения квалификации по немецкому языку. Закончились занятия, подтверждены зачёты, сданы экзамены, на руках удостоверение. Можно ехать домой. Но как?

Суббота. Автобус рейсовый, как это часто случалось в те годы, отменили. Остаться ещё на сутки? Хотелось в Самуськи побыстрее. На дворе июнь месяц – самая садово-огородная пора.

Я кинулся в речной порт. Успевал на последний рейс. Да и тот проходил в Орловку, минуя Самуськи. А это значит, увезёт меня «Ракета»

дальше Самуськов на десять километров. И ещё загвоздка: высажусь я на Орловском дебаркадере в одиннадцать часов вечера.

Рассудив так:

– 10 км это не 57, как от Томска до Самуськов, за полночь буду дома, – я решился на эту авантюру.

Вышел на орловский берег ближе к полуночи. И пошёл через деревню по трассе, посыпанной щебёнкой. Минуя последние дома, трасса углубилась в кедрач. Деревья с двух сторон смыкались шатром.

Пройдя ещё совсем немного, увидел на опушке костерок, вокруг которого сидели молодые парни. Кто-то на гитаре перебирал струны, а самый хозяйственный прутиком перебирал картошку в костре – знатный будет перекус у молодёжи.

– Добрый вечер, ребятки! – поприветствовал я костровых, скорее по деревенской привычке здороваться со всеми встречными, так как никого лично не разглядел в отблесках костра. Да и торопился, некогда останавливаться для душевных разговоров.

Прошёл ещё минут десять. Нагоняет меня мотоциклист – один из присутствующих у

костра – по голосу узнал:

– Садитесь, Леонид Никодимович, я Вас быстро домчу до дома.

Поблагодарив за столь нечаянную дорожную радость, я сел. И через 15 минут был дома.

Ссаживаясь с мотоцикла, поблагодарил паренька и спросил:

– А откуда ты меня знаешь, хлопец, да ещё по имени?

– А помните, когда-то Вы у нас в школе вели историю и немецкий язык, после того, как учительница уехала из деревни в начале учебного года. Вы в мороз на лыжах приезжали в нашу школу, а весной – на велосипеде, после уроков в Самусьской школе. Мы Вас всегда ждали. Даже если немного задерживались, мы, чтобы не мешать другим ученикам, на улице в салочки играли. А потом бежали Вам навстречу, заводили велосипед в школьный сарай и шли на урок...

Прошло много лет с той поры. Но эта встреча с орловскими ребятами и состоявшийся разговор с мотоциклистом — для меня самая высокая награда моего труда, – закончил Леонид Никодимович своё воспоминание.

Оглавление

Предисловие	3
Светлана Костина	4
Мерген Челтанов	45
Галина Свириденко	51
Валерия Тюхтенева	87
Ольга Ельдекова (Истомина)	92
Александр Кобзев	121
Людмила Гришка	182
Татьяна Чанчибаева	208
Юрий Пастухов	220
Надежда Кетрарь	227
Мария Образцова	268
Зинаида Бузырёва	271
Мария Пахорукова	285

Майминское литературное объединение «Ли́ра».
Майма, ул.Советская, 57.
Тел. 8-(38844)-22-9-76

Редакционная группа: *О.М.Ельдекова (Истомина),
Т.П.Чанчибаева, Г.Н.Свириденко*

Рисунки: *С.Б.Костина, М.В.Ельдеков, рис.с интернета*

Вёрстка и дизайн: *А.А. Кобзев*

